ZB
400
B19

DБ
400
В-19

И. М. ВАСИЛЕВСКИЙ
(НЕ-БУКВА)

9 (47)
К. 19.

Фундаментальная
Библиотека
КУ. Т. В.
ПОГАШЕНО

Николай II

ПОГАШЕНО

Проверено 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“
ПЕТРОГРАД — МОСКВА
1923

3 и экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
520047

Петрооблит № 3621. Тираж 11000 экз.

Типо-Литография Красный Печатник. Петроград, Междунар. 75.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Есть ли сейчас надобность говорить и писать о Николае II и его эпохе? Стоит-ли раскрывать, без особой нужды, из одного только любопытства эту унылую летопись безумств, пошлостей и преступлений? Не лучше-ли предоставить мертвым погребать своих мертвецов? Пусть пишут о Николае II оставшиеся не у дел сановники, претендующие на глубокомыслие иностранные дипломаты, или просто бывшие царские слуги, очутившиеся в изгнании. Какое дело революционной России до этого коронованного призрака и его не менее призрачной свиты?

Призрак, однако, не хочет признавать себя похороненным. Изгнанный из пределов России, он бродит по Европе и пытается воскресить монархическую легенду. При таком положении вещей не мешает, пожалуй, подвести кое-какие итоги тому, что мы узнали в последние годы о Николае II и как о монархе, и как о человеке.

Книга И. М Василевского является одной из таких попыток дать характеристику Николая II. Автор ее — фельетонист, и это не могло не отразиться на его работе. Перед нами не историческое исследование, а всего лишь психологический этюд, написанный в обычных фельетонных тонах. Но автору удалось собрать много фактов, мелких бытовых штрихов, дающих материал для суждения о последнем русском самодержце, и его книга не лишена интереса.

Русская революция, получившая свое завершение в октябре 1917 года, явилась результатом не личной политики Николая II, а закономерным результатом объективных условий русской действительности. Николай II своей политикой несколько ускорил процесс наростания революционного настроения. Но если бы вместо Николая II, как справедливо указывает И. М. Василевский, был кто-нибудь другой, революция была бы столь же неизбежна. „Распутинство“ расширило круг лиц, боровшихся с самодержавием Николая II. Но эти невольные, трусливые попутчики революции отшатнулись от нее, как только она стала действительным фактом. Впрочем, они никогда и не боролись

сколько-нибудь активно даже за простую конституцию! Пророчество Г. В. Плеханова о том, что в России революция победит, как революция пролетарская, или ее вообще не будет, блестяще оправдалось.

Все это не чуждо пониманию автора настоящей книжки. Он сам подчеркивает, что дело не в Николае II, а в монархизме, который довел Россию и не мог не довести и до „распутинства" и до участия в мировой бойне, и до всего того, свидетелями чего мы были в последние годы самодержавия. Но, хорошо все это понимая, И. М Василевский придает все же слишком много значения „роли личности в истории" и выставляет Николая II чуть ли не главным виновником гибели царской России. Нарисовав умелой рукой яркий портрет Николая II, автор, вслед за обывательской молвой, слишком преувеличивает безволие последнего самодержца Мы знаем, хотя бы из секретных протоколов Петергофских совещаний, что Николай II не всегда был безволен, а часто, наоборот, проявлял свою волю в совершенно определенном направлении. Когда во время Петергофских совещаний наиболее дальновидные из сановников советывали ему пойти на уступки, он решительно отклонял все эти советы, имевшие единственною целью, как казалось советчикам, спасти монархию и монарха Николай II следовал всегда „плохим советам" не потому, что он был безволен, а потому, что он был выразителем и орудием определенного классового мировоззрения и определенных феодально-помещичьих кругов У Николая II была одна только опора — реакционное дворянство, союз землевладельцев, направленный против крестьянства и рабочего класса И, естественно, что он следовал политике, диктуемой ему „30 тысячами" русских помещиков. Русская революция явилась, таким образом, результатом внутреннего роста той самой, — выражаясь терминологией И. М. Василевского, — „темной, неграмотной, мужицкой страны", которая давно переросла те внешние формы, в которые она была вкована. Ни остановить этот процесс, ни замедлить его, было не под силу отдельному человеку, хотя бы он обладал всеми прерогативами русского самодержца.

Моральное растление, жалкая слабость характера и даже форменное патологическое сумасшествие имело немало своих представителей на русском императорском троне за три века царствования дома Романовых. Неудачных войн Россия тоже вела немало. Народ был угнетен всегда. Страна из рук вон управлялась плохо тоже всегда. Чиновники воровали, помпадуры-временщики безобразничали. И, однако, до 1905 года, дело ни разу не дошло

до революции потому, что до 1905 г. русское рабочее движение было еще слабым, а крестьянское движение было дезорганизовано и выражалось в отдельных захватах помещичьей земли, в нападениях на помещичьи усадьбы. По мере роста рабочего движения, неизбежно росли и силы революции, а когда война раскрыла глаза самым широким кругам крестьянства и рабочего класса, то дни самодержавия были сочтены.

Быть может, февральская революция не оказалась бы столь „бескровной", победа над Царским Селом не была бы столь легка, если бы на месте Николая II был другой монарх,—с более сильной волей, с умом самостоятельным и твердым, с чертами личного благородства в характере. Убрать монарха не трудно, если разразилась историческая буря, труднее бывает убить монархическую легенду, подорвать традиционное, глубоко въевшееся в мещанские и крестьянские души чувство преклонения перед монархом. Германия—тому живой пример Вильгельм,—не чета Николаю II, однако, и его, вместе с кронпринцем и двором, как пылинку, смела историческая гроза. Вильгельма нет в Германии, но монархизм живет еще в некоторых душах, питается неразвенчанной легендой. И хотя документы, факты и собственные мемуары уже развенчали легендарный образ германского императора для всей отсталой, прокисшей в старо-бюргерском быту Германии, облик Вильгельма остается еще пленительным.

Историческая заслуга Николая II перед русской революцией в том, что он не оставил и не мог оставить после себя монархической легенды. *Не случайно в февральские дни 1917 года он не нашел ни одного человека, который пожелал бы встать на защиту престола и династии.* Министры отреклись от него с такой же поспешностью, как и дворцовые лакеи. И дело не только в том, что Николай II был ничтожеством на троне, а Александра—злой истеричкой, дело в том, что личное вырождение династии было ярким выражением окончательного и полного разложения русского правящего дворянства. Царское Село было образцовой, показательной помещичьей усадьбой, дожившей в сохранности от времен Николая I до февраля 1917 г

Чем громче, смелее и увереннее звучали голоса в рабочих кварталах Петербурга и всей России, тем теснее замыкался первый помещик России и первый ее дворянин в своей царскосельской усадьбе. В душной атмосфере Александровского дворца, пропитанного ладоном и постным маслом, среди икон и молитвенных причитаний, он управлял Россией вместе с юродивыми и знахарями, с приживальщиками и шутами—совсем как его предки старой

московской Руси. Но Россия была уже не та, и стоило разразиться военной грозе, как Николай II был сметен.

Теперь Николая II нет. Остались одни только дворцы, — они превращены в исторические музеи, и хранители музеев стараются показать их в том виде, в каком они были при их владетелях. Посетители Царскосельского и Зимнего дворцов, проходя через пустые, застывшие в своем великолепии комнаты, проходят, вместе с тем, и курс русской истории: от величественного и цельного, хотя и подражательного, стиля первых императоров до упадочного безвкусия и выродившегося стиля последнего монарха. Этот наглядный урок поучителен. В нем как нельзя ярче выражается падение и вырождение дворянско-помещичьего строя.

Но недостаточно сохранить мебель, стены и картины. Надо населить эти опустевшие палаты живыми образами ушедших в прошлое людей. Надо представить перед стеной с десятками грошевых иконок царицу, вымаливающую у своего бога крушение поезда, в котором едут ее ненавистные враги — члены Государственной Думы. Надо представить царя в интимном углу своего дворца, когда перед порнографической картинкой он обдумывает план нового разгрома ненавистной ему России фабричных труб.

Предлагаемая читателям книжка возвращает дворцам-музеям их музейных обитателей, возвращает такими, какими их знала и видела обывательская молва, с неизбежными неточностями и ошибками, с мещанской наклонностью к сентиментальностям.

Александровский дворец-музей превосходно служит своей цели: он сам по себе средство революционной анти-монархической агитации. И той же цели, по своему и самими средствами, служит книжка И. М. Василевского. Это не история. Но это то, что для монархов и монархической легенды бывало опаснее истории: это — молва.

Историк подошел бы иначе, чем И. М. Василевский, и к эпилогу жизни Николая II, — к его казни. Историк понял бы, что в Екатеринбурге создалась такая политическая обстановка, что казнь Николая II явилась неизбежной, и что вообще в вопросах о жизни или казни Людовика XVI или Николая II не может быть места сентиментальным чувствам, а должна приниматься во внимание только политическая целесообразность. Но книжка И. М. Василевского, повторяем, только психологический этюд, и от автора ее нельзя требовать больше того, что он может дать.

Л. Нежданов.

ГЛАВА I.

Цель жизни Николая II.

Какое тяжелое ремесло, какая сложная профессия — быть самодержцем.

Неудивительно, что профессионалы, объявляющие себя специалистами этого дела, так часто оказываются не имеющими о нем ни малейшего понятия.

Еще сто лет назад, когда в 1819 году в государственном совете обсуждались „меры к улучшению быта крепостных крестьян", присутствовавший на заседании Александр I-й был очень взволнован услышанными им прениями. После заседания князь Кочубей с невеселой улыбкой обратился к графу Мордвинову:

— Государь почти двадцать лет процарствовал, а оказывается, так и не знал, что в России людей продают, как скотину, врознь с семьями.

Эта малая осведомленность, как известно, не помешала Александру получить звание „Александра Благословенного".

Но в этом виноват уже не Александр. В этом виновата была Россия, бывшая в те времена страной покорных рабов, столетиями терпевших своих обожаемых монархов-самодержцев.

Чтобы сделаться шоффером или ветеринаром, надо пройти особый курс, выдержать специальный экзамен. Но, чтобы сделаться самодержцем — не нужно было ровно ничего, кроме рождения.

Тем удивительнее те выдающиеся способности, та совершенно исключительная подготовленность, какие проявил Николай II, выступив на исторической арене в важной и ответственной роли последнего самодержца.

Говорить о царствовании Николая II — легко, говорить о личности Николая — трудно. И это не только потому, что царствование его было на виду, а личная жизнь скрыта, но еще и потому, что человек — это всегда загадка, всегда тайна и мистика.

Царствование Николая уже и теперь видно ясно и отчетливо. Оно однородно, цельно и последовательно.

Победоносцев был и ранее, он достался Николаю в наследство. Но Распутин — это уже благоприобретенное. Земские начальники были тоже получены по наследству от отца, но военно-полевая юстиция — это свое собственное, новое. „Сорок тысяч полицеймейстеров" — это было готовое, но карательные экспедиции — были созданы заново. Надо ли длить эти параллели? В одном отношении царствование Николая — отдадим ему справедливость — является величественным и вполне, до конца, до предела отвечающим своему назначению: он сделал невозможным самодержавие в России. Это был его рок, его фатум, и всю жизнь он был орудием этого предопределения.

Воистину многое совершил для осуществления этого Николай II. Двадцать два года упорной, неослабной, ни на минуту не прерывавшейся работы понадобилось ему на то, чтобы в насквозь монархической, темной, неграмотной, мужицкой стране не только расшатать и ослабить, но и с корнем, как удаляют щипцами испорченный и болезненный зуб, вырвать вон исконную и мистическую любовь к царю, веру в него.

И это вот историческое задание свое Николай разрешил воистину блестяще. Если бы он сознательно и продуманно добивался этой цели, он не мог бы сделать этого лучше. Ходынка и Григорий Распутин, виселицы и Союз русского народа, спиритизм и война, „Красное воскресенье" 9-го января и азефовщина, — все средства без исключения были им применены, чтобы добиться результатов. Напрасно

мешал ему Витте, вставляя палки в колеса делу разрушения монархизма и прикрывая зияющие дыры его яркими заплатами: то „манифестом 17-го октября“, то золотым запасом и расцветом промышленности. Напрасно пытался П. А. Столыпин подпереть гнилые стропила законом о землеустройстве. Напрасно старалась конституционно-демократическая партия ослабить работу Николая и хотя бы подобием моста прикрыть историческое болото царского режима.

Николай II оказался сильнее их, изобретательнее. Он не только сумел удалить помехи на том пути развенчания монархии, по какому он, как загипнотизированный, шел все дни своего царствования, но сумел даже и препятствия обратить на пользу своему делу.

Ему мало было всех Сипягиных и Плеве. От „крайних левых“, из эмиграции, от террористов он призвал в помощники Азефа, а из государственной думы, от умеренных, А. Д. Протопопова, от церкви Гапона и Илиодора, от низов народных Григория Распутина и Митьку-юродивого... Ото всех слоев, изо всех классов государства Российского призывались незаменимые для этого дела люди. Если и этого оказывалось мало, он выписывал и из-заграницы: то авантюриста-парикмахера Филиппа или спирита Папюса из Франции, то знахаря Бадмаева из Тибета. Он не упустил ни одного способа скомпрометировать трон, ни одного случая развенчать и затоптать в грязь самое понятие самодержавия. Для этой исторической цели он ничего не жалел, даже себя и своей семьи.

Когда недостаточно оказалось Сипягиных и Плеве, с их погромами, тюрьмами и нагайками, и выяснилось, что и самыми жестокими мерами внутренней политики в России настоящей революции не вызвать, Николай сделал больше, чем возможно, еще и в области политики внешней. Шайке Абазы и Вонлярлярского удалось таки путем сложных махинаций с концессиями на Ялу вызвать войну. Но и этого было мало: как не очевидно было позорище с разгромом великой России маленькой Японией, одного этого оказалось недостаточно для подлинной и решающей революции в России. Николаю пришлось дождаться великой мировой войны, не

остановиться перед миллионами жертв, чтобы добиться, наконец, цели, к какой он шел все годы — окончательно и бесповоротно уничтожить самую идею самодержавия в России. И только тогда Николай II увидел, наконец, что труды его увенчались успехом, что он добился цели, — и спокойно и просто („как командование ротой передал", говорили очевидцы) подписал текст отречения.

Погубить самодержавие, его корни и идею — такова была миссия Николая, его судьба, его историческая роль и предназначение.

Он сделал свое и заслужил право на отдых, этот неутомимый работник. Он имеет право на признательность современников и потомков. Историческая задача его была очень нелегка, но она разрешена им блестяще и окончательно, как и в сотой доли не сумели разрешить своих задач Петр Великий и Александр II Освободитель.

ГЛАВА II.

Начало царствования.

Октябрь 1894 года. Александр III умер, как известно, в Крыму. Тело новопреставленного самодержца, грузное и тяжелое тело в бозе почившего Александра III, приходится везти через всю Россию, из Крыма в Петербург.

Эта траурная поездка до такой степени необычна, что на этот раз при дворе успевают забыть о целом ряде сложных предосторожностей, составляющих неизбежный ритуал движения царских поездов. Эти десятки и сотни тысяч солдат, какие полагается выстроить вдоль рельс на всем протяжении царского пути; эта усиленно-охранная чистка всего населения от маленькой станции с ближайшим волостным правлением и до губернских и столичных жандармских мероприятий; эти „поддельные“ царские поезда, какие из предосторожности, с соблюдением всех формальностей, пускались до и после настоящего поезда и т. п., и т. п., — все это, правда, проделывалось, как и всегда, но проделывалось только формально, на-спех, без обычной четкости административного восторга.

Но вот унылая поездка закончена: — тело почившего самодержца уже в Петербурге.

— Честь имею поздравить с благополучным прибытием, — поторопился поздравить нового государя бравый Кривошеин.

— Смирно. Смотреть веселей, — умудрился скомандовать на Невском, при встрече шедшей с Николаевского

вокзала траурной процессии бравый ротмистр, будущий диктатор Трепов.

И вот—надо царствовать. Есть огромная, от Белого моря до Черного, раскинувшаяся страна, и есть 150 миллионов верноподданных, которые на что-то надеются, чего-то ждут.

Надо царствовать, надо что-то такое делать, как-то и чем-то проявлять себя.

— Отпустите с миром этого бедного, запуганного, молодого человека. У него есть невеста, которую он умудрился искренно полюбить с того самого момента (загадочные законы психики человеческой), как ему это было приказано суровым отцом. У него есть мамаша, властная и заботливая, лишь теперь, после смерти сурового супруга выпрямившаяся во весь рост. Дайте ему, этому мирному обывателю, командовать ротой, заведывать полковой швальней, сделайте его бухгалтером или кассиром. И каким же уравновешенным человеком и гражданином, хорошим семьянином, дельным и толковым исполнителем, любимцем окружающих— останется на всю жизнь этот робкий, скромный хорошо воспитанный, голубоглазый 25-летний молодой человек.

— Отпустите его! Дайте ему уйти из дворца, предоставьте ему скромную подходящую должность, и всю жизнь он не сделает никому никакого зла, не вызовет ни малейшего упрека, и, если доживет до революции, — он и после переворота будет скромно продолжать свое дело под надзором комитетов или комиссаров Временного Правительства. И если он доживет до октябрьского переворота, — он, — несть власть аще не от бога, — можно поручиться, не станет и помышлять о саботаже и будет терпеливо стоять в очереди за своим пайком из воблы и восьмушки, и окажется хорошим спецом на службе Рабоче-Крестьянского Правительства, и ни на минуту не помыслит о каком-нибудь заговоре, ему и в голову не придет оттачивать „нож в спину пролетариата“.

Но его не отпустили. С его жизнью, с его существованием, с каждым его словом и настроением были связаны важнейшие интересы придворных сановников, великих князей, камергеров, фрейлин, банкиров, министров, губернаторов, и т. д., и т. д., вплоть до последнего урядника

в деревне Голодаевке, до любого помещика, землевладельца из дворян, в селе Неелове. Бедный юноша был тесно зажат в тисках трехсотлетних традиций дома Романовых. Со всеми своими личными намерениями, со всеми планами и помышлениями, он был у жизни в лапах, он был — обреченный.

Тело Александра похоронено — надо царствовать. Есть какая-то внутренняя политика и есть политика внешняя. И ведь он, голубоглазый молодой человек — он „помазанник божий". Нельзя же показать, храни бог, что он растерялся, что он сконфужен. От его державного слова зависит судьба, зависит честь и самая жизнь миллионов. Это он, молодой человек с образованием и опытом зауряд-прапорщика, это он должен сейчас, сию минуту решать в окончательной и категорической форме все вопросы: и о том, нужна ли России конституция; и о том, как держать себя с Германией, с Францией и далеким Китаем; и о том, что нужно крестьянину, жалующемуся на малоземелье („землица маленькая, куренка, скажем, — и того выпустить некуда)"; и чего хотят эти странные люди, рабочие в шахтах Донецкого бассейна и на Ленских приисках в далекой Сибири; и чего требуют от него „свои", все эти „жадною толпою стоящие у трона" люди...

Чем больше вдумываешься в эти непомерно тяжелые переживания обреченного молодого человека, тем более испытываешь странное чувство жалости. За что? Неужели, и в самом деле, за грехи отцов? Он, бедняга, в те времена и по русски-то плохо говорил. Английское воспитание в детстве сказалось настолько сильно, что еще в первые годы царствования Николай II высказывался не иначе, как переводя свои слова с английского.

Даже личная-то свобода оставалась недостижимой для бедного самодержца.

Заграничные газеты того времени обошел следующий характерный эпизод, относящийся к первым дням царствования.

Глухой осенью 1894 года, днем, по Невскому проспекту шел молодой офицер с задумчивыми, печальными глазами. Офицер шел, не привлекая ничьего внимания, и благополучно миновал уже Милютины ряды, как вдруг перед ним выросла фигура градоначальника фон-Валя. Он бешено

мчался в своем экипаже по направлению от Зимнего дворца зорко осматривая прохожих по Невскому. Увидав офицера он выскочил из экипажа и, в упор глядя своими воспаленными глазами на смущенного офицера, тихо сказал ему:

— Это невозможно, ваше величество.

— Но, генерал...

— Это невозможно, ваше величество, я вас умоляю вернуться во дворец...

Моментально вокруг государя — офицер с печальными глазами был, действительно, не кто иной, как Николай II, самодержец всероссийский, — и фон-Валя собралась толпа. Царь продолжал итти по тротуару, фон-Валь шел сбоку, почтительно изогнувшись.

— Но, генерал, я вышел погулять...

— Это невозможно...

На этот раз последняя фраза была услышана толпой, слова: „царь, царь“ переходили из уст в уста; раздалось громкое „ура“, полетели вверх шапки; тогда Николай II был еще очень популярен, на него возлагали большие надежды, и появление царя без свиты и охраны наэлектризовало толпу... А в это время из Зимнего дворца уже прискакали адъютанты, окружили плотной цепью царя и повезли его в Аничков дворец к вдовствующей императрице (или, как тогда ее называли, к „покойной императрице“). „Мальчик“ получил большой выговор, и с тех пор его заперли окончательно под замок.

Но, если так тягостна была личная жизнь Николая, то еще мучительнее была его государственная деятельность.

Как трагичны оказываются уже первые шаги этого беспомощного „монарха всея России“! Уже в первые дни выясняется, напр., совершенно недопустимое по размерам казнокрадство министра путей сообщения Кривошеина. В области воровства и хищений удивить чем-либо на Руси трудно, но министр Кривошеин перешел, оказывается, все пределы, побил все рекорды. Не ограничившись постройкой роскошного дворца для себя на казенный счет; не ограничившись постройкой лично для себя в своей квартире особой церкви за счет казны (до чего не доводит человека

истинная религиозность); не ограничившись, далее, проведением железных дорог через свои имения, причем материалы для постройки, шпалы и т. п., продавал казне все тот же Кривошеин из собственных имений,—Кривошеин, как выяснилось, занялся в широких размерах еще всяческого рода спекуляцией, покупкой и перепродажей не только имений, но даже... и продуктов.

Все эти „черты из жизни“ Кривошеина разоблачил перед Николаем государственный контролер Т. И. Филиппов, человек и сам по себе далеко небезгрешный („Т. И. Филиппов не был вполне корректен в своей государственной деятельности“—деликатно говорит о нем в своих „воспоминаниях“ С. Ю. Витте). Доклад Тертия Ивановича о Кривошеине, о его сплошном воровстве и хищениях, оказался потрясающим: „одной десятой этих грехов было бы достаточно, чтобы признать Кривошеина недостойным занимать пост министра“, свидетельствует Витте. Не даром-же народная мудрость именно Кривошеину приписывает главную роль в распространенной легенде о министре, целовавшем икону: „Поймали его, значит, министра-то, что ворует уж очень, заставил его тут царь присягать, что больше воровать не станет. Для верности икону принесли, целовать заставили. Ну, он, министр, конечно, плачет, клянется, икону целует, а пока целовал, — глядишь, главный-то бриллиант, дорогой самый, и выкусил. Присягнул, домой ушел, а бриллиант то за щекой, так домой и унес“.

Впрочем, что-ж говорить о министре путей сообщения. Даже на наиважнейший в полицейском государстве пост министра внутренних дел найти честного кандидата, оказывается, невозможно, — с грустью констатирует юный монарх.

— Кого же вы советуете назначить: Плеве или Сипягина? — спрашивает Николай у престарелого К. П. Победоносцева.

„Один — подлец, другой — дурак“, со вздохом отвечает дословно старый идеолог самодержавия.

Но назначение получают оба: раньше дурак, потом подлец, — оба призываются на пост министра.

А когда надо за смертью Гирса назначить нового министра иностранных дел, — после долгих поисков приходится назначить князя Лобанова-Ростовского, того самого, о ком Александр III на одном из его донесений написал „непечатную резолюцию“, исключительно резкую характеристику. Николай чудесно знает о существовании этого документа, но назначить все же приходится именно князя Лобанова-Ростовского. И в министерстве со дня вступления в должность нового министра старательно заботятся о том, чтобы подальше припрятать в архив резолюцию Александра III (храни бог, их высокопревосходительству на глаза бы не попадалась), и брат министра молодой князь Лобанов, на вопрос о том, почему он уезжает заграницу, раздраженно отвечает:

— Не могу же я оставаться в России, когда она дошла до такого положения, что даже мой брат может оказаться министром.

Назначение на пост министра человека не только с темным прошлым, но еще и „с патентом“, с прошлым, которое закреплено особой высочайшей резолюцией, — не является исключением. Таковы были нормы жизни при дворе.

В свое время наличность резолюции Александра III о П. Н. Дурново: „Убрать этого мерзавца в 24 часа“, как известно, не помешала Николаю назначить П. Н. Дурново министром.

Знаменитая резолюция о Дурново была положена Александром III после того, как этот сановник в своих поисках частных писем некоей дамы, за которой он ухаживал, залез в письменный стол бразильского посланника. Похождение это для П. Н. Дурново, да и для многих представителей режима, было будничным и вполне обычным. Резкая резолюция последовала только потому, что на этот раз П. Н. Дурново забрался в стол посланника, т.-е., то место, где полагается соблюдать экстерриториальность и где, вместо обыска, пришлось для этого инсценировать особый пожар. Все знали, что этот поджог являет собой шантажное похождение, для П. Н. Дурново далеко не самое крупное. Были дела и покрепче. Более того, в краткие „дни свободы“,

резолюция Александра „убрать этого мерзавца в 24 часа“ была опубликована и обошла всю печать, русскую и европейскую, вызвав неисчислимое количество каррикатур и комментариев. И все же... И все же П. Н. Дурново был, как известно, назначен министром даже и в „конституционные дни“.

Людей нет. Не было и не могло быть в распоряжении самодержавного режима. Были „вахмистры по воспитанию и погромщики по убеждению“, взяточники и казнокрады, были усмирители и каратели, были воры и палачи, но государственных людей не было.

Еще ярче, еще показательнее, чем история с П. Н. Дурново, история с назначением Б. С. Штюрмера, заботами Распутина оказавшегося не только министром иностранных дел, но и премьер-министром в самый ответственный период, в дни мировой войны.

За Б. С. Штюрмером числилась резолюция даже не Александра III, а самого Николая II, резолюция не только повторявшая стиль „незабвенного родителя нашего“, но и еще более резкая: „убрать этого вора в 24 минуты“ — собственноручно начертал в первые же дни своего царствования Николай II на докладе Витте о Штюрмере.

Б. С. Штюрмер был министром внутренних дел в последние годы царствования Александра III.

Доклад С. Ю. Витте, после которого Штюрмера убрали в отставку, был, даже и по придворным обычаям, ошеломителен.

Дело в том, что Штюрмер, являясь владельцем очень крупных имений, пользовался своими связями так удачно, что из всего округа, составленного из штюрмеровских владений, никаких налогов так и не поступало.

Брать из казны широкой и щедрой рукою Б. С. Штюрмер был согласен. Но платить что бы то ни было в казну — это казалось ему смешным дон-кихотством. Точка зрения в кабинете министров вовсе неоригинальная. Эту позицию министр мог сохранять за собой долгие годы без малейших неприятных последствий.

Но Б. С. Штюрмер эту точку зрения стал толковать

распространительно. Никаких налогов не поступало не только от него лично, но и от целых округов, где были расположены его имения.

Делом заинтересовался государственный контроль. Нашлись, как всегда бывает, заинтересованные делом недоброжелатели, припомнились старые счеты, пущены в ход были закулисные влияния, и вот государственный контролер Харитонов, не довольствуясь более бумажной волокитой и исходящими бумагами, посылает на место контролеров с особыми поручениями для ревизии.

Картина выяснилась исключительная. Подати от крестьян и налоги уплачивались населением не только сполна, но и с очень крупными надбавками. Целая сложная система непомерных налогов выколачивалась с крестьян полностью, но не в пользу казны, а в пользу самого Б. С. Штюрмера. Пользуясь своим влиянием и связями, министр Штюрмер устроил, оказывается, своеобразное государство в государстве. Он отделился от России и действовал автономно. И если за недосугом он не успел установить печатных станков для печатания своих, штюрмерских, денег, — то деньги общеусловленного образца он собирал на редкость ретиво и умело. Не доплативших до норм, установленных Б. С. Штюрмером, не только разоряли, отбирая у них лошадей, земледельческие орудия, но еще и учили уму-разуму, подвергая жестокой порке на барском дворе, в усадьбе всесильного министра.

„Убрать этого вора в 24 минуты“, — написал разгневанный Николай на докладе Витте. И вора действительно убрали. Но лирические чувства не изменяют реального соотношения сил. Сила была у воров.

И когда исполнились сроки, „возвратися ветер на круги своя“. И снова портфель министра оказался в руках этого „вора“, и никому иному, а именно Штюрмеру ко дням итогов, ко дням переворота надлежало, оказывается, очутиться премьер-министром и возглавить кабинет, состоявший из А. Д. Протопопова, П. А. Харитонова, А. Н. Хвостова и прочих обреченных министров обреченного царя.

Обречен безнадежно и беспросветно был весь режим

сверху и донизу... Чем больше вдумываешься в это, тем яснее видишь путь, ведущий к хаосу и развалу России. Но эта ясность не должна в наши дни диктовать злобы и ненависти именно к Николаю. „Не палка бьет, а палкой бьют“ — напоминает старое правило.

Мы все видим и знаем, что сделал Николай II с Россией. Во имя справедливости и беспристрастия надо задуматься и над тем, что сделала Россия с Николаем II.

Трагизм нельзя считать уделом только избранных натур, людей, которые на голову выше окружающих. Есть какой-то особый, пусть обывательский, но все же подлинный трагизм в переживаниях этого зауряд-прапорщика на троне.

Безвольный, слабохарактерный, не знающий, чего он хочет, не понимающий, чего хотят от него окружающие, до чего жалостную фигуру являл он собой все годы своего царствования, этот последний самодержец! И особенно остро виден этот трагизм именно в первые дни по восшествии на престол.

Вспомните Хлестакова, маленького провинциального враля, покоряющего Марью Андреевну и Анну Антоновну Сквозник-Дмухановских и повергающего в трепет всех властей, от городничего и до Держиморды. Его кормят „лабарданом“, а он сидит в мягких креслах и заливчато врет о том, как тридцать пять тысяч курьеров зовут его управлять департаментом, и о том, как суп в кастрюльке и арбуз в семьсот рублей ему присылают прямо из Парижа, и о том, как у него в Петербурге и вист свой составился: „германский посланник, испанский посланник и я“.

Это все только смешно, поскольку касается Хлестакова: ему бы только денег нахватать, и вот он уже уехал и ухмыляется, припрятавши голову сахара („Осип, что там, веревочка, давай сюда и веревочку“), и звенят уже колокольчики, и далеко несут сытые лошади-кони. „Попадись-ка мне только пехотный капитан“.

Но Николай II не умел уехать назавтра. Двадцать два года просидел он на троне, этот человек.

Все, о чем самозабвенно лгал Хлестаков, воплотилось и осуществилось, трагически оказалось правдой для Нико-

лая II. И утешит ли его ароматный-суп, привезенный в кастрюльке прямо из Парижа, если так трагически неизбежен этот вист: „германский посланник, испанский посланник и я“, если „35.000 курьеров“, с самим Победоносцевым и С. Ю. Витте во главе, так настойчивы и неотступны.

„Иван Александрович, пожалуйте управлять департаментом“. А где-то глухо волнуются грязные и дурно-пахнущие мужики и поют революционные песни рабочие, которые почему-то слушаются этих злых гениев, „анархистов-революционеров“, и чего-то требуют великие князья с Марией Федоровной и К. П. Победоносцевым, и с какими-то докладами пристают интригующие друг против друга министры, и запугивают длинными донесениями охранные и жандармские отделения, и кричат „ура“ верноподданные, и взрываются бомбы, убивающие одного за другим: Боголепова, Плеве, Сипягина, Сергея Александровича.

Как тут жить ему, этому бедному Хлестакову, чья ложь чудодейственно превратилась в явь, чьи нелепые сны стали вдруг действительностью?

И думая над этим, каковы те люди, которые верят Хлестакову, думая над тем, кто были они, эти миллионы, певшие „боже, царя храни“ и украшавшие свои дома флагами в „табельные дни тезоименитства их величеств“, — не забудем, во имя справедливости, и того простого, житейского, бытового вопроса, под тяжестью которого надломилась жизнь последнего Романова.

Каково было жить ему, не имевшему верного Осипа, который увел бы его из этого провинциального городка, измученному не выдуманной, а подлинной хлестаковщиной, герою. Он не имел иных заслуг, кроме заслуги родиться в царской семье. Но не имел он и иных грехов, кроме этого первородного своего греха.

Все остальное создалось уже на троне. Что же именно создалось? Как? Каким образом? Почему?

Многое надо рассмотреть и изучить для ответа на этот вопрос. И раньше всего—быт, детство и отрочество Николая, его отца и мать, жизнь семьи, в которой он вырос.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
520047

ГЛАВА III.

Родители.

На старой пожелтевшей гравюре — высокая дама с приветливым, улыбающимся лицом, с воланами на платье и с высокой прической. На диванчике, рядом с ней, прижавшись к ее коленям, — чудесный улыбающийся ребенок в светлых кудряшках.

Это — Николай II с августейшей родительницей Марией Федоровной.

Неужели это и вправду он? Не будем останавливаться на мыслях о том, каким образом этот ласковый, кучерявый мальченка превратился в сумрачного и унылого зауряд-прапорщика на троне, каким знала его Россия и весь мир? Такого рода изумительные превращения смеющегося ребенка в скучного взрослого человека, а потом и в злобно-брюзжащего старика, свойственны не только царям. Еще Писарев указывал на то, что, по законам естества, розовые поросята всегда превращаются во взрослых весьма мало привлекательных животных.

Ко дню взрыва бомбы 1-го марта 1881 года Николай II имел 12 лет от роду. На карточках этого времени перед нами—тщедушный, некрасивый мальчик с худенькой шеей, мешковатый и неуклюжий в своей матросской курточке.

До дня 1-го марта не только маленький Николай, но даже его отец, Александр III, был далек от двора. Наследником престола считался, как известно, старший брат Александра, цесаревич Николай, дядя Николая II.

ПОГАШЕНО
Фундаментальная библиотека
Н. У. Т. В.

Вступивший на престол 1-го марта 1881 года 36-летний Александр, до этого времени, со своей женой и детьми жил замкнутой семейной жизнью.

Никто не ждал, что именно этот грузный человек окажется самодержцем, что его худенький сынок, Николай, будет объявлен наследником престола. Весь сложный клубок придворных интриг, хитрой политики и подсиживаний был в течение ряда лет сгруппирован вокруг цесаревича Николая, и оказавшийся в близком будущем царем Александр III в те годы в игре не участвовал.

Впрочем, придворные политики в значительной мере отошли в то время и от цесаревича Николая, зорко всматриваясь в новую, восходившую при дворе, звезду сына Александра II от княгини Юрьевской.

Роман Александра II с кн. Долгорукой - Юрьевской резко отличался от остальных многочисленных приключений с фрейлинами и придворными дамами. Влюбчивый, легкомысленный, изменчивый до тех пор — он резко переродился со дня встречи с красавицей - княгиней Е. М. Долгорукой. С этого времени (1871 год) он не обращает внимания ни на одну иную женщину.

— Ах, если бы он был так верен мне, как своей Долгорукой, — говорила приближенным жена Александра II.

Своих увлечений и связей Александр II не скрывал и прежде. Тем менее желал он скрывать серьезную любовь свою, и существование второй семьи было признано при дворе оффициально. В срочных случаях министры с докладом к царю ездили к Долгорукой, туда же приглашал он по вечерам наиболее близких приближенных и сам бывал там ежедневно.

Этот роман деда Николая II оказал очень большое влияние на все его детство, ибо отдалил будущего царя от двора и его жизни.

Придворные политики с самого возникновения этого романа напряженно следили за тем, как скажется влияние кн. Долгорукой на взаимоотношениях придворных партий и групп. Особенно много значения придавалось нежной любви государя к его детям от кн. Долгорукой и, в частности, к сыну Георгу.

Когда одна из придворных партий, группировавшаяся вокруг цесаревича Николая, попыталась бороться с влиянием кн. Долгорукой и стала пугать Александра тем, что его ежедневные визиты к кн. Долгорукой неминуемо „привлекут внимание революционеров“ и вызовут покушение на его жизнь — эти попытки привели к результатам противоположным. Александр II не остановился перед тем, чтобы сразу же переселить кн. Долгорукую с детьми в Зимний дворец, т.-е. под одну кровлю с „законной женой“, „государыней императрицей всея Руси“.

О брате цесаревича, будущем царе Александре III, в те годы никто при дворе и не думал. Низкопоклонничество и интриги шли только по двум путям: наследник-цесаревич Николай и „сын любви“, „незаконный“ сын Александра, Георг.

Когда умерла законная жена Александра II, государь, как известно, женился на кн. Долгорукой, получившей к тому времени титул светлости и имя княгини Юрьевской. В той острой борьбе за власть и за будущее, какая шла между партией цесаревича Николая и морганатической партией, сторонниками Георга, — перевес шансов казался на стороне группы Долгоруких-Юрьевских.

Но вот цесаревич Николай умер от чахотки в Ницце, светлейшая княгиня Юрьевская, с первой встречи с государем щепетильно боявшаяся упреков в „заинтересованности“, подписала полное отречение от каких бы то ни было политических прав за себя и за своих детей. И вот—взрыв бомбы 1-го марта, и далекий от двора Александр Александрович внезапно становится императором всероссийским.

До чего внезапно и неожиданно оказалось восхождение на престол этого дородного и мешковатого немолодого уже человека, видно из того, хотя-бы, что манифест Александра III о вступлении его на престол извещал верноподданных о трагической гибели отца, Александра II, следующими неожиданными словами: „Час воли божией совершился“.

Но если Рысаковы, Желябовы, Перовские, убив Александра II, явились только исполнителями божией воли, —

то зачем же новый царь Александр III начинает свое царствование с того, что вешает этих исполнителей божией воли? — размышляли, перечитывая этот манифест, обыватели всей России от Белого моря и до Черного и торопливо шли принимать присягу.

Мы видели, как сказался на детстве Николая II роман его деда, Александра II, из-за которого детские годы Николая протекли вдали от двора.

Какое влияние оказал на Николая его отец Александр III Александрович?

Дородный, высокий, толстый и неуклюжий („Топтыгин III", — называли его между собою петербургские остряки), — он и после восшествия на престол терпеть не мог придворного блеска и суеты.

Ему бы помещиком быть где-нибудь в Саратовской губернии, чтобы крепостные девки ему поясницу бобковой мазью натирали, а доезжачий, один из тех, кого и до старости Ванькой звали, трубку с настоящим Жуковым подавал. До чего бы на месте оказался!

И с хозяйством бы толково справлялся. Новшеств каких-нибудь, сеялок там всяких, косилок бы со сноповязалками не заводил, но порядок бы по старине прочный наладил. А уж наливки свои, колбаса домашняя, телята молочные, — это все, и говорить нечего, первый бы сорт было. И распорядился бы во-время: кого на конюшню послать, чтобы не баловались, кого из крепостных на приплод оставить, кого и продать, если цена подходящая.

Так бы и шла жизнь спокойная, дворянская, неторопливая, налаженная.

Разве что раз в три года принесут с чердака мундир старый, нафталином пропахший: выборы дворянские, в губернию ехать надо. И здесь бы на месте оказался. Лишнего бы не сказал, — не то, что самому говорить, он и других-то, разговорчивых, не любил, а уж, что скажет, то крепко будет.

И вдруг бомба 1-го марта 1881 года.

— Пожалуйте, Александр Александрович, царствовать, на трон императорский восходить, Россией править, и с сего

числа самодержцем Всероссийским, царем Польским, великим князем Финляндским и прочая, и прочая, и прочая себя проявлять.

Но и на троне остался все тем же типичным помещиком этот спокойный, немудрящий, дебелый человек. Государство для него — это была вотчина, где, главное, порядок, требуется.

Ушли в отставку либеральные деятели эпохи освобождения — граф Лорис-Меликов, граф Д. А. Милютин, граф Валуев. Остался К. П. Победоносцев, злой гений России, и призваны были к власти рыцари кнута и нагайки: граф Д. А. Толстой, граф Н. И. Игнатьев. Управляющие и старосты нужны были этому помещику — суровые, властные. Уже в первые дни царствования Александра III пути России оказались предопределены прочно.

В самый день своей смерти Александр II, как известно, должен был подписать манифест о конституции; бомба 1-го марта помешала свершиться этому событию.

Подпишет ли конституцию новый царь Александр III?— гадали в первые дни при дворе. В свое время, при жизни Александра II, его будущий преемник фрондировал и либеральничал. Но иллюзии такого рода развеялись очень быстро: уже в первом заседании государственного совета под председательством нового царя Александра III, К. П. Победоносцев произнес свою знаменитую речь о гибельности конституции и пагубности какого бы то ни было прогресса вообще. Finis Russiae!—так начал свою речь бледный, дрожащий, взволнованный Победоносцев, как-будто чувствовавший, что в этот день решается его судьба, а кстати уж и России, на много лет вперед. Он говорил о том, что уже освобождение крестьян погубило, оставило без необходимой твердой власти бедный и темный народ русский. Он говорил, что так называемая культура—это гибель России, что земские и городские учреждения — это ничто иное, как говорильни, где ораторствуют лишь люди негодные, безнравственные, не живущие со своими семействами, только и промышляющие о личной выгоде и популярности, и сеющие лишь разврат и смуту. Он говорил, что новые судеб-

ные учреждения, представляют собой говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, остаются безнаказанными. Он говорил, наконец, что самая ужасная говорильня—это печать, задача которой сеять раздор и недовольство, развращать людей мирных и честных, разжигать страсти, расшатывать уважение к власти и „побуждать народ к самым вопиющим беззакониям". „Во имя бога" К. П. Победоносцев заклинал царя спасти Россию, вырвать с корнем мысль о какой бы то ни было, хотя бы самой скромной, конституции, избавить страну от этой заразы, решительно отвернуться от путей, ведущих вперед, которые привели только к убийству Александра II-го, и резко повернуть к старому, прибрать к рукам земские и городские учреждения, укоротить права нового суда, придушить печать, всемерно ослабить результаты освобождения крестьян и железной рукой утвердить самодержавный порядок в России.

Это были как-раз те слова, каких после убийства отца ждал напуганный пережитой драмой Александр III. К. П. Победоносцев оказался победителем по всей линии: его речь о гибельности конституции, о пагубности культуры и прогресса оказалась программной речью. Целые сорок лет именно эта программа предуказывала жизнь России. Не кому иному, как К. П. Победоносцеву, воспитавшему Александра III-го, было поручено воспитание и Николая II. На целые сорок лет были туго завинчены гайки государственной машины. Удивляться ли, что сжатый царь, лишь на время бурно вырвавшийся в памятные дни 1905-го года, в конце концов разорвал котел и разбросал во все стороны обломки. Воспитатель Николая II, К. П. Победоносцев, с самого начала царствования Александра III оказался главной фигурой при дворе; в этом костлявом человеке с безкровным и ушастым лицом вампира (портрет К. П. Победоносцева нарисован Львом Толстым в лице Каренина) сосредоточилось, воплотилось как будто все темное и злое, что правило Россией.

К. П. Победоносцеву было тем легче утвердить свое влияние, что при дворе витали тени казненных революцио-

ров. Александр III, напуганный смертью отца, жил все время под угрозой нового цареубийства. Приближенные царя, в особенности жандармские и полицейские чины, всемерно старались усилить этот страх, благодаря которому роль жандармерии и полиции становилась все крупнее и благороднее.

Легко представить себе детские впечатления Николая II. Александр III неизменно находил на своем столе угрожающие письма террористов, такие же письма оказывались неожиданно то в карманах царского платья, то в поясках царских детей. Историки того времени объясняют появление этих террористических писем тем, что революционеры имели, будто-бы, много сочувствующих среди высокопоставленных лиц, мечтавших о либеральных днях предыдущего царствования. Мы, пережившие разоблачения Азефов и Богровых и знающие, до каких пределов доходила провокация, можем остановиться на ином, гораздо более правдоподобном объяснении. Письма, всего вероятнее, подбрасывались никем иным, как самими же представителями жандармерии и царской охраны, искавшими у самодержца все новых и новых подачек, все большего и большего влияния.

Так или иначе, но маленький Николай рос в атмосфере сплошной напуганности. Александр III отказался от мысли поселиться в Петербурге и жил безвыездно в Гатчине, превращенной в своего рода крепость. Нечего и говорить, что у всех входов и выходов стояли усиленные караулы. Строжайшее предписание стрелять во всякого, кто попытается проникнуть, не ограничивалось караулами у входов. На несколько верст вокруг дворца тянулась цепь солдат в несколько рядов, также дежуривших день и ночь, с предписанием без особого разрешения коменданта не пропускать живым ни туда, ни обратно ни одного человека.

Особые отряды дежурили, кроме того, в подвалах и чердаках дворца, на случай попытки поджога и подкопа. Телохранители несли личную охрану царя. Для этого выбирались люди, отличавшиеся особо крупным ростом, богатырским телосложением и силой, „чтобы одним ударом могли

человека убить". Обязанность этих лейб-казаков была днем и ночью стоять у царских дверей возле кабинета, спальни и столовой и т. д. Особое внимание уделялось, далее, тайным агентам, чья обязанность была в переодетом виде бродить на много верст вокруг дворца и следить, что говорят и делают, что думают окружающие, кто и зачем приезжает в Гатчину и уезжает из нее и т. д., и т. д.

Целый ряд сложных мер принимался, далее, на случай попытки отравить царя. За провизией для царского стола посылали каждый раз в новое место, причем принимались меры, чтобы поставщики не знали, для кого продукты закупаются. Повара и поварята служили в царской кухне в огромном количестве для того, чтобы назначать каждого из них на работу можно было не слишком часто, по очереди. Дежурить в ожидании назначения на работу должны были они все ежедневно, ибо назначение давались каждый день только в последний момент и не иначе, как неожиданно. Получившие назначение на данный день повар и и его помощники с этого момента изолировались от всех остальных и впускались в царскую кухню не иначе, как только после тщательного обыска дежурными офицерами конвоя его величества.

Но и эти меры считались недостаточными. И хотя Александр III распорядился, чтобы на кухне ежедневно дежурил кто-либо из членов семьи, чаще всего сама государыня, но, садясь за стол в кругу приближенных, государь не начинал есть, пока не убедится, что все остальные присутствующие за столом едят данное блюдо спокойно.

Таковы оказались в интимной жизни двора бытовые последствия теорий К. П. Победоносцева: чем безграмотнее и темнее народ — тем прочнее самодержавие. И самые теории эти и всеобщая напуганность, господствующая при дворе, как прямое последствие применения теорий — одинаково сильно отразились на худеньком мальчике, воспитаннике К. П. Победоносцева, росшем в этих условиях, будущем императоре, Николае II Александровиче.

ГЛАВА IV.

Семейные устои.

Если исключить постоянную напуганность, страх пред террористами — в остальном семейный быт, окружавший детство Николая, почти ничем не отличался от жизни замкнувшегося у себя в имении помещика средней руки.

Пышности Александр III не любил. Жила царская семья не в парадных комнатах Гатчинского дворца, а на антресолях, приспособленных для прислуги. Комнаты были узкие, тесные.

— Даже рояля не поставить: не помещается,—жаловалась государыня Мария Федоровна.

— Нечего, нечего, пианино поставили, и ладно, — успокаивал супруг.

Комнаты, в которых жила царская семья все те годы, настолько низки, что человек среднего роста легко доставал рукой до потолка. Для могучей, высокой фигуры Александра III—они были и вовсе недостаточны. Но это и нравилось Александру III. Он был не только бережлив, но и скуп в личной жизни, и, напр., фотографии, какие с немецкой аккуратностью развешивала по стенам Мария Федоровна, так и прикреплялись кнопками без рамок.

Правда, придворные балы в эти годы, по давно заведенному образцу, были совершенно исключительны по пышности. Это что-то фантастическое, воистину азиатское! — удивлялись иностранцы. Ничего подобного по блеску, пышности и богатству не было и вспомине ни при одном

из европейских дворов. Но пышные балы и приемы — это уже было служебное, царское, обязательное, и все относящееся к этой области для Александра III было резко отделено от его личной жизни.

Это — служба. И эту царскую службу свою в сфере представительства Александр III, надо отдать ему справедливость, исполнял умело и с достоинством. Знаменитые фразы его: „Европа может подождать, когда русский царь ловит рыбу“, или: „Пью за здоровье моего единственного друга, царя Николая черногорского“, недаром волновали европейских послов, аккредитованных при русском дворе, и производили огромное впечатление во всем мире.

Это было не фанфаронство, а действительная мощь, спокойное и уверенное сознание своей силы. Дело иное, что сила эта строилась на темноте народной и бесправии, на кнуте и нагайке; дело иное, что силу эту, самодержавную власть, беспощадно расхищали отделившие царя от народа чиновники, начиная от всесильного министра внутренних дел и до любого малограмотного жандарма и охранника. Но сила была огромная и настоящая, и царь проявлял ее уверенно и бессознательно.

У себя дома, в семье, Александр III жил по старинке, крепкой мещанской жизнью. Много было в доме икон, лампадок... От болезней лечили преимущественно святой водой да молитвой угодникам (только от запоя, периодически посещавшего царя, лечил лейб-медик С. П. Боткин). Лечиться царь не любил: тут было и самолюбие,—как это так, простой докторишка царем командовать будет? — было тут и глубокое презрение к науке и ученым... И когда последняя смертельная болезнь посетила царя,—он так и не захотел лечиться и, резко отказавшись исполнять распоряжения профессора Захарьина, приказал вызвать к себе в Крым отца Иоанна Кронштадтского. Любопытно отметить, что попытка профессора Захарьина проявить обиду и уехать из Ливадии встретила резкое полицейское противодействие.

В семейной жизни Александр был крут: не брезгавший мерами физического воздействия в деле воспитания детей,—

он жестокой рукой правил семьей, как и всей Россией. Доставалось не только женщинам и детям, но и великим князьям. Когда один из них, князь Михаил Михаилович, позволил себе самовольно, по любви жениться на графине Софье Мерегберг, Александр III не только разжаловал его и лишил всех титулов, но и немедленно выгнал его за пределы России. Пример подействовал устрашающе. Когда о таком же браке по любви мечтал, влюбившись в некую царскосельскую купчиху, великий князь Николай Николаевич, он обратился к царю с почтительнейшим ходатайством о разрешении жениться. Александр III ответил короткой фразой: „Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным двором в родстве не был и не буду“.

Нечего и говорить, что запрещение государя оказалось действительным, и мысль о браке была немедленно оставлена. Впрочем, в области брачных вопросов Александр III считался с авторитетом Марии Федоровны. Дальше этого— „баба судить не могла“, и властолюбивая Мария Федоровна, когда желала повлиять на государя, действовала всегда через своего приближенного—графа Воронцова-Дашкова, ближайшего друга государя. Сама она, побаиваясь тяжелой руки супруга, и высказываться по иным вопросам, кроме брачных, не решалась.

Видимое влияние Марии Федоровны на государственные дела проявляется только в первые годы царствования Николая II, т.-е. уже после смерти Александра III.

Как рос маленький Николай? Особого внимания на дело образования и воспитания наследника престола не обращалось.

— И отец без образования был. А глядишь, и в люди вышел, вон какую карьеру сделал!

Языками мальчик владел недурно, но родным для себя языком считал английский. Так велико было влияние преподавателя английского языка, мистера Гиза, высокого, красивого старика, чувствовавшего себя в царской семье, как в дикой стране среди туземцев, и все же сумевшего искренно полюбить своего питомца.

Каковы были замашки у маленького ученика — видно из первой встречи мальчика с мистером Гизом.

— В какую же игру станем мы с вами играть? — спросил Гиз.

— Как же я с вами буду играть? Я великий князь, а вы простой старик.

Через минуту, когда простой старик схватил на руки мальчика и защекотал его, завертел по комнате, гордый великий князь стал добрее и весело хохотал, но самый тон, каким заговорил мальчик с впервые встреченным им старым учителем, немало говорил о тех влияниях, в каких рос и воспитывался будущий царь.

Александр III не любил своей службы, своей профессии. Министры, приезжавшие с докладами — это была помеха в налаженном, мещански спокойном укладе жизни. Но на всю свою вотчину, 150-миллионную Россию, Александр III распространил именно те навыки, какие им были усвоены в семье.

Была введена строгая религиозность в семье царя, и такая же суровая религиозность стала мерами полиции насаждаться по всей Руси. Строились усиленно новые церкви, семинарии, епархиальные училища. Одних монастырей новых успел Александр построить 150. Вводились церковно-приходские школы, задача которых была насаждать не образование, а православие. Вводились все новые и новые праздники. Введено было обязательное посещение церкви для чиновников, офицеров, учителей, гимназистов, и т. д., и т. д., обязательное исповедание и причащение. До чего далеко заходил в этих заботах о церкви Александр III, видно из указа о том, чтобы все постройки церквей по всей России производились не иначе, как по утвержденному лично государем плану.

Была слежка за всем, что говорят и что думают люди при дворе, и такая же слежка распространена на всю Россию. (Особым указом Александра III министерство почт и телеграфов было упразднено и передано в министерство внутренних дел для большего обеспечения дела перлюстрации писем).

Была общая напуганность и суровая охрана во дворце, и такая же недоверчиво-охранная атмосфера была создана и во всей стране.

И если в семейной жизни Александр III порол детей, поколачивал супругу, то удивляться ли, что на ряду со сплошным мордобоем и членовредительством, какой был заведен в полицейских участках для штатских и в казармах для военнообязанных, ввели еще и институт земских начальников, „близкую к населению власть“, объединявшую в дворянских руках судебную власть вместе с административной и имевшую не только право, но и обязанность пороть крестьян.

Все эти житейские нормы брали начало в семье царя и распространялись на всю Россию при непосредственном участии К. П. Победоносцева, воспитателя маленького Николая, сумевшего прочно обеспечить за собою авторитет в безвольной душе будущего государя.

Как сказалось — главное в детские годы влияние матери? Мария Федоровна, до принятия православия — Дагмара, принцесса Датская, при жизни Александра III оставалась в стороне от какой бы то ни было придворной политики.

Частые роды, оффициальные выходы — вот как-будто и все, чем проявляет она себя при муже, совмещавшем в своем лице хорошего семьянина с суровым, зачастую хмельным, деспотом.

История замужества матери Николая II, Марии Федоровны, не совсем обычна.

Датская королева, мать Дагмары, в будущем Марии Федоровны, прославилась на всю Европу своим изумительным искусством пристраивать своих дочерей, сыновей и внуков. Детей ей бог послал много, прожила она долго, и вот „мало-по-малу она стала тещей всех крупных европейских дворов и династий“, — говорит историк.

После того, как „теща Европы“ умудрилась, напр., не только выдать замуж одну из своих дочерей за сына королевы Виктории, принца Уэльского, в будущем короля Англии, но даже и сына „пристроить на хорошую должность“, сделав его греческим королем, а, кстати уж и внука женить на сестре германского императора — удивляться ли, что эта всеевропейская теща не могла пройти мимо и не заметить двора всероссийского императора?

Среди многочисленных детей своих королеве датской отыскать невесту было не трудно. Принцесса Дагмара только этого и ждала. Задержка была за женихом.

С течением времени наладилось и это. При том опыте, какой был у датской королевы, при тех связях, какими она обладала после того, как пристроила старших дочерей и сыновей, а также и внуков, особого труда это не представляло.

И вот жених нашелся, это был сын Александра II, цесаревич Николай, наследник всероссийского престола. Партия, как партия. Грех бога гневить. И положение у жениха, и влияние, и средства не плохие, и карьера обеспеченная. На что теща умелая, а второго этакого жениха и ей не сыскать.

Стали плести кружево, вести дипломатические переговоры, писать посланникам инструкции, посылать шифрованные телеграммы и всеми иными способами „засылать сватов", и вот наладили-таки дело. Принцесса датская Дагмара, в православии Мария Федоровна, оказалась невестой цесаревича Николая. Обручили жениха с невестой, опубликовали радостную весть в „Правительственном Вестнике". Только и оставалось честным пирком да за свадебку, пусть бы теща в Дании лишний раз своему таланту порадовалась, да как на грех в это самое время цесаревич умер.

Так и уехала бы из России принцесса Дагмара, если бы не королева датская, теща Европы. Она, приходившаяся тещей и Англии, и Германии, а Греции даже родной матерью, считала ниже своего достоинства отказаться от звания тещи России.

История получилась не лишенной комического элемента. Придворные было туда-сюда, успокаивать стали. Помилуйте, говорят, мамаша. Будь наш наследник жив, мы бы и слова не сказали. Жените вашу дочку в полное ваше удовольствие. Ну, раз умер, так это уж, говорят, в руце божией.

Не на такую напали. Старуха на своем стоит крепко. Жива быть не хочу, если на своем не поставлю. Таких, говорит, и правов нет, чтобы девушку обрученную — и вдруг

домой к родителям отсылать. Я, говорит, в случае чего жаловаться буду. У меня, говорит, родня влиятельная.

— Так ведь, господи! Умер ведь он, жених-то, — что с мертвенького возьмешь?

— Как, это, говорит, умер? А другой ведь, небось, будет. Без наследника ведь не останетесь? Не такая, говорит, страна ваша Россия, чтобы без наследника оставаться. Я ваши порядки знаю. Слава тебе, господи, не маленькая.

Правильные оказались старухины слова. Вместо прежнего наследника Александра II, Николая, — новый наследник, Александр, объявился. И не успел оглянуться, как мигом оказался не только нареченным женихом, но уже и мужем дочери датской королевы—Дагмары, в православии Марии Федоровны, августейшей матери последнего царя, Николая II.

Августейшая мать не проявляла особенно нежной любви к своему сыну.

Уже в раннем детстве в характере маленького Николая ярко сказывается та угнетенность, подавленность, какие считаются типичными для нелюбимых детей. Эти черты отличают его всю жизнь. — Тяжелый человек, скучный, — говорили о нем его сотоварищи по полку.

— А царь-то наш скучный - скучный, — говорит баба в очерке с натуры, напечатанном в первый год царствования Николая в „Революционной России". — Да что, сват, ничего ясного от царя нет, — отзывается в этом же очерке курский мужик.

Это отсутствие „ясности", подавленность и „скучность" — в раннем детстве сказывались в одиночестве, которое было обычным для ребенка. Среди троих братьев — Николай рос нелюдимым: отец не любил старшего сына, как не любил и второго, Георгия, на характере которого уже в детстве сказывалась тяжелая болезнь — туберкулез, рано сведшая его в могилу.

Любимец отца был младший сын Миша, краснощекий здоровяк, с веселым живым характером. Маленький Николай, панически боявшийся сурового отца, только издали, из-за угла смотрел, какие смелые шутки вытворяет Миша. Как бы досталось за такие выходки скромному и робкому стар-

шему сыну. А в устах Миши эти шутки до слез смешили отца, заставляя его сотрясаться всем огромным телом.

Вот одна из зарисованных с натуры сцен из жизни семьи. Взрослые сидят на террасе, возле которой внизу, в песке копается Миша. Бывший в хорошем настроении духа, Александр взял лейку с водой и, подозвав Мишу, сверху широкой струей забрызгал мальчика. Смеялся Миша, весело грохотал грузный отец, почтительно заливались присутствовавшие.

— Ступай, Миша, переодеваться. Весь, гляди, мокрый.

Но Миша заупрямился. — Ты меня поливал, теперь моя очередь, становись на мое место.

И вот Миша уже на террасе, с лейкой до верху полной водой, теребит отца. — Скорее, папа, скорее. — Ничего не поделаешь: Александр, как был в мундире, спускается вниз, становится на место Миши и терпеливо ждет, пока Миша не выльет всего содержимого лейки на лысину отца. Довольные друг-другом, возбужденные оба, отец с сыном идут переодеваться. Маленький Николай смотрит на эту сцену издали, хмуро и исподлобья. О таком вольном обращении с грозным отцом не мог и мечтать этот конфузливый, угнетенный, всегда скучный мальчик Николай.

ГЛАВА V.

Отрочество и юность.

Николай II был, по-своему, неплохой человек. У него была плохая наследственность: сумасшедший Павел I; отцеубийца Александр I „благословенный“: „зверь с лицом очковой змеи“; Николай I — Николай-Палкин; славившийся своей развратной жизнью Александр II; годами лечившийся от запоя Александр III.

„Будь Николай II простым смертным и соверши он убийство или кражу, — пишет о нем Вл. М. Дорошевич: — его не стали бы судить, как отягченного: 1) очень тяжелой наследственностью и 2) травматическим повреждением, давившим на мозг, а отдали бы на попечение родных“.

В нашумевшем фельетоне А. В. Амфитеатрова — „Господа Обмановы“ — Ника - Милуша, робкий, не установившийся молодой человек, тихоня, — не знает иных слов по адресу отца, как: „точно так, папенька“, или: „никак нет, папенька“.

„Весь дом читал „Гражданин“ князя Мещерского. Читал его и Ника-Милуша, хотя злые языки говорили, будто подговоренный мужичок с ближайшей станции носит ему потихоньку и „Русские Ведомости“. И будто сидит, бывало, Ника-Милуша, якобы „Гражданин“ изучая, ан под „Гражданином“-то у него „Русские Ведомости“.

Нет папаши в комнате, он в „Русские Ведомости“ вопьется; вошел папаша, он сейчас страничку перевернул и пошел наставляться статьями Мещерского, как надлежит драть кухаркина сына в три темпа“.

От привычки урывками читать „Гражданин“ не иначе, как в перемежку с потаенными „Русскими Ведомостями“, в голове его образовалась совершенно фантастическая сумятица, — делает вывод А. В. Амфитеатров.

Справедливость требует отметить, что, если чтение „Гражданина“ ярко сказалось на психике Николая, то вопрос о том, читал-ли он „Русские Ведомости“, — так и остался открытым. Что могло дать ему образование и воспитание под руководством К. П. Победоносцева — это ясно.

В остальном единственным реальным влиянием были друзья, сослуживцы и собутыльники из гвардейских полков и, наконец, замкнутая среда великих князей.

Наибольшее влияние на Николая в его юношеские годы имел великий князь Сергей Александрович, командир Преображенского полка, где Николай проходил свою службу. Именно Сергей Александрович взял на себя обязанности ментора и руководителя юноши Николая во всем, что касалось искусства жить.

Влияние это сказалось на кутежах и попойках, на длинной серии закулисных романов и интрижек; в этой области Сергей Александрович, дядя Николая, считался очень видным специалистом, хотя и с ненормальными наклонностями. Как известно, именно это обстоятельство послужило причиной ухода жены Сергея Александровича Елизаветы Федоровны в монашество.

Впрочем, особенной нужды в уроках дяди в области кутежей и попоек у юного племянника не было. Учителей такого рода было более чем достаточно в среде сослуживцев, молодых офицеров — однополчан Николая, которые в будущем, благодаря близости к наследнику, чуть не все без исключения сделали большую карьеру при дворе Николая II.

Какова была эта полковая гусарско-великокняжеская среда того времени — видно из того, напр., что Александру III пришлось, не побоявшись огласки, удалить из гвардии двадцать офицеров за „ненормальные наклонности и порочность“. Любопытно, что это удаление в дальнейшем ничуть не помешало их придворной карьере: два человека из этих двадцати оказались даже в будущем архиереями.

Оба — Гермоген и Серафим — показали себя видными столпами самодержавия.

Характернейшей чертой было в те времена великокняжеское и гвардейское пьянство. Кроме питья водки „аршинами“ (рюмки, составленные вплотную на аршин) и „лестницы“ (подымавшийся во второй этаж должен был по пути выпить все рюмки, расставленные на каждой ступени), дело доходило до особой игры в волков. Эта любимая игра Сергея Александровича проделывалась в Царском Селе, в ночные часы. Бравые гусары, удостоенные участия в этой игре, раздевались до-нага и, выбегая в сад, а иногда и на улицу, охраняемую усиленными нарядами, садились на „задние ноги“ (роль передних играли руки), начинали громко выть. Старик-буфетчик выносил большую лохань, наливал ее шампанским, и вся „стая“, стоя на четвереньках, с визгом отталкивая друг-друга и кусаясь, лакала вино.

Эта считавшаяся „очень шикарной“ игра, типична для среды, окружавшей юношеские годы Николая.

Полковой командир Николая, вел. кн. Сергей Александрович, отличался и еще многими странностями. Так, напр., он очень любил петь серенады своей купчихе, стоя на крыше почему то именно в голом виде. Этот впоследствии убитый на посту московского генерал-губернатора человек был неистощим в выдумках такого рода.

В этой обстановке бесшабашного пьянства, безрадостного разврата, абсолютного бездельничанья и диких кутежей прошла вся юность Николая. Суровый Александр III считал полезной такую школу жизни для будущего царя. „В молодости перебесится—потом спокойным будет“.

В этой же атмосфере зародилась и протекла „первая любовь“ наследника, общеизвестный роман его с балериной Кшесинской. Балерина не скрывала своих отношений к наследнику, как не скрывала одновременно своей близости и с другими великими князьями, ближайшими родственниками Николая. Ни иоты поэзии, ни оттенка тех переживаний, какие являются уделом юности любого семинариста, так и не досталось на долю будущего могущественного царя. Таковы были нравы, такова была среда, и меньше всего

мог пытаться что-либо изменить в ней этот безвольный и бесхарактерный юноша.

Во имя справедливости надо отметить своеобразно благородное отношение Николая к женщинам. И к балерине Кшесинской, и к прочим подругам своей мятежной юности он, и вправду, пребывал „неизменно благосклонным". Через 15 лет после того, как он разошелся с Кшесинской, и давным давно гордился своей ролью доброго семьянина, своей верностью настойчивой немке Алисе Гессенской, покорившей его волю, в один из роковых дней своего царствования, „Кровавое воскресенье" 9-го января 1905 года, он, утвердив порядок расстрела шедших к „своему царю" рабочих, под усиленной охраной отбывает в Царское Село. По пути в беседе с директором государственных театров князем Волконским он разговаривает, оказывается, о возможности предоставить наиболее выигрышные роли престарелой Кшесинской. Какая путаница, какая смесь жестокости и нежности в этой обреченной душе царственного обывателя!

Когда дело касалось казней и погромов, Николай II не делал различия между женщинами и мужчинами. А между тем, еще во время своего пребывания в полку, Николай обратил на себя внимание необычайным поощрением браков офицеров с женщинами, ранее скомпрометированными. Николай брал на себя заботы о судьбах этих офицеров и об их карьере, так как полковое общество после такой свадьбы немедленно исключало их из своей среды. И если большую карьеру во время царствования Николая сделали все его товарищи по полку, то наибольшие шансы оказались именно у таких, совершивших mesalliance, офицеров. Таким, напр., был знаменитый Нейгардт. Этот человек пользовался всю жизнь покровительством Николая. Устроитель еврейского погрома в Одессе, уличенный ревизией сенатора Кузьминского в целом ряде крупных преступлений, он не только был спасен Николаем от какой бы то ни было ответственности, но еще, получив назначение в сенат, сам был послан ревизором в царство Польское.

Целый ряд источников говорит о пылкой любви Николая в эти годы к какой-то молодой еврейке, которую он встре-

тил случайно в саду во время прогулки. Она, будто бы, не знала, что перед ней наследник престола, и нежные отношения их зашли так далеко, что об этом узнал суровый Александр III. Эти источники подробно описывают, как градоначальнику фон-Валю было предписано „в 24 минуты“ выслать из Петербурга еврейку со всеми ее родственниками от старого деда до грудного ребенка, маленького брата возлюбленной Николая, включительно. Источники описывают далее бурную сцену, какая разыгралась, когда явившийся во всеоружии со своими подручными для исполнения высылки фон-Валь застал в квартире еврейки молодого наследника престола. Николай вел себя, будто-бы, рыцарем: „Только переступив через мой труп, сможете вы прикоснуться к ней. Это моя невеста!“—заявил он оторопевшему градоначальнику.

Переступать через труп не пришлось. Оказалось достаточно сурового окрика папаши, и юный наследник, в сопровождении свиты с князем Э. Э. Ухтомским (редактор „Санкт-Петербургских Ведомостей“), уже едет в кругосветное путешествие.

Поездка наследника престола была обставлена со всей пышностью, какая полагалась в таких случаях. В предписаниях, какие заранее посылались из Петербурга на места следования, по адресу губернаторов в России и русских представителей заграницей, указывался заранее перечень того, что надо и чего не надо показывать высокому гостю. Посылались даже проекты речей, с которыми надлежит обращаться к великим князьям во время приема.

Живая жизнь только случайно пробивалась на этом фоне Потемкинских деревень. Так, напр., когда великого князя Владимира Александровича во время его поездки по России чествовали в Самаре, ему, в качестве местной достопримечательности, показывали столетнюю бабу. Старуха вела себя чинно: стоя на коленях, она поцеловала край одежды великокняжеской и с чувством перекрестилась.

— Что ты крестишься бабушка? — спросил великий князь.

— Как мне, отец, не креститься! ведь вот привел бог вторую царствующую особу видеть.

— А кого же ты еще видела: царя, что-ли?

— Вестимо, родной, что царя. Самого нашего батюшку. Емельку Пугачева", — неожиданно заявила самарская древность к великому ужасу окружающих.

Но такие срывы от казенной лжи к всамделешной правде—были чрезвычайно редки. Всего не предусмотришь. Как ни зорка и бдительна была охрана — эти шпалеры войск, вооруженных боевыми патронами, расставленные на тысячеверстных путях следования царского поезда, как ни сурово исполнялось правило — стрелять без предупреждения во всякого, кто приблизится к путям, со времени перехода на так называемое, третье положение, как ни велико было число застреленных по недоразумению стрелочников и прохожих во время каждого следования царского поезда, но так и не удалось, напр., избегнуть знаменитого крушения в Борках, происшедшего вследствие покушения на жизнь Александра III, но оффициально объясненного гнилым состоянием шпал. Спасение царской семьи было объявлено в те дни чудом, хотя оказавшаяся смертельной болезнь почек Александра III началась с ушиба в области почек во время крушения в Борках.

Все путешествия Николая, уже и в дни его царствования, неизменно влекли за собой целую сеть затруднений. В Италии в свое время много шума наделало требование созвать для охраны путей во время проезда Николая до трехсот воинских частей, хотя итальянцы привыкли видеть своего монарха свободно появляющимся в толпе. В Германии вызвала сенсацию телеграмма о заготовке ко времени прибытия царского поезда запасов брюссельской капусты „для осла его величества". Недоразумение выяснилось, когда оказалось, что осел везется в подарок, и что он, в качестве особы придворной, кушает только изысканную пищу. Но „приезд осла его величества" надолго оставался любимой темой юмористических журналов.

Путешествие престолонаследника Николая сопровождалось подробными реляциями в „Правительственном Вестнике". В них рассказывалось, как пышно чествовали наследника русского царя, какие богатые празднества устраивались

в его честь, какие чудеса ему показывали, какие речи он выслушивал. О том, что говорил сам наследник, не было напечатано ни одного слова.

Кругосветное путешествие не произвело, как-будто, никакого впечатления на юного Николая. Он не ездил, его возили. Он исполнял волю отца и со скучающим видом терпеливо переносил весь церемониал празднеств и приветствий.

Спутники наследника по путешествию рассказывают только о большом пьянстве на корабле „Память Азова", на котором следовал Николай, вместе со своим братом Георгием Александровичем. По их показаниям, пьянство заходило так далеко, что приводило к буйным дракам между Николаем и Георгием. Во время одного из таких сражений случилось несчастье: отличавшийся слабым здоровьем, больной легкими, Георгий Александрович упал с лестницы и расшиб себе грудь. Процесс в легких настолько обострился, что его пришлось в ближайшем порту ссадить с корабля и отправить в Россию. Через несколько лет после этого он умер от чахотки на кавказском курорте в Аббас-Тумане. Для самого Николая поездка, как известно, также кончилась трагически. Во время путешествия по Японии Николай оказался жертвой покушения. Японец, накинувшийся на него, успел нанести ему сильный удар саблей по голове. Второй удар успел отразить товарищ Николая по путешествию, греческий королевич Георгий.

Оффициально причиной покушения, этого „первого удара, нанесенного Японией России", был объявлен фанатизм неведомого злоумышленника. Неоффициальные объяснения расходятся. Одни говорят о недопустимом поведении Николая и его свиты в японском храме. Другие указывают на чрезмерную предприимчивость, будто бы, проявленную наследником русского престола по адресу жены некоего самурая.

Так или иначе, но результаты раны оказались серьезными. Путешествие в срочном порядке пришлось закончить и вернуться в Россию. В черепной кости, надтреснутой от удара, после заживления началось разрощение костного сустава, повлекшее за собой давление в левой половине мозга,

не только вызывающее частые боли, но и отражающееся на психических функциях.

С расшибленной головой наследник срочно возвращался в Россию. Уже было сильно расшатано здоровье Александра III, уже близко было восшествие на престол, уже зрели надежды, „бессмысленные мечтания“ в среде верноподданных.

Последние дни и часы Александра III были очень мучительны. Иоанн Кронштадский и придворный духовник о. Янышев чуть не до драки дошли, отбивая друг у друга честь напутствования отходящего в иной мир царя. В способности Николая II, в то, что наследник справится с делом, умиравший царь не верил. Но когда напуганный Николай попытался заявить о своем отказе от престола, умирающий Александр рассвирепел. Он не допустит никаких уклонений от законов престолонаследия. Он заставит исполнять свою волю! И вот в срочном порядке выписывают принцессу Алису Гессенскую. В свое время она уже приезжала ко двору в Петербург, в качестве кандидатки в невесты для наследника. Тогда она показалась неподходящей, и обиженная и оскорбленная была отпущена домой. Но теперь, в трагическую минуту, и она годится („Женись хоть на козе“,—сказал в свое время Александр III Сергею Юльевичу Витте, когда тот ходатайствовал о разрешении жениться на М. И. Лабунской, урожденной Нурок). И вот, принцессу Алису Гессенскую заставляют срочно принять православие, чтобы наспех выдать ее замуж за Николая, а самого Николая заставляют подписать манифест о восшествии на престол, составленный самим Александром.

„Волею всевышнего тяжкое горе обрушилось на всех нас. Безвременно скончался дорогой родитель наш, император Александр III“.

С какими чувствами, с какими мыслями составлял посмертный манифест и давал его подписать Николаю умирающий Александр III? Верил ли он, что его наследник сумеет сохранить наследство, не погубит хозяйства, не разорит вотчины?

„Незыблемость самодержавия“—таков, как известно, главный завет, оставленный Николаю „незабвенным роди-

телем нашим". „Твой дед Александр II либеральничать думал, вот его бомбой и разорвали. А отец о либеральничаньи не думал, и слава тебе, господи, спокойно, как добрый христианин, скончался" — любила повторять сыну вдовствующая императрица Мария Федоровна. Тихая и бессловесная при жизни мужа, после смерти его она стала неузнаваема. Помолодела, похорошела, стала энергичной и властной.

— Вы хотите сказать, что государь не имеет ни воли, ни характера? Это верно, — говорит Мария Федоровна о Николае, обращаясь к С. Ю. Витте. — Но ведь в случае чего-либо его заменит Миша (вел. кн. Михаил Александрович), а он имеет, поверьте мне, еще меньше воли и характера.

— Вы может быть правы, но от этого не легче! — раздраженно ответил Витте.

„Не знаю, передала ли императрица-мать августейшему сыну этот разговор. Думаю, что да", говорил, записывая эту беседу в своих мемуарах, С. Ю. Витте.

Злые языки к этому же времени в жизни Марии Федоровны относят и основательный „ремонт заново" наружности вдовствующей императрицы, проявившейся в сложной операции эмалировки лица.

„Это — мучительная операция!" — читаем мы об этой операции в книге И. Белорусова „Франция": pour être belle, il fauttantsouffrir. Сначала острой ложечкой снимают со всего лица эпидермис. Лицо, как ошпаренное, представляет сплошную рану, слегка кровоточащую и выделяющую серозную жидкость. Его чем-то примачивают, подлечивают; когда выделение серума прекратится, на подживающую рану наводят эластичный прозрачный лак, который плотно пристает к оголенной ободранной коже. Лак потом подкрашивают. Получается удивительный по чистоте и нежности личной покров, с которым надо, однако, обращаться осторожно, иначе он треснет, и тогда — штукатурься снова".

Там же, у И. Белорусова, интересующиеся могут найти данные о деталях, напр., о том, как именно вставляют при таком вот основательном ремонте лица ресницы:

„Ресницы вставляют так же, как вставляют зубы. Особой тупой иглой расправляют и расширяют волосяной канал

выдернутой коротенькой ресницы, вставляют в него заготовленную длинную и стягивают ткань подкожным впрыскиванием. Вы смотрите в прелестные глаза, опушенные густыми и длинными волосами, и готовы слагать восторженные вирши о мерцающих звездах, а между тем дело не в звездах, а в героизме. Операция вправки ресниц болезненна, и надо много решимости, чтобы отважиться на нее, много денег. „Институты красоты“ берут дорого...“

Условия русской валюты в те годы позволяли и не такие траты. И вот, под крылышком помолодевшей Марии Федоровны и К. П. Победоносцева, совершает первые выступления свои новый царь. Его главная задача — охрана самодержавия. Мы видели (во II главе), какую обстановку встретил он при восшествии на престол. Что представлял он сам по себе в эти годы?

Для определения психики человека не имеет решающего значения, был ли он по должности, по профессии и ремеслу царем или трубочистом, ветеринаром или парикмахером.

Надо отбросить все внешнее, все наносное и случайное. Долой мундиры военачальников, рясы священников, отрепья бродяги и золотое шитье сановника, если нас интересует сущность человеческая, самая основа души. Как узнать, как определить душу этого человека? Не Николая II, „самодержца Всероссийского, царя Польского, великого князя Финляндского и прочая, и прочая, и прочая“, а Николая Александровича Романова, независимо от случайности его рождения, общественного положения и профессии.

— Бедный, запуганный молодой человек,—говорит о нем в эти годы Лев Толстой.

— Чудесно воспитанный человек, charmeur, — определяет его С. Ю. Витте, — но лживый, хитрый, безвольный и коварный.

— Царь Николай интеллигентен, умен, образован, — говорит немецкий журналист „Berliner Tageblatt'a“.

— Это существо робкое, боязливое и меланхолическое,— уверяет французский журналист Дрюмон.

И если умеренное „Освобождение“ Петра Струве уверяло, что „царь сам по себе добр и страстно хочет облаго-

детельствовать Россию“, а всему виною одно только „средостение“, то неумеренная „Революционная Россия“ в то же время говорит о кровожадных наклонностях представителя гнилого царизма, а В. Л. Бурцев вопиет о том, что этот палач, „чтобы удовлетворить своим прихотям, отнимает у голодного народа его суму, вырывает последний кусок хлеба из его рта — и, таким образом (!) набивает своими капиталами английские банки“.

В этом разноголосом хоре, среди резких противоречий в отзывах и оценках, есть только одна черта, какую признают чуть ли не единогласно все: неудачник — таков общий приговор.

— Твой день рождения, дорогой мой, — читаем мы в одном из писем Александры Федоровны к Николаю, — совпадает ведь со днем Иова Многострадального!

Любители примет могли бы собрать целую коллекцию их в биографии Николая. Тут—и хлеб-соль, оброненные во время первой же речи Николая о бессмысленных мечтаниях, и первое появление государыни в Петербурге одновременно с телом Александра III (за гробом пришла, — говорили в народе), и гора исковерканных тел на Ходынке в первый же день коронации, и многое, многое еще.

Да, он был неудачником, этот последний царь. У него было все, что только мог желать этот человек на земле. Александр III оставил ему крепкую Россию, богатую, сильную, верящую в нового царя и любящую идею царской власти.

Что сделал, что только сделал с этим наследством Николай! Как легко было ему войти в историю великим. Не стоит говорить о том, что мог он сделать уже в начале своего царствования. Но еще и 9-го января, и в дни первой Думы, и даже за неделю, за три дня до своего отречения, когда не только М. В. Родзянко, но и великие князья и сама Александра Федоровна требовали от него резкого перехода на новые рельсы, даже и тогда, как легко мог он многое изменить в своей личной судьбе и судьбе России!

Тогда, в первые дни царствования, он, конечно, не думал о том, каким войдет его имя в историю России. Он был

занят тем, чтобы справиться со своими обязанностями по представительству, не опозориться, не оказаться иным, чем это полагается.

Так, лишенный таланта, начинающий писатель, старается писать так же, как признанные авторы, дорожит тем, чтобы у него в произведении все было, „как у других“, „не хуже, чем у людей“, не понимая, что все дело — именно в индивидуальности, в своем, в неповторимом; что надо писать не так, как пишут, как принято писать, а именно так и только так, как ты пишешь, как ты умеешь писать, и что без этого своего, особого, не стоит и браться.

Первое появление Николая перед членами гос. совета было воистину жалостно:

„Члены гос. совета, из которых многие были ветеранами, служившими еще прадеду нового царя, — описывает английский корреспондент, — вместо царского величия, увидели ребяческую неловкость, шаркающую походку, бросаемые исподтишка взгляды. Маленький тщедушный юноша, пройдя бочком на свое место, опустив глаза, быстро произнес пронзительным фальцетом одну единственную фразу: „Господа, от имени моего покойного отца благодарю вас за вашу службу“. Затем, после некоторого колебания, повернулся и вышел. Присутствующие переглянулись между собой и после неловкого молчания разошлись по домам“.

Николая II встретили при его восшествии на престол до странности доверчиво и любовно. Стыдно читать нежные и любящие адреса верноподданных, исполненные надежд. Кажутся каррикатурой и злой сатирой, не только подцензурной, но и зарубежной свободной печати, адреса, какими приветствовали нового царя в те дни.

С усердием, воистину непостижимым, пытались найти доказательства наступления новой либеральной эпохи, пришедшей, будто-бы, на смену дням Александра III.

С каким восторгом отмечались такие, напр., шаги Николая, как рескрипт на имя вел. кн. Сергея Александровича, подпись под которым гласила: „Любящий вас племянник, Николай“. — Так и подписался: „Любящий племянник“, вы подумайте! Не гордый, сразу видно!

А когда Николай посадил на три дня на гауптвахту градоначальника фон-Валя, ликование либерально-настроенных обывателей дошло до предела:

— Этот им не спустит. Он полицию подтянет!

Откуда было знать ликующему обывателю, что дисциплинарное взыскание, наложенное на градоначальника фон-Валя, объяснилось всего только старыми счетами с ним на почве столкновения в ресторане, где кутил наследник. Откуда было знать обывателю, что взыскание было вызвано „бестактностью", допущенной градоначальником, оштрафовавшим не простого обывателя, а родственницу царя, графиню Строгонову, вывесившую траурный флаг ранее опубликования оффициального сообщения о смерти Александра III.

Уже 17-го января, в день первого высочайшего приема представителей дворянства, земства и городов, — прозвучала знаменитая фраза Николая о „бессмысленности мечтаний". „Я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их мой незабвенный покойный родитель", — заявил новый царь в своей програмной речи, к которой, затаив дыхание, прислушивалась вся Россия.

Чрезвычайно характерна вся картина этого выступления Николая. В барашковой шапке, которую он держал в руке, был заготовлен текст речи, где вместо резкого слова „бессмысленные" мечтания было сказано „беспочвенные мечтания". Но Николай чувствовал себя очень сконфуженно, начал свою речь с высоких нот и закончил ее криком, и отсюда то и произошла эта оговорка. „Это был манекен царя, автомат. Впечатление было болезненно и сильно именно своей истеричностью и автоматизмом", — свидетельствуют сообщения иностранных корреспондентов.

Молодой царь прокричал свою фразу о „бессмысленных мечтаниях" земцев так громко, что Александра Федоровна, в те дни плохо понимавшая русский язык, сочла долгом осведомиться у стоящей рядом великой княжны:

— В чем дело?

— Он им объясняет, что они идиоты, — объяснила спрошенная.

Один из „идиотов“, предводитель дворянства Тверской губернии Уткин, от крика государя вздрогнул настолько сильно, что выронил из рук золотой поднос с хлебом-солью для самодержца. Покатился хлеб, просыпалась соль.

— Плохая примета! — шептали сановные старички, глядя, как Воронцов-Дашков поднимает с пола подарки.

Впрочем, вскоре подоспела ходынская катастрофа, происшедшая в дни коронации и затмившая все остальные столь многочисленные „приметы“ в жизни царя-неудачника, обреченного на роль „последнего царя“ России.

ГЛАВА VI.

Литературная деятельность.

Если иной раз словечко, случайно вырвавшееся из уст, характеризует человека ярче и правильнее, чем целая речь, произнесенная им обдуманно и сознательно, если о человеке мы судим не сплошь и рядом по его словам и обещаниям, а по выражению глаз, по улыбке, — то очевидно и для правильного представления о Николае нельзя ограничиваться одними лишь „историческими данными“ о его царствовании.

Все осуществленные при нем „мероприятия“, все выработанные в его царствовании „законоположения“, — боже мой, до чего хрупко, как мелко и ничтожно, до чего никчемно оказалось все это пышное сооружение, обвалившееся на наших глазах уже при первом порыве революционного ветра. Пыльные и жалкие обломки, густо залитые кровью — вот и все, что осталось теперь от всей этой государственной деятельности. И если правда, что, напр., андреевский „Губернатор“ или „Вор“ интересует нас не потому, что один из них занимает губернаторский пост, а другой занимается воровской профессией, а несмотря на то, что пред нами вор или губернатор, — то образ Николая II должен привлекать нас не только потому, что он царь, но еще и несмотря на это обстоятельство. Надо попытаться разглядеть человека в этой фигуре на троне.

— Человек, это звучит гордо, — читали мы у Максима Горького. — Какая чудная должность быть на земле человеком.

— Человек — это страшно, — читали мы у Леонида Андреева. — Тяжело и оскорбительно быть этой штучкой, что называется человеком. „Человек вместил в себя бога и сатану, и как страшно томится и бог, и сатана в этом тесном, смрадном помещении“. „А и трудно же, очень трудно быть человеком на земле“!

Считать ли звание человека „гордым“ или трудным и жутким, но человек — это главная правда жизни.

Не потому, что Николай II был царем, а несмотря на то, что он — царь, вот, думается, единственно правильный подход к теме, если дорожить не историческими, а именно психологическими выводами.

Но как, каким образом отыскать человеческое сердце под этим мундиром?

Писал ли Николай II лирические стихи? У нас нет материалов для ответа на этот любопытный вопрос. Но если все же настойчиво захотеть подойти к Николаю Романову именно как к писателю, если не мыслителю, то, по крайней мере, хотя бы, как фельетонисту, то материалов для этого окажется в нашем распоряжении больше, чем достаточно. Перелистайте „Правительственный Вестник“, пересмотрите вскрытые революцией архивные материалы — и какое обилие литературных произведений Николая в виде всяческих резолюций, высочайших пометок, речей и тостов, „собственноручных“ писем и телеграмм окажется перед вами.

Попытаемся подойти к этим произведениям спокойно, без политического ажиотажа и без полемического задора, как сделал бы это вдумчивый и беспристрастный литературный критик, в руки которого попал том произведений неведомого автора-дебютанта.

Какие выводы принесет это спокойное, лишенное предвзятой оценки, изучение?

Большого вклада в сокровищницу русской литературы здесь критику не обнаружить. Хвастать, как говорится, нечем. И когда в дни свободы, после 1905 года, один из предприимчивых издателей воспользовался отсутствием предварительной цензуры для того, чтобы без каких бы то ни

было комментариев издать сборник речей Николая II,—эта книга была мгновенно конфискована ретивыми охранителями царского достоинства в голубых мундирах. Книга оказалась „возмутительной“, и, как это ни странно, расшатывающей устои. Собранные воедино слова Николая II производили слишком сильное впечатление.

Судьба каждого из нас, ста пятидесяти миллионов „верноподданных“, наша жизнь, наша честь—целиком зависела от доброй воли, от каприза самодержца всероссийского, царя польского, великого князя финляндского. Насморк Николая II, прыщик на носу Александры Федоровны — какими последствиями могло грозить это судьбам верноподданных, да и самой России?

Вот почему, на ряду с прочими проявлениями деятельности венценосца, не может не казаться интересной и его литературная деятельность, высочайшие надписи и резолюции, царские письма и речи—все это являет собой литературу, если и не весьма художественную, то, во всяком случае, очень содержательную. С этим автором считались. Он был влиятелен ничуть не меньше, чем Чехов или Леонид Андреев.

Стиль этого автора, раньше всего, чрезвычайно лаконичен. Надо писать так, „чтобы словам было тесно, а мыслям просторно“. Как сурово держится этого правила автор! „Прочел с удовольствием“, „Искренно всех благодарю“, „Ай, да молодец“, „Надеюсь, повешены“, „Вот так-так“, „Неужели“? „Скверное дело“!—вот любимые образцы художественной прозы этого писателя.

Не сказалось ли в этой любви к лаконизму влияние учителя и воспитателя Николая II, К. П. Победоносцева? Этот „старый вампир“ с торчащими ушами, болезненно не любит тратить лишних слов. Когда, в свое время, он тонул в Севастополе, и его вытащил из воды и спас от смерти известный гипнотезер Осип Фельдман, бедному Фельдману долго не могли простить этой ошибки. „Не всегда надо тащить из воды то, что в ней плавает“, — писал А. В. Амфитеатров. К. П. Победоносцев, в беседе со своим спаси-

телем, побил все рекорды лаконизма. Даже Леонид при Фермопилах не мог бы показать такой марки.

— Еврей? — грозно спросил К. П. Победоносцев.

— Еврей, — испуганно ответил гипнотизер.

— Креститесь! — сурово сказал К. П. Победоносцев.

Именно этим лаконизмом отличался всю жизнь воспитанник К. П. Победоносцева—Николай II.

„Ай, да молодец“,—так лаконически пишет он, наприм., о капитане Рихтере на докладе прибалтийского генерал-губернатора Г. П. Сологуба. Этого Рихтера, начальника карательного отряда, молят убрать или хотя бы образумить. Рихтер переходил все пределы в истязаниях, порках, расстрелах невиновных и поджогах деревень. Подвигов на целый том хватит. Но Николай II лаконичен. „Чтобы словам было тесно, а мыслям просторно“,—вот требования, каких держится его стилистика. „Ай, да молодец!“—и ни слова больше.

Так же кратки резолюции Николая и в иных случаях: „Мне какое дело?—пишет он, наприм., на докладе о действиях жандармского ротмистра, графа Подгоричани, организовавшего исключительный по жестокости погром в Белостоке. Ему не надо тратить много слов. И кратких резолюций достаточно, чтобы спасти от суда Рихтера и Подгоричани и дать им повышение.

„Скверное дело“, — пишет царь 27 августа 1905 года на докладе о найденном в Финляндии революционном складе винтовок и боевых патронов.

„Царское спасибо молодцам фанагорийцам!“—возглашает он вскоре после вступления на престол, в марте 1895 г., за умелое и своевременное употребление оружия при расстреле толпы бастующих рабочих в Ярославле.

„Надеюсь, что союз, установившийся между мною и корпусом жандармов будет крепнуть с каждым годом“, — объявляет Николай 6 декабря 1901 года после приема высших представителей корпуса жандармов.

„Пью за здоровье воинских частей“, — вот краткая речь, произнесенная Николаем после Ходынской катастрофы. От этого лаконизма он отказывается только в исключительных случаях.

„Даровать помилование“, — также кратко пишет он на представленной ему кипе судебных приговоров. Эти бедные люди приговорены к лишению прав и заключению в тюрьме за то только, что они были устроителями и участниками еврейских погромов. И погромщики, в путях высочайшего милосердия, оказываются на воле, и срочно отправляются на каторгу участники еврейской самообороны.

„Передайте извозчикам мою благодарность, объединяйтесь и старайтесь“, — такова идеальная по лаконизму высочайшая отметка 23 декабря 1906 года на патриотическом адресе от извозопромышленников.

„Положение постыдное“, — еще короче выражает свои мысли его величество 17 октября 1905 г., обращаясь к великому князю Александру Михайловичу по поводу железнодорожной забастовки, из-за которой сообщение Петергофа с Петербургом возможно только морем,—„хоть вплавь добирайся“.

Четкость стиля Николая воистину изумительная: „Похвально“, „прочел с удовольствием“, „искренно всех благодарю“, — вот его любимые изречения. Когда в 1902 году государственный совет обратился к его величеству с верноподданнейшим ходатайством об уничтожении телесного наказания в России, государь категорически отказался отменить порядок, по которому любой мальчишка—земский начальник—имел право выпороть каждого крестьянина, хотя бы по возрасту тот годился ему не только в отцы, но и деды. Но тратить много слов Николай не пожелал и положил резолюцию: „Пересмотреть вопрос“.

Государственный совет, после вторичного обсуждения, снова постановил „припасть к стопам“ его величества со вторичным ходатайством об отмене телесных наказаний. Николай II снова отделался идеально-короткой, собственноручно написанной резолюцией: „когда захочу—тогда отменю“.

Здесь нет лишних слов. Требования художественности соблюдены полностью: ничего не вычеркнуть, каждое слово — ярко выпукло и показательно.

И когда в дни японской войны генерал Алексеев доносит, наприм., государю, что в армию прибыло 14 агита-

торов, „революционеров-анархистов“, Николай по телеграфу же отвечает: „надеюсь, немедленно повешены“. О том, какие это революционеры, чем доказано, что они агитаторы, о каком бы то ни было следствии и суде—и вопроса не возникает. Легкость в мыслях у этого молодого писателя, воистину, необыкновенная.

Мы видели, как скуп бывает обычно Николай на слова. Когда сенатор С. С. Манухин спрашивает его о том, как же быть с приговоренным к смертной казни Каляевым, Николай „молча отошел к окну и забарабанил пальцами по стеклу“. Ответа так и не последовало. Царь настойчиво требует, чтобы ему не задавали таких бестактных вопросов. 26 августа 1907 года „государь император высочайше повелеть соизволил“ объявить командующим войсками, что он „требует безусловного применения нового закона о военно-полевых судах“. Командующие войсками и генерал-губернаторы, допустившие отступление от этого высочайшего повеления предупреждаются, что они „будут ответственны за это лично перед его величеством“, причем командующим войсками предписывается „озаботиться, чтобы государю не представлялись телеграммы о помиловании“.

Только в экстренных случаях царь отказывается от односложных резолюций и дает некоторое развитие своих мыслей. Так, на законопроекте о новых ограничениях права жительства евреев в Сибири, Николай II собственноручно начертал: „Евреи, покидающие черту оседлости, ежегодно наполняют целые местности Сибири своими противными лицами. Это невыносимое положение должно измениться“.

Многословием он и здесь не грешит. Для того, чтобы Николай отступил от своего обычного лаконического стиля, нужны причины исключительные. Даже в переписке с женой он удовлетворяется коротенькими афоризмами: Я сегодня гулял в саду по нашей любимой дорожке, и мне было так грустно, что вас не было около меня“. Вот образец его переписки — письмо Николая от начала и до конца.

Этот лаконизм Николая, думается, не случаен. Это — спутник короткомыслия.

Было бы ошибочно объяснить это короткомыслие только ограниченностью. Это принципиальное короткомыслие: „мне впало на душу“, “мне пришло на ум“, — таковы обычные мотивировки самых важных из его решений. Никаких соображений, никаких доводов, против которых могли бы бороться путями логики окружающие, он не признает. Он царь; он — помазанник божий, и если то или иное впало ему на ум, то такова, значит, воля всевышнего. „Сердце царя в руце господа“. Он, Николай, скромный исполнитель воли божией. Он всегда прав.

Когда вдумываешься в психологию этого странного писателя, хочется отыскать хоть какое-нибудь произведение, в котором полностью отразилась бы его душа. Особенным тактом, чрезмерной чуткостью он не отличался, это правда. После того, как во время ходынской катастрофы были раздавлены тысячи ни в чем неповинных верноподданных, а молодой царь в тот же день, как ни в чем не бывало, танцовал на балу у французского посланника, Николай II свою первую речь обращает к войскам и 21-го мая 1896 г. считает уместным ограничиться следующей речью: „Пью чарку вина за здоровье воинских частей. Ваше здоровье, господа“.

Тогда же, принимая представителей дворянства, Николай II считает уместным и своевременным заявить: „Мне известно трудное время, переживаемое дворянством. Будьте спокойны, я не забуду его нужду“. (О „трудном времени“ для крестьян, о „нужде“ рабочих царь не говорил ни слова).

Молодой автор влиятелен. С его фельетонами, что называется, считались. Но, надо правду сказать, ни малейшего литературного таланта этот автор, даже с возрастом, не проявляет. Когда А. А. Лопухин в свое время в беседе с Бурцевым выдал роль Азефа, и „Варварин суд“, несмотря на то, что выяснилось, что вина Лопухина состояла только в том, что он спасал жизнь Николая (работавший „на обе стороны“ Азеф, сыгравший главную роль в убийстве Плеве и Сергея Александровича, в это время готовил покушение на жизнь Николая), приговорил Лопухина к пяти

годам каторги, — на докладе о лопухинском деле царь собственноручно начертал: „Вот так здорово“. Когда во второй гос. думе был поднят вопрос о пытках, истязаниях и расстрелах в Рижской тюрьме, Николай II начертал по этому поводу: — „Молодцы конвойные! Не растерялись“.

Образцов такой художественной прозы — не оберешься в литературном наследстве Николая.

Николай II скуп во всем, что касается лирики. Когда, в первый год царствования, 78 литераторов, наиболее видных и почтенных представителей русской литературы, возмечтали о том, чтобы писатели российские были уравнены в праве с конокрадами, т.-е. были ответственны перед судом, а не зависели от административного усмотрения, и обратились непосредственно к государю с петицией о том, чтобы он „благоволил принять литературу под сень закона“, — Николай распорядился передать свой ответ через полицию. Околодочный надзиратель принес академику Бильбасову царский ответ: „Оставить без всякого последствия“.

Большой выдумки, яркой игры ума, крупного литературного таланта — здесь, как ни старайся, не отыскать. Но, как это ни удивительно, — этого автора любили в России гораздо больше, чем, напр., Толстого и Достоевского.

Если бы нужно было доказывать наличность этой любви, в какой еще так недавно была повинна чуть ли не вся Россия, достаточно бы всмотреться в яркое письмо Евгения Шаумана, — террориста, убившего в 1903 г. финского генерал-губернатора Бобрикова. „Ваше величество! Я жертвую, — пишет Е. Шауман, — свою жизнь, пытаясь убедить этим вас, государь, в тяжести положения дел державы Российской. Зная доброе сердце и благородные намерения вашего величества, я умоляю вас, государь, о тщательном изучении положения дел. С глубочайшим верноподданическим уважением остаюсь вашего императорского величества, державнейшего императора верноподданный Евгений Шауман“.

Если такой тон возможен в устах террориста, то что уж говорить о темной крестьянской массе, спокон века чуть

не молившейся на своего батюшку-царя, о представителях городского и земского самоуправления, пользующихся каждым удобным и неудобным случаем для поднесения воистину хамских „верноподданических адресов“, о войсках, которые не только по первому приказу царя шли на убой в войнах с врагом внешним, но и расстреливали своих же братьев и отцов во время войны с врагом внутренним. Что говорить о всей той разномастной толпе, какая в день объявления войны в июле 1914 г., стоя на коленях, так трогательно пела „боже, царя храни“ на площади возле Зимнего дворца...

Да, этого автора любила читающая масса. „Государь не человек, хотя и не бог. Он — нечто среднее между богом и человеком“, — так в разговоре с С. Ю. Витте формулировал эту точку зрения великий князь Николай Николаевич. Дело вовсе не в том, кто подсказал ту или иную мысль Николаю, — Григорий Распутин или С. Ю. Витте, Митька-юродивый или Александра Федоровна. Дело в том, что эту мысль воспринял царь, помазанник божий, и, значит, все вопросы решены и сомнения невозможны.

Вот откуда это короткомыслие, влекущее за собой характерный для Николая II лаконизм. Только в исключительных случаях, как в примере с Семеновским полком, когда слишком уже велика была волна чувств в душе Николая, он делается многоречив:

„Спасибо, семеновцы, дорогие мои! От всей души горячо благодарю вас за вашу службу“, заявляет Николай после усмирений 1905 года: — „благодаря вашей доблести, стойкости и верности сломлена крамола в Москве“.

И в другом обращении к семеновцам Николай II возглашает: „Я пью за ваше здоровье, братцы! За славу и процветание лейб-гвардии Семеновского полка. Ее величество и я сердечно были рады видеть вас, господа, вчера у нас и провести вечер в нашей среде. Я еще раз сердечно благодарю Семеновский полк за честную, беззаветную и примерную службу... Я пью за то, чтобы полковая семья семеновцев всегда являлась бы такою же крепко сплоченной, какою я вижу ее в настоящее время к моему великому удовольствию.

Пью за ваше здоровье, господа, и здоровье моей первой батареи". (21 ноября 1905 года).

И в третьем обращении все к тому же, прославившемуся своими карательными подвигами, Семеновскому полку, 18 августа 1906 года, Николай II снова пишет: „Я люблю и уважаю дорогих мне семеновцев, я даю своему наследнику завет также любить вас. Шлю вашему полку глубокую благодарность за малую и большую шашку, подаренную наследнику. Малую он носит ныне, а большую, бог даст, будет носить на службе". И, не довольствуясь, всеми этими много раз повторенными словами о „нежной любви и уважении" к семеновцам, Николай предоставляет им совершенно необычную привилегию — право непосредственного обращения к представителю верховной власти: „Вы, уходящие в запас, — говорит в этом письме Николай, — памятуя о случаях бойкота, какой проявлялся в обществе к семеновцам после огласки потрясающих подробностей их усмирительной и карательной деятельности, после убийства террористами полковника Римана и генерала Мина, — вы, уходящие в запас, скоро благополучно вернетесь по домам. Если кто вас обидит или отнесется не так, как следует отнестись к настоящему семеновцу, — то я даю вам право обратиться прямо ко мне. Да хранит вас бог".

Так же точно в отношении к излюбленному „союзу русского народа" („хулиганы и воры" — говорит о них Витте. „Преступная банда" — говорит П. А. Столыпин) Николай II считает нужным высказаться полностью, когда 23 декабря 1906 года доктор Дубровин, во главе черносотенной депутации, поднес Николаю II „два знака Союза русского народа для ношения на груди" для государя и наследника. Николай II, принимая этот подарок, ответил длинною речью:

„Хорошо, благодарю вас", — сказал он, возлагая на себя знаки союза.—„Возложенное на меня в Кремле московском бремя власти я буду нести сам и уверен, что русский народ поможет мне. Во власти я отдам отчет перед богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к союзу русского народа... Я верю, что с вашей помощью мне

и русскому народу удастся победить врагов России. Скоро, скоро воссияет солнце правды над землей Русской, и тогда все сомнения исчезнут. Благодарю вас за искренние чувства, я верю русскому народу. Объединяйтесь, русские люди. Я расчитываю на вас". И в телеграмме, которой „его императорское величество соизволил осчастливить" председателя союза русского народа, доктора Дубровина, после роспуска второй государственной думы в 1907 году, тоже необычное многословие. Телеграмма полна выражениями надежды, что „теперь все истинно верные и русские, беззаветно любящие свое отчечество сыны, сплотятся теснее, постоянно умножая свои ряды". И в заключение этой, необычно длинной для Николая, телеграммы, сказано: „Да будет же мне союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка".

„Верю, что скоро сомнения исчезнут, что солнце правды скоро воссияет над землею Русской"!

Только в обращении к черной сотне из союза русского народа находил Николай такие слова в своем лексиконе.

В наши дни „солнце правды", как известно, воссияло и „все сомнения" действительно исчезли.

Было бы ошибкой думать, чтобы внимательное исследование произведений Николая II, всего творчества этого автора, приводит нас всего только к скромному выводу: ни Генрика Ибсена, ни Оскара Уайльда здесь нет, но неплохой фельетонист для „Земщины" или „Русского Знамени" из Николая II, с его багажом „солнца правды", которое „воссияет над землей Русской", мог бы получиться.

Нет! Выводы гораздо серьезнее. Положение вскрывается гораздо более значительное.

Трагически отчетливо рисуется вывод из внимательного изучения литературной деятельности Николая II:

— Плох, очень плох был этот убогий фельетонист на троне! Но еще хуже, очевидно, еще плоше и бездарнее были его читатели, создавшие ему такое влияние и „имя",—читатели, такой высокой платой оплачивавшие его произведения!

ГЛАВА VII.

Предшественники Распутина.

Одной из наиболее сложных загадок царствования Николая II является личность Распутина. Кто он, этот странный мужик, променявший жизнь конокрада в далеком Тобольске на блестящую, влиятельную роль при дворе самодержца всероссийского?

Распутин, раньше всего, не представляет собою исключительного явления в том „обществе с ограниченной ответственностью“, какое сгруппировалось вокруг трона. Именно такими, распутинскими, были традиции царствования за оба последние десятилетия: юродивые, монахи, гипнотизеры, предсказатели, кликуши, оккультисты, спириты, странники... Беспрерывной чередой сменяют друг друга в интимной жизни Николая II люди такого типа. Чем грубее, чем примитивнее и истеричнее тот или иной прорицатель, тем больше доверия проявляют к нему пресыщенные жизнью верхи.

Как будто все они вокруг трона давно и окончательно убедились, что пути логики для них губительны, что спасти их может только чудо, только мистика. Как избалованный и пресыщенный гурман дорожит тем сортом рокфора, в котором обеспечено наибольшее количество червей, так наибольшее внимание сфер привлекали не слова, а бормотание, не мысли и речи, а нечленораздельные звуки и звероподобное рычание.

Не пересчитать всех этих „депутатов от низов народных“, кого так настойчиво проталкивали наверх то одна, то другая группа придворных сановников. Каждая партия при дворе ставила на свою лошадку: Митька юродивый, кликуша Дарья Осипова, проворовавшийся и внезапно объявивший себя епископом огородник Варнава, чудотворец Иоанн Кронштадтский, истинно русский публицист Карл-Амалия Грингмут, епископ Гермоген, князь Мещерский, преосвященный Феофан, доктор Дубровин, странник Антоний и пр., и пр.,—все они пестрой чредой прошли возле трона, и каждый из них сделал, что мог, „для России“ и для себя лично. И если влияние тобольского конокрада, Григория Распутина-Новых, оказалось длительнее, если роль его, веселого и пьяного мужика, оказалась значительнее, чем у иных в этом длинном списке, то здесь дело только количественного различия. По существу, в основе перед нами все тот же Митька юродивый, все тот же Иоанн Кронштадтский с визжащей толпой истерических иоанниток.

Кроме „российских“ Григория Распутина или кликуши Дарьи Осиповой и др., — бытовые условия жизни царского двора, как известно, настойчиво требовали и „импорта“ такого же рода сырья и из-заграницы. Рядом с Илиодором и титулярным советником Клоповым, рядом с Шараповым и Н. А. Демчинским, в этом же мистическом списке оказались во множестве и иноземцы: тут и доктор Папюс из Парижа, и профессор Шенк из Вены, и масон Филипп из Лиона, и доктор Бадмаев из Тибета. Роль всех этих иноземцев при дворе оказалась все та же — „отечественная“, самобытная: „русский двор перепер на язык родных осин“ все иноземные прорицания. Не они европеизировали окружающее, но, напротив того, весь строй придворной жизни ошеломительно быстро руссифицировал этих знатных иностранцев. И до чего же российским, самобытным, хлыстовским чем-то веет от „чудес“ этих европейцев, вроде лионского масона Филиппа, умудрившегося, во имя забот о рождении наследника, почти целый год прожить все ночи в спальне государя и государыни. Его безотлучное присутствие было объявлено необходимым. Иначе он не

ручается за то, что будет мальчик. И только тогда, когда в результате этого своеобразного лечения, вместо ожидаемого мальчика, родилась девочка Анастасия, только когда после второго года лечения „доктором“ Филиппом (звание доктора, как и чин действительного статского советника, были получены этим авантюристом в подарок от Николая II в порядке высочайшего повеления: „Быть по сему“)—государыня, со дня-на-день ожидавшая разрешения от бремени, оказалась „ложно беременной“, — на его место находили все новых и новых, уже отечественных чародеев, от Митьки юродивого до Иоанна Кронштадтского включительно. Не оскудевала земля Русская талантами распутинского образца!

Было бы утомительно, да и не нужно, прослеживать „дела и дни“ этих больших и малых распутиных всероссийского двора. Каждый из них достаточно типичен, чтобы дать исчерпывающее представление об этой странной специальности, об этой необычной профессии. Когда в городе Козельске удалось найти юродивого, мещанина Митьку, с детства лишенного членораздельной речи и умеющего только мычать во время припадков падучей — этого „Митю блаженного“, вместе с его антрепренером-объяснителем его мычания, псаломщиком Елпидифором Егоровым, немедленно через козельского помещика, флигель-адъютанта князя Николая Оболенского, вытребовали ко двору.

Карьера Митьки блаженного отныне казалась обеспеченной. До сих пор он и его антрепренер довольствовались мужицкими двугривенными и деревенскими подарками: домотканным полотном, лукошком яиц и т. п. Но после того, как во время эпилептического припадка Митька предсказал княгине Абамелек-Лазаревой рождение сына и сын, оказывается, действительно родился, и княгиня Абамелек-Лазарева успела рассказать об этом в салоне графини Игнатьевой, и брат обер-прокурора святейшего синода князь Оболенский уже взял на себя миссию доставить Митьку с его антрепренером в царский дворец,—теперь будущее Митьки обеспечено. Да здравствует новый святой, новый советник самодержавного царя, новый вершитель судеб державы Российской!

И ведь были люди, которые отрицали демократизм за монархом всея России!

Когда Митьку и Елпидифора привезли в Царское Село и, основательно вымыв обоих в бане и переодев в новые, типичные русские костюмы, одного в зипун, другого в подрясник, привели к Николаю, — Митька замычал.

— А что это обозначает?—робко осведомился государь.

Псаломщик Елпидифор Егоров к этому вопросу был подготовлен:

— Детей повидать желает,—объяснил он той формулой, какой научили его считавшиеся с чадолюбием царя придворные.

Царя ответ обрадовал. Всех детей немедленно мобилизовали и развернутым строем вывели пред светлые очи Митьки. Юродивый дико завопил и проявил большое возбуждение.

— А это же что?

— Это он чаю с вареньем просит,—немедленно объявил находчивый антрепренер.

Знакомство наладилось, таким образом, благополучно, но пребывание Митьки при дворе было все же непрочно: его манера жить и его привычки были не только не вполне элегантны, но и утомительны.

Как оказалось, наибольший прорицательный дар накатывал на него после смертного боя, к какому его приучил антрепренер и объяснитель Елпидифор, или во время эпилептических припадков. Государыня Александра Федоровна была больна и готовилась стать матерью. Это не помешало ей четыре месяца присутствовать при эпилептических припадках Митьки блаженного с тем, чтобы лично задавать ему вопросы о предстоящем рождении и „непосредственно подвергнуться его влиянию“. Митька корчился в судорогах, болезненно стискивал зубы, брызгал густой пеной, но мычал что-то невразумительное.

— Еще рано, до родов далеко. Окончательно определить мальчик или девочка пока нельзя. А только он молится и впоследствии все скажет, — уверенно отвечал подкормившийся на дворцовых хлебах и одобрявший дворцовую жизнь антрепренер Елпидифор.

Дело окончилось грустно. Во время одного необычайно-сильного припадка падучей у Митьки, Александра Федоровна настолько испугалась, что впала в обморочное состояние, разрешившееся истерическим припадком. Как следствие этого, получились преждевременные, на пятом месяце, роды. Ребенок родился мертвым.

Верная старому принципу —обращать даже трагические события царского строя в смешные, цензура немедленно распорядилась вычеркнуть из феерии „Царь Салтан", шедшей в то время в императорском Мариинском театре, слова: „Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышенка, не лягушку, а неведому зверюшку". Для полноты картины, полиция в Нижнем-Новгороде сочла благовременным принять срочные меры по конфискации календаря, на обложке которого была изображена женщина, несущая в корзине четырех поросят. В этой невиннейшей обложке усмотрели почему-то намек на четырех царских дочерей.

Как ни неудачны оказались на посторонний взгляд сеансы Митьки юродивого, но общий культурный уровень при дворе был так потрясающе низок, а тоска по чуду, жажда чуда— так неимоверно высока, что щедро одаренного и отпущенного с миром Митьку юродивого вызывали, оказывается, вторично. Снова прием во дворце, снова новые эпилептические припадки и судороги, и новые объяснения тупого Елпидифора: „лимонаду просит", „всего лучшего желает", „обещает, что все наладится".

И только после этой вторичной, длительной пробы — юродивый Митька получил, наконец, чистую отставку. Мещанин Елпидифор был очень обижен и в скором времени после этого так далеко зашел в деле избиения Митьки на предмет добывания прорицаний, что Митька не выдержал и умер.

Надо признать что этот псаломщик Елпидифор Егоров был совершенно неправ в своей злобе на Митьку. Если бы сам-то Егоров был понаходчивее, если бы он, как другие прорицатели, специалисты по спиритизму и вертящимся столикам, сумел подсказывать деловые советы (передача концессий на петербургский метрополитэн инженеру Балинскому, назначение Корево и т. п., — все это заветы, полу-

ченные Николаем от медиумов с вертящимися и стучащими столиками),—то звезда Митьки не закатилась бы так быстро, и псаломщик Елпидифор мог бы, чего доброго, назначать и увольнять министров с не меньшими полномочиями, чем сам Григорий Распутин.

Но мещанин Елпидифор Егоров был жаден и глуп. Та придворная партия, которая поставила на эту лошадку, оказалась в чистом проигрыше, и место юродивого Митьки сразу же заняла кликуша Дарья Осипова. Эту сумасшедшую старуху доставил во дворец по просьбе Николая II флигель-адъютант Орлов.

Личность генерала Орлова—одна из наиболее загадочных во всем дворцовом антураже. И. В. Гессен, взявший на себя грех самовольной цензуры „Воспоминаний" графа Витте, в неумеренном восторге, типичном для цензора-добровольца, заменил точками страницы, посвященные С. Ю. Витте, этому незаурядному человеку и его исключительной близости, „мистериозной связи" с государыней Александрой Федоровной и А. А. Вырубовой. Когда Александра Федоровна задолго до замужества, в звании принцессы Алисы Гессенской—в первый свой приезд в Россию—не понравилась Марии Федоровне, и, под ее влиянием, была признана не подходящей и отправлена обратно на родину, тогда придворные круги резко изменили свое отношение к кандидатке. Еще вчера лебезившие перед ней, почтительно и искательно окружавшие будущую царицу, сегодня все они, узнавши, что кандидатура ее провалилась, что ветер дует в иную сторону, разом повернулись спиной ко вчерашней героине и перестали ее замечать. И только „молодой красавец" Орлов, единственный продолжал быть подчеркнуто-внимательным и почтительным к отвергнутой невесте. Это внимание создало совершенно особые отношения Александры Федоровны к „своему генералу" Орлову. Образовался впоследствии особый тройственный союз: Александра Федоровна, А. Орлов и А. А. Вырубова, члены которого считали себя „мистически связанными" между собою.

За все время карьеры ген. Орлова Александра Федоровна проявляла исключительное внимание к этому высокому

и красивому офицеру большого образования, злоупотреблявшему „воспалительными (кокаин, морфий, гашиш, опиум) средствами“, по определению С. Ю. Витте. По рекомендации императрицы, генерал Орлов получил командование уланским, имени императрицы Александры Федоровны полком; по ее же рекомендации он был назначен и начальником карательной экспедиции в Прибалтийский край. Здесь этот обаятельный красавец и кокаинист оказался воистину зверем: в качестве вешателя и расстрельщика, не только сравнялся, но почти превзошел таких специалистов, как полковник Риман, генерал Мин и другие. Генерал-губернатор Прибалтийского края Сологуб, сам-по-себе очень суровый и решительный боевой генерал, пришел в ужас от „рьяных жестокостей“ генерала Орлова и стал принимать все меры, чтобы „успокоить Орлова и не впустить его в Ригу“. Пусть уж, по крайней мере, деревни жжет, и мужиков вешает... Хоть Ригу бы только отстоять.

Привезенная ко двору ген. Орловым заместительница Митьки юродивого, старая алкоголичка, кликуша, крестьянка Дарья Осипова, у себя в деревне прославилась тем, что, будучи буйной во хмелю, она, после того как ее по необходимости связывали, начинала „прорицать“—выкрикивать бессвязные слова, в которых, на ряду с ругательствами, обнаруживала, будто-бы, „благодать“. Дарья умела „заговаривать“ от дурного глаза, умела „накликать беду“ и лечила деревенских баб от всех недугов, в частности от тех случаев, „когда дети не держатся“.

Эта Дарья Осипова, протеже ген. Орлова, оказалась много счастливее своих предшественников и предшественниц. „Стоило ген. Орлову в дело вмешаться, глядишь, сразу же и мальчик родился! Дождались-таки наследника“, — ехидничали придворные остряки.

Когда иностранная печать стала слегка указывать на фамильное сходство наследника, маленького Алексея, с генералом Орловым, — его выслали за границу „без права возвращения на родину“.

Взаимоотношения при дворе после того, как удачливого красавца генерала Орлова срочно разлучили с Александрой

Федоровной и Вырубовой и в экстренном порядке отправили за границу, вызвали очень много толков. В довершение граф умер в вагоне по пути из Петербурга и умер скоропостижно. „От чахотки“ — насмешливо говорит об этой смерти исковерканный И. Гессеном С. Ю. Витте. „Он отравился“,—утверждают иные источники. „Он был отравлен“— заявляла в один голос французская печать. Указания ее на насильственную смерть ген. Орлова с именами исполнителей этого отравления воспроизведены в изданной тогда же в Париже книге —„Тайны Русского Двора“.

Тело ген. Орлова привезено в Россию (в опубликованных ныне в Берлине письмах Александры Федоровны к Николаю есть сообщения мужу о ее поездках с А. А. Вырубовой с цветами на его могилу).

Итак, долголетние ожидания осуществились: наследник родился. Но количество прорицателей и спиритов, предсказателей и „святых“ при царском дворе после этого не уменьшилось, а даже увеличилось. Место Дарьи Осиповой занял малограмотный странник Антоний, который, в качестве любимца „Союза русского народа“, призывался царем для подачи советов и уже во дни первой думы, а затем замелькали все новые и новые лица.

Эта галлерея пророков у трона — являлась здесь бытовым явлением, и это достаточно уясняет причины появления Григория Распутина.

Но, чтобы понять значение его, как „старца“ и „возжигателя лампад“ при дворе, надо еще всмотреться в историю Серафима Саровского, оказавшегося ближайшим сотрудником кликуши Дарьи Осиповой в тяжелом деле рождения наследника. Без этого не понять специфически придворной мистики, воспитавшей Распутина. Серафим Саровский был объявлен святым по высочайшему повелению. Призвали обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева, и за высочайшим завтраком предписали: изготовить указ об объявлении святейшим синодом Серафима Саровского святым. „Даже видавший виды, старый ханжа и лицемер К. П. Победоносцев оторопел и попытался спорить, указывая на явную незаконность объявления мощей нетленными по

высочайшему повелению и помимо св. синода. Споры ни к чему не привели. „Царь все может“ — возразила Александра Федоровна.

К этим материалам о святости Серафима, опубликованным С. Витте, иные источники прибавляют много чрезвычайно характерных подробностей. Было, как-будто нарочно, сделано все, чтобы компрометировать память монаха Серафима. Когда гроб Серафима извлекли из земли и обнаружили в нем кости и истлевшие клочки савана, местный архиерей Димитрий категорически отказался подписать протокол о нетленных мощах. Архиерея пришлось немедленно удалить в отставку и назначить другого более сговорчивого—Иннокентия. Полиция с ног сбилась, разыскивая калек и убогих, которые должны были в срочном порядке получить исцеление у святых мощей новоявленного угодника. Это было сделано так ретиво, что царь и царица сами неожиданно уверовали в придуманного ими святого. Царица ночами ездила купаться в чудодейственный пруд, наспех устроенный у могилы Серафима, а царь во время саровских торжеств вступал в так-называемое непосредственное общение с землей: его встречали „группы подобранных молодец к молодцу, красавица к красавице, пейзан и пейзанок в живописных группах“. Царь собственноручно принимал от баб в ярких „бытовых“ костюмах деревенские подарки: жбан с яйцами, вышитые полотенца и т. п. Царь лично распрашивал подобранных охранным отделением волостных старшин и георгиевских кавалеров о том, хорошо ли им живется или советовал им слушаться земских начальников.

Православие, самодержавие и народность слились в едином порыве.

Празднества были устроены с оглушительной торжественностью и пышностью. Не только столичная знать, но и губернское чиновничество со всех концов России ринулись в Саров делать карьеру у гробницы святого по назначению. Целебные купания имени Серафима предусмотрительно разделили на отделения: „для благородных“ и „для простых“. Монахи Саровского монастыря не имели основания жаловаться на плохие дела!

Впоследствии иконами Серафима пользовались для достижения успехов в войне с Японией. Иконы посылались на фронт в небывалом количестве.

Надо признать, однако, что предсказания святого Серафима Саровского относительно царствования Николая осуществились далеко не в полной мере:

„В начале царствования сего монарха“, — говорилось о сыне Александра III в особом документе, сохранившемся в департаменте полиции, — „будут несчастия и беды народные, будет война неудачная, настанет смута великая внутри государства, отец поднимется на сына и брат на брата. Но вторая половина царствования будет — светлая, и жизнь государя — долговременная“.

ГЛАВА VIII.

Григорий Распутин.

На фоне всех этих предсказаний и прорицаний, в атмосфере стучащих столиков, юродивых и блаженных, не только понятным, но и по всему закономерным кажется появление Григория Распутина. Воистину, „если бы Распутина не было, его пришлось бы выдумать“,—как выразился А. Ф. Кони.

Кто такой Распутин? Откуда он взялся? Какими путями пришел во дворец? Как это ни странно, но, если оставить в стороне мужицкую жизнь Распутина в Тобольске, его конокрадство, его службу в должности служителя в земской больнице, то первое, так-сказать оффициальное, выступление Распутина является, как оказывается, именно революционным. Григорий Распутин выступает на сходе в качестве лево-настроенного „политического агитатора“. Он не желает утешений царства небесного и требует здесь, на земле, осуществления крестьянских прав, требует земли.

Дело было так: протоиерей Восторгов, от имени союза монархистов, получил командировку в разные грады и веси Российской империи. Это было в дни выборов в государственную думу, и поездки черносотенного протоиерея имели большое агитационное значение: во все стороны летели телеграммы об оказании содействия, о достойной встрече проповедника самодержавия. И по всей России черносотенного протоиерея встречали почтительно и угодливо и собирали сходы для просвещения темных мужиков мудростью столичного проповедника.

Темные мужики должны были, по ритуалу, слушать речи на темы о православии, самодержавии и народности, кивать намасленными головами, разглаживать окладистые бороды и приговаривать: „Верно, батюшка. Правильное ваше слово, батюшка“. Дело отца Восторгова было — писать торжественные доклады в союз монархических партий и в департамент полиции и получать подъемные, прогонные, суточные, наградные и т. д. и т. д. „по положению“.

Но в селе Покровском, Тобольской губернии, из толпы мужиков, согнанных на сход, неожиданно выступил грузный мужик с большой бородой, Григорий Распутин-Новых, который, не ограничиваясь умильными „верно, батюшка!“, стал задавать протоиерею Восторгову злокозненные и ехидные вопросы. „Вы говорите, батюшка, русских людей в думу посылать?.. А мы, нешто, татар посылаем?“, „Вы говорите, батюшка, что царствие небесное через союз русского народа получается? А мы, грешные, думали — от всевышнего... По евангелию, в простоте нашей, судили“. „Вы, батюшка, нам все про царство небесное говорите, а про землю помалкиваете. А нам бы, наоборот, лучше: вы про землицу-то лучше расскажите, а о царствии небесном мы уж сами в церкви помолимся“.

Эти выступления конокрада Гришки имели буйный успех среди его односельчан. Наэлектризованная толпа хохотом и насмешками проводила казенного агитатора, важного протоиерея Восторгова, и отдала все свои симпатии бывшему конокраду Гришке.

Кто же такой он, этот Гришка, вызвавший бурные симпатии односельчан.

„Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор,
Если-б не был-бы я поэтом,
То был-бы хулиган и вор“, —

написал через двадцать лет после этого, работающий „под конокрада“, автор поэмы „Пугачев“, поэт Сергий Есенин.

Выступление Григория Распутина на сходе, как и следовало ожидать, очень сконфузило местное начальство.

Исправник, извиняясь перед протоиереем Восторговым за обнаружившуюся крамолу, обещал посадить в тюрьму и выслать не в меру разговорчивого мужика. Но „столичный гость“ заступился: „Нет, вы его не трогайте! Он нам еще нужен будет“, — задумчиво сказал Восторгов.

Черносотенный протоиерей оказался пророком. Этот темпераментный конокрад, этот разговорчивый мужик, оказался „нам“, впрямь, „очень нужен“. Когда, после поездки протоиерей Восторгов делал доклад о своих успехах центральному комитету монархических организаций в Москве, он указал, что для успешной борьбы с революцией, для достижения наибольших результатов в деле монархической агитации среди крестьян — полезны и необходимы агитаторы из крестьян же, самородки, старательно отшлифованные и умело подготовленные на особых курсах.

„Я сам во время поездки таких самородков видал“, — сообщил Восторгов и, рассказывая о впечатлениях своей агитаторской деятельности, сообщил о говорливом крестьянине села Покровского. („Крестьянский Златоуст“, „народный Заратустра“, — назвал Распутина в своем докладе Восторгов. Der russische Übermensch, российский сверхчеловек, называла впоследствии Распутина европейская печать). Предложение Восторгова было принято. Деньги на это, с благословения министерства финансов, по счету департамента полиции, были выданы. Это был тот период, когда самодержавие пыталось наладить свои общежития, вроде Ерогинского для крестьянских депутатов с бесплатными харчами и пропагандой, и предложение Восторгова оказалось ко времени. „Доставить Григория Ефимовича Распутина немедленно“, — таково было предписание, экстренно посланное в Тобольск. Лишенный политического чутья, урядник не понял, что он имеет дело с будущей особой, и требование о доставке Распутина было им понято, как предписание арестовать и препроводить по этапу бывшего конокрада.

Исправник Казимиров оказался гораздо проницательнее. Когда к нему под конвоем доставили Распутина, он сразу же стал ухаживать за будущей знаменитостью, распушил

сельских властей за необразованность („Человека в столицу важные господа для естественных надобностей требуют, а они, дуроломы, пешком его по всему уезду с конвоем гонят“).

С этого момента житейские пути Григория Распутина оказываются комфортабельными. Исправник Казимиров дал ему казенных лошадей и охрану до ближайшей железнодорожной станции. Оттуда станционный ротмистр Катков, заранее получивший распоряжение о предоставлении Распутину бесплатного проезда, догадался предоставить ему особое купе и даже командировал к нему жандармского унтер-офицера для особых поручений. Через несколько лет Распутин вспомнит о ротмистре Каткове и исправнике Казимирове и сумеет широко, воистину по-царски, отблагодарить этих провидцев.

Гудит поезд, стучат колеса. Напрасно протоиерей Восторгов думает, что это едет будущий агитатор для чайных союза русского народа. Это едет человек, в чьих руках вся судьба самодержавного режима в России. Не агитировать в пользу монархистов, но, напротив того, до конца уничтожить и вытравить монархизм на Руси, — такова провиденциальная роль этого мужика.

Гудит поезд, стучат колеса. „Представитель земли“, Микула Селянинович“, „депутат от низов народных“ едет к своему царю.

Что ему до тех проволочных заграждений, какие в течение столетий устроили для разобщения царя с народом бюрократия, дворянство, придворные сферы. Он, конокрад Гришка, не только сумеет проникнуть через все эти заграждения, преодолеет все эти препятствия, он сумеет еще и захватить власть. Он будет командовать представителями бюрократии и сфер. Он сумеет заставить их вместе с ним верой и правдой послужить революции и прогрессу.

Но то, что ясно ныне, было темно и загадочно в те дни даже для П. Н. Милюкова. Удивляться ли, что сам Григорий Распутин ничего не понимал, что его страшила неизвестность и пугала странная история его вызова в столицу. — Неужели старые грехи? — с опаской думает, вспоминая оставленную в Покровском жену и детей, мужик,

забившийся в угол купе, робко поглядывающий на рослую фигуру бравого проводника-жандарма.

Но когда на Московском вокзале Распутина встретил по-приятельски старый знакомый, протоиерей Восторгов, и, расписавшись в жандармском отделении, повез „сданного при бумаге“ Распутина на собственных, хорошо кормленных лошадях к себе на квартиру, в гости, Распутин понял, что плохо не будет, стал спокоен и самоуверен.

Все источники, описывающие Распутина в этот период, единогласно указывают на крайнюю молчаливость Григория в эти дни. Хитрый мужик помалкивал в тряпочку, присматривался и „давал выговориться“ окружающим. Редкие слова его были осторожны и увесисты, и протоиерей Восторгов был очень доволен своим гостем. Распутину заказали новую поддевку, купили высокие сапоги и вышитую рубаху и представили центральному комитету объединенных монархических организаций в Москве. Титулованные черносотенцы были в восторге от настоящего мужика, который односложными „конечно“, „это, как есть“, „и говорить нечего“, отвечал на обращения к нему монархистов. Только один черносотенный адвокат П. Ф. Булацель обмолвился пророческой правдой: „Вы ждете от него пользы, а получите большой вред. Советую вам ликвидировать эту затею“. Но слова П. Ф. Булацеля успеха не имели: его пристыдили сказали ему, что он оторван от народа, что он не понимает обаяния непосредственности и черноземной силы, свойственной русскому мужику, и стали возить Григория из одного салона в другой, в Москве и Петербурге.

Баронесса Пистолькорс, графиня Кантакузен, баронесса Медем, княгиня Нарышкина, графиня Игнатьева и пр. Не перечесть и не сосчитать всех этих очарованных новоявленным старцем, обаятельных дам.

Протоиерей Восторгов, посвящая Распутина в тайны закулисных отношений, пытался учить его правилам приличий. Но Григорий Распутин был достаточно умен, чтобы понимать, что соблюдение правил „нельзя сморкаться в салфетку и плевать на пол“ не сделает из него великосветского денди, а наоборот, только уменьшит его колоритность

и занимательность в глазах дам высшего света. Он понимал, что его сила — это сила „первого в деревне, а не второго в городе“. Он знал, что его грязные, корявые ногти гораздо привлекательнее, чем шаблонный маникюр любого чиновника особых поручений, и запах мужицкого пота должен казаться оригинальнее Ралле с Брокаром, или Коти с Убиганом.. И он демонстративно обращался на ты со всеми этими графинями и баронессами. „Ну, ты — шалая, хвостом-то не верти, сиди смирно, когда с тобой говорят. Возжа, чтоль, под хвост попала“? И, скрывая насмешливую улыбку в густой плохо расчесанной бороде, Григорий Распутин, вслед за батюшкой Восторговым, совал дамам для поцелуя и свою демонстративно-мужицкую грязную руку. Дамы целовали и умилялись.

Чтобы ни сказал новоявленный старец, что бы он ни сделал, во всем отыскивали сокровенный смысл и значение. Видя огромный и все растущий успех Распутина, с его именем начинают связывать свои честолюбивые планы не только протоиерей Восторгов, но и Феофан, и Антоний, и Гермоген, и Илиодор, и многие, многие еще.

Но Распутин уже почувствовал свою силу, он желает действовать самостоятельно и ни с кем не собирается связывать свою судьбу. Для его политики ему нужны развязанные руки.

Чтобы понять, „каким номером“ работал Распутин, какими приемами он пользовался для приобретения и упрочения своего влияния в насквозь гнилой высшей аристократии, достаточно упомянуть о том приемчике, который был применен им при посещении влиятельного салона графини Игнатьевой. „Не хочу смотреть, грех!“ — говорил он, когда графиня показывала ему находящуюся у них в галлерее, общеизвестную по копиям картину „Фрина“. Отворачиваясь от картины, Григорий осеняет ее крестным знамением, и задумчиво и таинственно что-то шепчут уста старца. В этот же вечер на картине, в самом центре, появился крестообразный разрез. Барон Пистолькорс, известный в салоне Игнатьевой авторитет, по всем вопросам мистики и оккультизма, сразу же объяснил, что картина лоп-

нула от креста, каким осенил ее святой старец. Это объяснение принимается всеми без критики, и все увеличивается жадная толпа очарованных дам вокруг Распутина. Очень скоро о. Восторгов будет всеми силами резвенчивать Распутина и уверять, что он сам подарил ему перочинный нож, которым хитрый Гришка разрезал картину. Но уже поздно.

Уже в длинном списке, рядом с именами графини Кантакузен, баронессы Медем и прочими, оказывается и фрейлина А. А. Вырубова-Танеева, ближайший друг императрицы Александры Федоровны. Григорий Распутин уже выдержал целый ряд экзаменов и блестяще доказал, что он умеет „преодолевать плоть". И вот уже Распутин посылает письмо приятелю, самозванному епископу, малограмотному огороднику Варнаве: „Милой! Дорогой! Приехать не могу, плачут мои дуры, не пущают"! Великосветские дамы уже его не привлекают, не он ищет знакомства с ними, а они истерически хлопочут о встрече, о прикосновении, о близости к нему. Настает период знакомства и близости с Александрой Федоровной и Николаем. Распутин лечит внушением наследника. Он свой человек во дворце и не иначе, как на ты, обращается к Николаю и Александре Федоровне и говорит с ними ласково, но строго и, похлопывая по плечу государя, диктует ему те или иные назначения, те или иные государственные мероприятия.

Общий тон, каким принято говорить о Распутине, это — презрительный и запальчивый тон обвинений: конокрад, хам, распутник, чуть что не погубитель России.

Надо сознаться, что при внимательном и беспристрастном отношении, огромное большинство обвинений, направленных против Распутина, отпадает. Состав преступления на-лицо, но обвинение предъявляется не по адресу. Распутин воровал, брал взятки? Но, Боже мой, разве может он даже мечтать сравняться в этой области с такими матерыми, испытанными специалистами, как все эти Штюрмеры, Горемыкины, Хвостовы и прочие его современники и коллеги? Григорий распутничает? Но неужели он должен быть plus rogyliste que roi même, и, если все эти графини,

баронессы и светлейшие княгини полагают, что наилучшее место для проявления святости—это именно бани, то почему собственно сибирский мужик должен упорствовать в роли Иосифа Прекрасного и быть культурнее и нравственнее, чем все эти утонченные представительницы высшего света?

Господа присяжные заседатели, господа судьи самого сурового революционного трибунала! За что вы посадили на скамью подсудимых этого темного человека? Он—жертва, а не преступник.

Преступники, это все те вокруг него, у кого есть университетские дипломы и огромные средства, и власть и влияние при дворе. Он, Григорий Распутин, представляет собою следствие, а не причину.

Дело, впрочем, вовсе не в личной защите Григория Ефимовича Распутина-Новых. Конечно же, его биография „со всячинкой", и добродетелей „на сумму свыше трехсот рублей" и у него не оберешься. Но дело не в его личности, Распутин—это эпоха, а не только психологический тип. Трудно решить, увеличил ли Распутин своим присутствием количество зла при дворе.

Но бесспорно, что деятельность Распутина приблизила революцию больше, чем сотни прокламаций.

Не забудем, что убили Григория Распутина именно монархисты—В. Пуришкевич с великим князем Дмитрием Павловичем и графом Феликсом Юсуповым-князем Сумароковым-Эльстоном. И вовсе не случайно именно отсюда, из этого лагеря — шла волна возмущения против „некоронованного короля России", против мужика у шатавшегося трона.

ГЛАВА IX.

Правдоискательство Николая.

Как ни странно, но очень большое количество источников, наряду с указанием на „автоматичность“ и „безжизненность“ Николая, этого „обреченного“ и „всегда скучного“ человека,—указывает еще и на какую-то особую привлекательность, будто-бы свойственную ему. „Я знаю светских дам и мужчин“, уверяет не один раз видевшая Т. Мельник-Боткина,—„говоривших, что от одного взгляда этих глубоких и ласковых глаз они еле удерживали слезы умиления и готовы были на коленях целовать у него руки и ноги“. „Какое счастье было для моего отца получить кусочек сахару, тронутый его величеством“,—взволнованно рассказывает она.

Такие нотки встречаются в устах не только патентованных монархистов. Прикомандированный в качестве коменданта к арестованному царю революционным правительством полковник Кобылинский, человек с большим революционным стажем, тоже влюбился, будто бы, в бывшего государя и навлек на себя много упреков снисходительным отношением к арестованному. „Я отдал ему самое дорогое, свою честь“,—взволнованно говорит Кобылинский о бывшем царе.

По свидетельству Н. П. Карабчевского, не остался нечувствителен к этим чарам Николая А. Ф. Керенский. „Встреча с Николаем и беседа с ним потрясла меня“, говорит, будто бы, Керенский после поездки в Царское Село:—„Я не знал, я не знал ранее этого человека“!

Такие же показания находим и у А. Ф. Романова, председателя чрезвычайной следственной комиссии, образован-

ной Временным Правительством, для обследования грехов старого режима: „Еврей, социалист-революционер, присяжный поверенный, которому было поручено Муравьевым обследование действий царя, после нескольких недель работы, с недоумением и тревогой в голосе сказал мне: „что мне делать, я начинаю любить царя“!

Как объяснить эти странные, воистину неожиданные черты? Было ли и вправду что-то обаятельное в этом несчастном, неумном человеке или перед нами—проявления поколениями воспитанного рабства, которые, конечно, не могут исчезнуть из души человеческой в один день с объявлением республики? Перед нами—атавизм тех чувств, которые заставляли некогда крепостных любовно, чуть не со слезами нежности говорить о своем посылавшем их на конюшню барине.

„Мне приходится мучительно, неустанно, настойчиво выдавливать раба из своей души, Сильны рабские навыки“;—находим мы признание даже в письмах такого человека, как А. П. Чехов.

Отдельные черточки быта, дошедшие до нас, рисуют повседневную жизнь царя и его семьи красками воистину неожиданными.

Об этих людях никто не писал просто и беспристрастно, никто не подходил к ним по-человечески, без предвзятого взгляда. Все источники резко разделятся на две противоположные группы. Или перед нами твердокаменные монархисты, восхищающиеся, все сплошь умудряющиеся до того пересластить свои показания, что они представляются незаслуживающими доверия и выдуманными (образ жизни царской семьи был так скромен, что „цесаревич Алексей донашивал старые ночные рубашки своих сестер“, — умиленно уверяет нас, напр., Т. Мельник-Боткина). Или перед нами столь же пылкие царененавистники, уверяющие, что царь и его семья только и делали, что пили народную кровь „стаканами и пребольшими! Нет, бочками сороковыми“.

Хочется отбросить всю эту шелуху, просто и непритязательно всмотреться в будничный быт и психику этих людей,

инерцией средних веков поставленных в положение всемогущих властителей нашей России.

Входили ли они в соприкосновение с живыми людьми, были ли моменты, когда они чувствовали себя не властителями, а обывателями?

Отдельные штрихи такого рода кажутся, на первый взгляд, мало показательными. Вот, во время пребывания в Крыму, ее величество с неизменной Вырубовой (осень 1909 года) отправляются инкогнито за покупками по магазинам Ялты.

Льет проливной дождь, но это не уменьшает удовольствия. Очень уж весело, как обыкновенным, настоящим людям ходить из магазина в магазин, рассматривать материи, расспрашивать о ценах, разговаривать с приказчиками. Но вот Александра Федоровна поставила в углу магазина свой намокший зонтик, и целая лужа натекла с него на пол. Приказчик недоволен. „Так, сударыня, делать нельзя. Некому тут за вами прибирать. Не видите разве? Вот вещь для зонтиков, специальная подставка поставлена".

Кончилось инкогнито. Гордо выпрямилась во весь рост императрица всероссийская. „Прикажете подать ваш экипаж?" — спрашивает почтительно поклонившись, фрейлина Вырубова. Проследовали к двери высокие гости, в ужасе мечется омертвелый приказчик. Попытка жить, как все, прекратилась на долгие годы.

В том же 1909 году делает подобную попытку и самодержец. Его величество пожелал надеть форму простого солдата. Злые языки уверяли, что этот маскарад был затеян „по пьяной лавочке", „пурселепетан", по выражению одного из лейкинских героев (Н. А. Лейкин со своими убогими юмористическими рассказами был, кстати сказать, любимым писателем Николая Романова. При русском дворе умели ценить литературу!). Впоследствии из этого переодевания царя в солдатскую форму сделали целое событие. Было объявлено, что в непрестанных заботах о благе верноподданных государю императору благоугодно было лично изучить тяготы снаряжения солдата русской армии. Из шалости сделали событие. О подвиге Николая читались особые сооб-

щения во всех воинских частях империи, и шестнадцатый стрелковый императора Александра III полк, чью форму надел при этой оказии Николай, был прославлен. Царь заполнил даже „книжку“ рядового этого полка и, взяв себе личный номер 1-й и записав себя в первую роту, первый взвод и первое отделение, в рубрике „на каких правах служит“, — начертал: „Никаких прав, служит до гробовой доски“.

Но событие сделали из этого уже впоследствии. По началу, это было желание, хоть на часок, вырваться из клетки, погулять, как гуляют обыкновенные живые люди.

Ничего веселого из этой попытки не вышло. „Одевай меня, а то я не знаю, что надевать сначала“,—заявил царь солдату, принесшему из цейхгауза солдатское снаряжение. Стрелок, у которого душа ушла в пятки, выполнил дрожащими руками выпавшее на его долю высокое поручение и остолбенел. В еще большее остолбенение и ужас пришли все окружающие и приближенные. Царь, оказывается, пожелал пойти на прогулку сам и строго запретил следовать за ним.

Сколько смятений вызвал в сферах этот небывалый номер! Царь вышел из дворца, прошел по ливадийскому парку, вышел в Ориадну, погулял, как настоящий человек, по горам и, веселый и взвинченный, выйдя на шоссе, обратился к дворцовому городовому с вопросом, как пройти в Ливадию.

„Куды прешь? По шее захотел? В участке давно не был?“

Хмурый городовой не узнал в сером солдате помазанника божия.

Помазанник вернулся с прогулки хмурый, и больше попыток такого рода не предпринимал.

Но во имя справедливости надо сказать, что потребность хотя бы отчасти выйти из-под опеки окружающих, как то сблизиться с живой жизнью, у Николая появлялась довольно настойчиво Мы видели в предыдущих главах, как подавляюще убог был состав сановников и министров, окружавших трон. Эти малограмотные люди, твердо уверенные

в том, что их власть над Россией совершенно законна, что это—навсегда, конечно, не могли ничего сообщить царю о живой жизни. Для него издавали, правда, особую царскую газету на великолепной бумаге, но эта газета, составлявшаяся цензурными комитетами и охранным отделением по печатным материалам из „Нового Времени“, „Московских Ведомостей“ и „Русского Знамени“ и по агентурным донесениям, только и делала, что уверяла царя в опасностях, какими грозит потачка крамольным элементам, в безграничной любви к царю всего населения и в беспредельной мудрости царских мыслей и действий. Недаром же так громко кричат „ура“ толпы народные во всех местах, куда только ни покажется Николай!

Кроме министров, в непосредственном распоряжении Николая были еще и губернаторы. Всеподданнейшие отчеты их должны были давать царю широкую картину поместной жизни.

Но губернаторами назначались только лица, особо благонамеренные, каждый из которых считал себя чем-то вроде царя в полученной им вотчине. Чаще всего в губернаторы при Николае II назначали строевых офицеров, доводивших до предела типичное для губернатора бурбонское отношение к „подданным“.

Состав губернаторов был еще ниже, чем состав кабинета.

В „Записках“ князя Урусова нарисована чрезвычайно поучительная картина съезда губернаторов, собранного в Петербурге по инициативе Плеве, для обсуждения коренных вопросов управления. Съехалось сорок губернаторов, но ни один из них так ничего и не сказал. Все мялись, трусили, переглядывались, говорили „точно так“ и угодливо улыбались на просьбы высказаться по существу, трусливо отмалчивались и мычали что-то невразумительное. Даже старый бюрократ Стишинский, хорошо знавший, из какого теста готовятся администраторы российские, даже он пришел в ужас и, не скрывая, возгласил, уходя из зала:

— Этакое убожество C'est a en pleurer!

Любопытно проследить попытки, какие делает Николай, чтобы найти хоть какую-нибудь лазейку в глухой стене

бюрократии, замкнувшей его жизнь. Кроме спиритов, странников, юродивых, каких, как мы видели, было так много при дворе, он в разные годы своего царствования изыскивает еще и иных „представителей народа“. Так в свое время получил, напр., длительную аудиенцию сотрудник „Нового Времени“, Лев Львович Толстой (наиболее бездарный сын Льва Николаевича). Лев Львович начал мужественно, с указания на желательность конституции, но эта часть беседы была прервана Николаем указанием на присягу поддерживать самодержавие, данную им во время коронации в Успенском соборе, и на зарок, положенный Александром III. Лев Львовичь сконфузился, сдал, и остальную часть двухчасовой беседы посвятил призывам царя к опрощению и убеждениям его не курить, не пить вина, не убивать животных и перейти в вегетарианство.

У очень больших людей бывают, как известно, очень маленькие дети!

Добился в свое время права непосредственных обращений к царю и небезызвестный С. Шарапов. Даровитый человек, умница, он был достаточно неугомонен для того, чтобы попытаться сыграть в оригинальность и начать говорить царю кое-какую правду, столь резко отличающуюся от обычной условной лжи, какой заливали трон все окружающие. С. Ю. Витте всполошился и сразу же устроил, чтобы Шарапову была выдана субсидия в 10000 рублей на какие-то плужки. Шарапов оказался „обезвреженным“ и записался в черносотенные публицисты, где оказался рядом со старым ренегатом из революционеров Л. Тихомировым. Такая же история, как с Шараповым, произошла и с Н. А. Демчинским, с той лишь разницей, что субсидию выдали уже не на плужки, а на метеорологические изыскания.

Быть-может, наиболее яркий пример такого секретного „единения“ царя с представителем народа представляет собой история с титулярным советником Клоповым. Этот Клопов обнаружил какие-то злоупотребления в мукомольном деле и поставил целью своей жизни во что-бы то ни стало добраться до царя и „раскрыть ему глаза“ на то, что творится в России.

Нашлись какие-то связи, оказалось случайно, что обиженные и заинтересованные в деле люди нашли протекцию у великих князей, и вот титулярный советник Клопов получает не только частную, но и конспиративную, весьма таинственно обставленную аудиенцию.

Царь был взволнован, весьма внимательно выслушал мукомольные разоблачения Клопова, долго и беспомощно рассматривал составленные им статистические таблицы о мукомольном деле в неурожайных губерниях. „Я хочу знать всю правду, расскажите мне все, ничего не боясь и ничего не скрывая“,—просил он Клопова. Но титулярный советник и сам-то ничего, кроме нескольких случаев казнокрадства в мукомольном деле, не знал.

Царь все же захотел разобраться и неожиданно дал Клопову неограниченные полномочия по расследованию положения дел в России. Для начала были избраны голодающие губернии. Клопову, по высочайшему повелению, был выдан особый „открытый лист“, и вот титулярный советник, в качестве ока царева, поехал с целью в срочном порядке отыскать правду на Руси.

Впечатление от путешествия неведомого дотоле Клопова было по всей России колоссальное. Клопова стали осаждать земские деятели, ходоки от крестьян, уволенные чиновники, какие-то прожектеры и проходимцы, до изобретателей мазей и помад включительно, и обиженные хлопочущие о пенсии корявые старушки. Сенсация была огромная. — Шутка ли, царский посланник проявился. По секрету, — вы подумайте!— с именным повелением едет.

Наверху, на бюрократическом Олимпе, еще ничего не знали, но на местах урядники, становые и исправники сразу же забили тревогу. Исправники сразу телеграфировали губернаторам, что в уезде появился господин, требующий предъявить „настоящую, а не губернаторскую правду“. Верхи всполошились. Клопову сразу же обеспечили повышение по службе, выдали ему, на всякий случай, основательную сумму, и после этого он и без того чувствовавший, что попал в глупое положение, ибо сказать-то царю было нечего, и царю становится скучно, а на него, Клопова, смотрят, как

на какого-то спасителя России, и засыпают его десятками тысяч жалоб, прошений и ходатайств, обрадовался выходу из положения и пошел на мир с „бюрократией, скрывающей правду от самодержца“.

В тайных донесениях, какие титулярный советник Клопов был обязан представлять непосредственно царю, зазвучали новые ноты. Все, оказывается, обстоит на Руси вполне благополучно, и „В. К. Плеве одушевлен самыми лучшими намерениями“, а если есть кое-где непорядки, то это только маленькие недостатки механизма. Клопов оказался окончательно обезврежен и выдохся.

Как ни убог был период правдоискательства у Николая, но и эти-то черты проявлялись только в первые годы царствования. Потом это бесследно прошло и заменилось резко определенной ориентацией на штык и нагайку, на охранку и военно-полевую юстицию, на союз русского народа и погромы.

Уже в первые годы царствования намечается именно этот путь. Амнистия, объявленная по случаю коронации Николая, была ограничена очень узкими рамками. Она коснулась только чиновников, повинных в превышении власти.

Так же резко проявились намерения молодого монарха и в его встрече с земцами, приехавшими в Петербург вскоре после восшествия его на престол, чтобы поздравить Николая. Царь не удовлетворился резкой фразой о „бессмысленных мечтаниях“. Особенно серьезно решено было проучить представителей либерального тверского земства, унаследовавшего традиции эпохи освобождения и считавшегося одним из наиболее опасных. „Крайне недоволен выходкой 36 гласных“ — начертал Николай на адресе тверского земства. Все тверские гласные, состоявшие на государственной службе, были уволены в отставку. Всем членам земской управы было отказано в утверждении в должностях. Автор тверского адреса Ф. И. Родичев был в административном порядке лишен права земской деятельности и сослан.

Каково же было содержание этого, считавшегося в те дни наиболее революционным, тверского адреса? „Мы питаем

надежду, государь", — осмелились написать тверичи, — „что с высоты престола будет услышан голос нужды народной. Мы ждем, государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы власть вашего величества нашла новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных начертаний вашего императорского величества".

Таков предел крамольных мечтаний, существовавших в земских кругах в те дни. Самые крайние земцы не мечтали ни о чем, кроме права выражать свои „мнения", да и то „по вопросам их касающимся", т.-е. по вопросам местного, а не общегосударственного характера. Более того, крамольный адрес Ф. И. Родичева заканчивался, как оказывается, следующими словами: „Господа. В настоящую минуту наши надежды, наша вера в будущее, наши стремления, — все обращены к Николаю II. Императору Николаю II наше ура".

Но и этот тон не спас дерзких крамольников от расправы. Тверское земство разгромили, земцев уволили, Ф. И. Родичева лишили прав и сослали, даже предводителям дворянства был объявлен высочайший выговор, но и этого казалось мало, и тверское земство еще долгие годы считалось в опале и оставалось под угрозой.

Если таковы были шаги Николая в период наибольшего расцвета его правдоискательства, — то несравненно резче и определеннее проявляет себя его сознательно жандармская политика впоследствии. Поиски правды вскоре были оставлены за ненадобностью, и о них упоминается только с провокационными целями. В 1903 году, напр., перед началом „совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности" С. Ю. Витте от имени царя заявил:

„Государь хочет знать всю правду. Как назначенный высочайшей волей, я ручаюсь, что никто, ни за какое заявление, как бы оно ни было резко по существу, — не понесет никакой ответственности".

Это горделивое заявление заставило собравшихся на совещание земских деятелей заговорить более или менее откровенно, и сразу же, как из рога изобилия, посыпались

на них высочайшие кары, увольнения, высочайшие выговоры, высылки и т. п. Когда кары такого рода постигли князя Долгорукова и суджанского предводителя дворянства Евреинова, — князь Мещерский на страницах своего, щедро субсидируемого „Гражданина“ откровенно заявил: „Совещания 1903 года вполне оправдали цель ту, с какой они были предприняты: все откровенно высказались и, благодаря этому, удалось установить степень благонамеренности каждого из земских деятелей“.

Такого рода охранно-сыскные устремления делаются все заметнее. „Надеюсь, что союз, установившийся между мною и корпусом жандармов, будет крепнуть с каждым годом“, — заявлял, как мы видели, царь 6 декабря 1901 года, принимая в Зимнем дворце представителя корпуса жандармов. Эти надежды не обманули его: связь получилась крепкая. Когда в 1902 году в Полтавской и Харьковской губерниях началась полоса крестьянских беспорядков, — на место была сразу же отправлена карательная экспедиция с неограниченными полномочиями, с харьковским губернатором, князем Оболенским, во главе. После расстрелов, когда бунт кончился и крестьяне были приведены к смирению, начались систематические порки. Пороли не только мужчин, но и женщин. В трех деревнях Полтавской губернии перепороли все население поголовно: и стариков со старухами, и детей, и девушек. Секли беспощадно, так что изо рта и носа жертв лила кровь. Давали по сто и по двести ударов. У многих от порки отваливались куски мяса. Некоторых засекали до смерти.

Князь Оболенский пошел и дальше. Кроме расстрелов и розог, кроме массовых арестов и предания суду, — на деревню были в административном порядке наложены еще и штрафы: 800000 рублей были взысканы в пользу помещиков. Кроме того, в бунтовавшие деревни в наказание были размещены казацкие и солдатские посты. Жаловаться на грабежи и изнасилования не полагалось. — Сами виноваты, зачем бунтовали.

В качестве блестящего руководителя экзекуции, князь Оболенский был демонстративно пожалован целым рядом

высочайших милостей. Николай II поручил фон-Плеве передать князю Оболенскому не только высокий орден, но еще и царский поцелуй.

Вкусы Николая проявляются все ярче и определеннее. Полоса организованных погромов, начатых в Кишиневе и продолжавшихся в Гомеле, в Белостоке и целом ряде других мест, выяснила положение с изумительной четкостью. Царь и не пытается скрывать своего сочувствия погромам. Все устроители, — Комиссаров, граф. Подгоричани, сенатор Нейгард ротмистр Будаговский и др., по высочайшему повелению не только освобождаются от суда, но и получают демонстративные повышения по службе. Рядовые погромщики, не успевшие уклониться от суда и приговоренные на разные сроки в тюрьму, систематически получают высочайшие помилования. Духовные руководители, заправилы союза русского народа получают приветственные телеграммы от царя и щедрые субсидии. Члены еврейской самообороны, осмелившиеся делать попытки защищаться от громил, отправляются на каторгу.

В этот период издающаяся для царя газета расширяется. Судя по тому номеру, какой попал в руки к В. Л. Бурцеву и был тогда же им распубликован в зарубежных изданиях, в программу царской газеты включены отныне не только обзоры „патриотических“ газет и доносы деятелей охраны, но еще и копии с перехваченных на почте частных писем. „Прочел с удовольствием“. „Искренно всех благодарю“, значатся тут пометки Николая, внимательно читавшего это издание. Царская газета разбухает. В год выходит от десяти до пятнадцати тетрадей, от пятисот до шестисот страниц каждая. Николай II старательно заботится о своем самообразовании.

Чем больше вчитываешься в материалы и документы, рисующие, как живет и работает Николай Александрович Романов, — тем яснее видишь, что легенда о том, что он будто-бы ничего не знал, что от него скрывали положение вещей и обманно действовали его именем, не имеет под собой никакой почвы. Он знал, он все знал и заботливо старался о том, чтобы все шло по-старому, по-налаженному

и сознательно ничего не хотел менять. Примеров и доказательств не оберешься.

Князь Вяземский в личной аудиенции возмущенно рассказывает царю об избиении студентов на Казанской площади, произведенном ген. Клейгельсом, свидетелем которого он, князь Вяземский, был. Результаты рассказа вполне определенные: Вяземский оказывается в опале, Клейгельс получает повышение.

Князь Волконский рассказывает Николаю об ужасах, творящихся под тюремными сводами „Крестов". Царь „отворачивается" и резко прерывает аудиенцию.

Князь Львов указывает царю на целый ряд беззаконий, совершаемых министром фон-Плеве. Князя Львова отстраняют, фон-Плеве выдают новый орден.

Министр Ванновский перед уходом в отставку, взволнованный и расстроенный, пытается передать Николаю свое „политическое завещание", нервно убеждает его в необходимости „доверия к общественности", в неизбежности политики „сердечного попечения". Николай II хмуро смотрит на часы. „У меня нет времени, — говорит он, — дядя Дмитрий Константинович обещал мне показать сегодня двух жеребцов. Я тороплюсь". Старик Ванновский разрыдался, как ребенок, выйдя из царского кабинета после этого разговора.

Примеров такого рода хватило бы на целую книгу. Когда герой бойни на Казанской площади, генерал Клейгельс, слишком уж крупно проворовался, и это вызвало скандал, — Николай решает в утешение назначить верного Клейгельса своим генерал-адъютантом. Против этой демонстрации восстал даже совет министров. Но когда Николаю указали на то, что такой жест его вызовет всеобщее негодование, он отвечает: „Мне совершенно все равно, кто что говорит, я знаю, что делаю".

Бедный молодой человек окончательно и непоправимо запутался в „заветах незабвенного родителя", в уверениях в том, что он, — „помазанник божий", не может ошибаться, ибо его мысли и слова подсказаны ему самим богом.

Если народ ропщет, то виноваты в этом одни только революционеры. Нужно усилить меры строгости, а значит усилить и меры охраны.

До чего были доведены меры охраны в те дни: в оффициальных печатных объвлениях по поводу приезда их императорских величеств в Москву — читаем следующие, воистину очаровательные правила:

„Домовладельцам и управляющим домами вменяется в обязанность:

а) ворота домов держать запертыми на замок с утра до приезда их величеств;

б) ключ от ворот передавать старшему дворнику, занимающему место у ворот со стороны улицы;

в) в ворота пропускать исключительно живущих в домах, получивших право входа в квартиру, согласно особого списка, каковой надлежит представить заранее в двух экземплярах, оплаченных гербовым сбором;

г) запереть на ключ в нижних этажах двери; выходящие на улицу окна иметь в нижних этажах закрытыми. В верхних этажах открытие окон разрешается только под личной ответственностью владельца помещения;

д) преградить доступ на чердаки и крыши, для достижения каковой цели вход на чердак, по предварительном осмотре членом особой комиссии, должен быть заперт и опечатан“.

Еще более эффектные меры находим в приказах генерал-лейтенанта Унтерберга о мерах, предпринимаемых по поводу высочайшего следования в Саровскую пустынь:

1) Все строения жилые и холодные, как на самом пути, так на расстоянии десяти саженей в обе стороны от дороги— за двое суток до приезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского офицера, местного сельского старосты и двух понятых. Те строения, в которых нет особой надобности, опечатываются комиссией.

2) За сутки до приезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника.

3) Все выходящие на улицу окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

4) При расстановке жителей на местах во время проезда, все котомки, как посторонних лиц, так и охранников, относятся на несколько десятков саженей в тыл охраны и там складываются, а разбираются лишь после высочайшего проезда.

5) Расходиться жители могут лишь с разрешения старшего полицейского офицера, когда последний экипаж скроется из виду. С раннего утра высочайшего проезда в попутных селениях все собаки должны быть на привязи и весь скот загнан".

Так вот и жили. И когда выяснилось, напр., что царь ожидается в Москве, студенты заранее толпами приходили к профессорам с просьбой поторопить сдачу зачетов. — На-днях высылать и в тюрьмы сажать начнут. Царь едет.

Меры эти, конечно, не помогали. И когда, напр., в переполненном исключительно отборной знатью киевском театре Д. Богров вынул револьвер, он, как известно, долго обдумывал, кого же собственно: П. А. Столыпина, или уж, — семь бед — один ответ, — уложить самого Николая?

Убит был, как известно, П. А. Столыпин. Николая судьба в этот раз спасла. Но как характерно, что, когда, истекавшего кровью премьер-министра подняли, кто-то в толпе тут же украл из кармана умирающего П. А. Столыпина золотые часы.

Публика в театре была отборная и исключительная, сановная. Биография каждого из попавших в театр была до выдачи билета изучена досконально. И все же в театр попал не только Д. Богров. Золотые часы П. А. Столыпина исчезли.

История с часами имела длинное продолжение. На ноги была поставлена полиция—и общая, и сыскная, и охранная. Вдова П. А. Столыпина публиковала обещания крупного вознаграждения, но часов не нашли.

Кто украл золотые часы? Кто похитил золотые часы русской жизни?

Киевская история не единична. Когда в свое время Николай II должен бы приехать на выставку в Нижний-Новгород, подготовка и чистка населения началась за

четыре месяца до срока. Все, желающие „иметь пребывание“ в Нижнем-Новгороде в дни царского приезда“, должны были подавать об этом заявления и получать особые снабженные фотографической карточкой просителя удостоверения. Охранное отделение мобилизовало все силы. Изучали не только биографию подавшего заявление, но и всю жизнь его родственников, его дедушки и бабушки, „и вола его, и осла его“. Мало-мальски сомнительные люди беспощадно упрятывались в тюрьмы и высылались.

Но характерно, воистину „гениально“ была проделана первая часть задачи, проверка населения. Дальше — все было проделано „по-российски“. Личные удостоверения, отпечатанные в виде изящных книжек с карточками, были навалены грудой на полу в участках. Разбираться и раздавать их обывателям — было некому. „Сами поищите“ — говорили околодочные посетителям. И все гурьбой выбирали карточки для себя и своих знакомых, брали на всякий случай лишний десяток, на память, пригодится.

Не охранка, а судьба берегла унылого Николая целые десятилетия до дней революции.

ГЛАВА X.

Дворцовый быт.

Как жили во дворце? Как совмещалась там обывательская, повседневная жизнь с нормами царского быта?

Балы при дворце, напр., описываются почти во всех источниках одинаково: на ряду с совершенно исключительной пышностью, необычайным богатством и блеском, отличавшими русский двор, источники—и русские и иностранные—с одинаковым изумлением указывают на своеобразную грубость нравов в придворной среде.

По старой традиции, гости здесь не только конкурировали друг с другом в деле храброй осады царского буфета, не только проявляли совершенно невероятный аппетит и жадность, но еще и дружно старались унести с собой домой, как можно больше образчиков царского угощения. Был такой момент в течение вечера,—опытные царские лакеи заблаговременно готовились к нему,—когда сразу же после того, как царь успевал проследовать во внутренние апартаменты, вся толпа гостей дружно кидалась на штурм буфета и нарядных столов. Унести с собой, как можно больше конфет, печений, фруктов с царского стола—это считалось особенным шиком, это как бы доказывало высоту верноподданнических чувств.

Залы дворца после таких штурмов становились неузнаваемы: на месте изящной сервировки украшенных цветами столов оставались лужи и обломки, как после Мамаева нашествия. После парадного выхода их величеств устраи-

валось что-то вроде перерыва. После штурма производился основательный ремонт, и только тогда начинались танцы. Но, вот в описание бала такого рода врывается неожиданная и трогательная человеческая черточка:

Бал в разгаре, но императрица Александра Федоровна скрылась.

„Она“, — рассказывает нам преподаватель наследника, долго живший при дворе П. Жильяр, — „бежит по корридору к опасно больному маленькому сыну. Лицо ее измучено, искривлено судорогой отчаяния. Проходят несколько минут... Лакеи в ливреях обносят блюда с прохладительными напитками и угощениями, гремит музыка, несутся по Колонному залу танцующие пары.

„Когда императрица вернулась, снова надела свою маску и стала улыбаться окружающим“, — сообщает П. Жильяр: — „я заметил, что государь, продолжая разговаривать, занял такое место, откуда мог наблюдать за дверью, и я схватил налету отчаянный взгляд, который императрица бросила ему на пороге“.

Простые и настоящие человеческие чувства не могут не пробиваться наружу сквозь уродливую кору жизни венценосца! Маленький наследник с самых ранних лет был болен тяжелой наследственной гемофилией, редкой и неизлечимой болезнью, проявлявшейся в постоянных переломах костей и кровотечениях. Для Александры Федоровны эта болезнь не была новой. Ее дядя, ее брат и два ее племянника умерли от гемофилии. С детства ей говорили об этой болезни, как о чем то ужасающем и таинственном. Воистину за грехи отцов оказался ответственен без вины виноватый маленький Алексей, в чьих жилах, отягощенных тяжелой наследственностью, кровь Романовых-Голштинских оказалась поражена еще и лишним, из Германии от Гогенцолернов привезенным, проклятием.

Гемофилия, по существу неизлечимая, в течение всех лет жизни Алексея заполняла все дни Николая и Александры. Едва только мальчик успевал оправиться и спастись от смертельной опасности, как припадки возобновлялись. Неудачного прикосновения достаточно было, чтобы

вновь вызвать кровотечение, легчайший ушиб во время игр вел к перелому кости.

У постели больного перебывали все выдающиеся доктора, хирурги и профессора, но все оказались бессильны. Единственный человек, в чью помощь верила Александра Федоровна, был Григорий Распутин. Его прикосновения, его заговаривания только и могли, будто-бы, облегчать больного. В этом заключалась одна из главных причин исключительного влияния Гришки, — влияния тем большего, что веру в целебную силу Распутина полностью разделял и Николай II. Во время одной из операций, хирург под простыней наследника в тщательно продезинфецированной операционной обнаружил вдруг грязный жилет.

— Это еще что?

— Ничего, ничего, — успокоил Николай: от этого вреда не будет, это на пользу. Это его (Распутина) жилетка.

Но и Распутин был бессилен. За несколько часов до того, как Николай написал отречение от престола, он призвал к себе в вагон профессора Федорова.

— Сергей Петрович, ответьте мне откровенно, болезнь Алексея излечима?

— Бывают случаи, когда больные долго живут. Но, государь, наука говорит нам, что болезнь эта неизлечима.

К этому сообщению П. Жильяра — Морис Палеолог в своих мемуарах добавляет, что профессор Федоров категорически заявил, что дальше 16-летнего возраста наследник не проживет.

Когда всматриваешься в быт семьи Николая, многое кажется обычным. Маленькому Алексею купили дрессированного ослика из цирка Чинизелли, и мальчик заставляет его жевать резиновый мяч. Вот он с сестрами устраивает снеговые горы, и после того, как его с трудом зазвали в комнату, торопит с началом репетиции детского спектакля. Он вчера видел пьесу „Вова приспособился“ и ему „очень понравилось“.

Вот девочки, сестры наследника, совместными силами пишут письма подругам. „Отма“ — подписаны эти коллек-

тивные письма. Отма—это сокращение начальных букв имен—Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия.

Из деталей жизни маленького наследника заслуживают упоминания лишь немногие. Уже двухлетним младенцем он, в качестве шефа 4-ой батареи лейб-гвардии конной артиллерии, принимает депутацию от „своих артиллеристов", приносящую ему не только заказанный по его росту мундир и шашку, но и особый рапорт.

Двухлетний шеф, немедленно смял рапорт и потащил его в рот.

— Мы на этом рисовать будем, мы это любим, — сказал в утешение офицерам, отбирая у мальчика рапорт и распрямляя его, присутствовавший при приеме, Николай.

Вот, в Ливадии, он семилетним мальчуганом встречает старого подпрапорщика 51-го Литовского полка.

— Здорово, молодчина,—заявляет мальчуган.

— Здравия желаю, ваше императорское высочество — громовым басом отвечает подпрапорщик.

— Молодец, хорошо отвечаешь. Жалую тебе 100 рублей.

— Ты как смел распоряжаться? — обиделся, оказывается, самолюбивый отец. Сто рублей подпрапорщику пришлось выдать, но Алексей был оставлен без сладкого.

Через год после этого царевич принимает депутацию от дворянского съезда в Петрогроде.

— Вы на коньках умеете кататься? — спрашивает он седого старика, председателя депутации.

— Нет, ваше императорское высочество.

— Отчего?

— Я уж стар, ваше высочество, года не позволяют.

— Да, вы очень старые все. Ну, господа, я уйду. Вы, ведь, все люди свободные, а я занят очень. У меня ружье испортилось, починить нужно.

Причудливо сплетаются черты из жизни ребенка, как все дети, простого и очаровательного,—с уродливыми, бестолковыми и гнилыми чертами специфически царского быта. Маленькому наследнику было сказано, что в присутствии оффициальных лиц, на приемах, он должен называть отца

не папой, а говорить ваше величество. Удивляться-ли, что, вбегая в слезах в залу к отцу и застав там посторонних лиц, он, громко плача, заявляет:

— Ваше императорское величество. Их высочества великие княжны меня побили.

С течением времени специфические условия жизни все более осиливают нормальные черты детского характера. В 1914 году, когда мальчику было уже 10 лет, он во время путешествия всей царской семьи из Румынии соскакивает на одной из станций и, увидав лежавший на платформе брандсбойт, из которого била струя воды, — немедленно направляет его на фрейлину императрицы, баронессу Буксгевден.

— Ваше высочество! Что вы делаете, ваше высочество... — визжит, облитая с ног до головы, стараясь улыбаться, баронесса.

Еще более странные шалости проявляет наследник позже, во время пребывания с отцом в Ставке. Здесь, напр., на дверях царского кабинета он вывесил объявление: „Кошелек или жизнь“ (Bource ou la vie), чем привел в ужас проходивших по корридору членов иностранных миссий.

Николай II был, надо ему отдать справедливость, очень хороший семьянин. Но до чего все же уродлив был его семейный быт, это видишь тем отчетливее, чем внимательнее изучаешь личность императрицы Александры Федоровны.

Во время всероссийской переписи 1897 года его величеству благоугодно было лично принять в ней участие. Николай получил анкетный листок и собственноручно заполнил его. В листке этом, свято сохраненном и по сей день в центральном статистическом комитете в Петербурге, Николай на вопрос о звании ответил: „Первый дворянин“, в графе „род занятий“ написал: Хозяин земли Русской“.

Рядом с этими горделивыми эпитетами, Николай имел все основания указать и еще один: муж своей жены. Воистину подавляющее влияние имела эта женщина на Николая II в течение всех 22 лет их совместной жизни. Роль Николая, в особенности в последние годы царствования,

была минимальна: Распутин правил Александрой Федоровной, а Александра Федоровна правила царем и Россией.

Недавно вышедшие в свет „Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II“ дают нам возможность проследить самую сущность их отношений, вглядеться и вдуматься в то, как шла частная жизнь самодержца всероссийского.

Первое, что поражает внимательного читателя „Писем“,— это бесспорная, ярко выраженная в каждом письме этой женщины на троне, любовь к мужу.

„Спи хорошо, мое солнышко! Ники, драгоценный мой! Моя постель так пуста без тебя“. „Вот уже двадцать лет, как я принадлежу тебе, и какое это всегда блаженство!“. „Любовь все растет. Спи хорошо, муженек. Твоя женка всегда возле тебя, с тобой и в тебе“. „Благословляю и люблю тебя, нежно целую твою милую шейку и дорогие любимые ручки. Нежно целую каждое дорогое местечко“...

Эта пылкая любовь, ярко сказывающаяся в каждом письме, представляет собой первую психологическую загадку в том длинном списке вопросов, какие ставят перед исследователем ныне опубликованные письма.

Мы знаем, что брак Николая и принцессы Алисы — типично дипломатический брак, заключенный Вильгельмом и Александром III, помимо каких бы то ни было соображений о сердечном влечении. Более того: мы знаем, что Александра Федоровна не только в те дни, когда она была принцессой Алисой Гессенской, но и целый ряд лет после свадьбы—ненавидела и презирала насильно навязанного ей мужа. В „мемуарах баронессы Дзанковой“, близкой приближенной Алисы, приезжавшей вместе с ней из Дармштадта, находим целый ряд ярких указаний такого рода: „Русские все один на другого похожи“, — уверяет принцесса Алиса: „у них нет ни нравственности, ни чести в их занесенной снегом стране“.

Но, как ни „похожи все русские друг-на-друга“, но нареченный жених — в глазах Алисы резко отличается от всех остальных чувствами глубокого отвращения, какие он вызвал в ней своей фигурой, своей походкой и наружностью.

„Я ненавижу его, я ненавижу его!“ — заливаясь слезами, повторяет она баронессе Дзанковой, когда встречает случайно попавшееся на глаза в Дармштадтской газете оффициальное сообщение о состоявшейся помолвке ее с наследником русского престола.

„Я, знавшая тайну сердца будущей императрицы и видевшая, какое чувство отвращения она питала к своему мужу“, — говорит в своих мемуарах баронесса Дзанкова: — „я не могла прогнать от себя мысли о жизни, какую придется ей вести в далекой чужой стране, о том, сколько горя и слез придется ей там пролить, перенести“.

На таких началах был построен этот династический, дипломатический брак, по ведомству иностранных дел.

Но, вот перед нами подлинные письма Александры Федоровны от 1915 и 1916 года: „Благословляю тебя, люблю тебя, тоскую по тебе... Без конца целую твою подушку“. „Сколько счастья и любви дал ты мне. Жажду тебя ужасно, жажду чувствовать твои объятия, тоскую по твоим ласкам, мне их всегда недостаточно“. „Осыпаю поцелуями каждую частицу твоего тела“.

Как случилось, что подлинная любовь, чудесная человеческая нежность, все увеличивающаяся на двадцать второй год после свадьбы, заменила собой прежнюю ненависть и отвращение?

„Стерпится—слюбится“. Это обычное объяснение, очевидно, недостаточно. В области религии, напр.,—нет места этому „стерпится—слюбится“. А между тем, и здесь перед нами столь же резкий поворот. Как горячо, как пылко, ненавидела православие принцесса Алиса Гессенская, как категорически отказывалась она от перехода в лоно православной церкви. До чего резко переродилась она и в этом отношении. Читаешь „письма“ и с изумлением видишь, какая пылкая поборница православия образовалась из этой женщины. Все Гермогены и Серафимы кажутся какими-то безбожниками, озорными атеистами по сравнению с ней, подлинной хранительницей православных устоев.

Перед нами характерные симптомы истерии. „Да“ и „нет“ сменяют друг-друга, но и да и нет — одинаково болезненны. Как институтка, обожает она своего супруга.

„Я поцеловала это место“. „Здесь большой поцелуй“, — находим мы, помещенные рядом с особым кружком, указания в тексте писем.

Но какими неожиданными и какими режущими представляются все же проявления этой нежности—рядом с „государственной мудростью“, какую неуклонно внушает бывшая императрица своему супругу. „Птичка моя,—необходимо разогнать думу“. „Мое солнышко, выгони ты этих министров“. Не птичкино, казалось бы, это дело, и не солнышку заниматься разгонами!

Область сердца — дело одно. Сфера разума — дело иное. Только поверхностный, очень уж неглубокий взгляд может смешать воедино глубокое чувство и убогую политику, обычную при дворе, тупость царицы и душевные переживания женщины.

Это—разные сферы, разные области! И какая бы злобная улыбка ни появлялась при чтении строк о том, что „после победы“ Николаю, милому Ники, необходимо „лично посетить побежденные страны“ Австрию и Германию (стр. 93), строк о том, что „когда Константинополь будет взят“, необходимо, чтобы „первым туда вошел полк имени Александры Федоровны“ (стр. 306), какая бы волна возмущения ни наростала в душе от указаний в письмах на то, что Горемыкин—„мудрец“, что Гос. Думу надо „прихлопнуть“, М. В. Родзянко необходимо „сменить“, а А. И. Гучкова и вовсе „повесить“, — наше отношение к императрице не могло бы, не должно бы изменить нашего отношения к женщине.

Воистину мрачные страницы раскрывают письма бывшей императрицы. De mortuis aut bene aut nihil. Если держаться этого правила не только в том, что касается частных людей, но и в том, что относится к людям, чьи фигуры появляются на страницах истории,— невозможной станет тогда какая бы то ни была наука истории, без пользы, в пустую, пропадут ее мрачные, кровавые, так дорого стоящие уроки.

Перед нами не переписка частного человека, а письма императрицы к императору: нельзя пройти мимо этих документов, без серьезного и пристального внимания.

Что мне больше всего нравится в ее стиле—это определенность. Полуслов, недомолвок она не признает. Мир состоит, главным образом, из дураков:

„Сазонов—дурак“ (стр. 163). „Воейков—трус и дурка“ (стр. 16). „Посол Демидов—совершенный дурак“ (стр. 286). „Самарин — настоящий дурак“ (стр. 223). „Все министры сплошь дураки“... (стр. 163).

Даже Шопенгауэр не смотрел на мир так мрачно, как бывшая императрица Александра. „В думе все дураки“ (стр. 175). „В ставке сплошь идиоты“ (стр. 170). „В синоде одни только животные“ (стр. 226). „Министры—мерзавцы“ (стр. 178). „Дипломатов наших надо повесить“ (стр. 286). И т. д., и т. д., и т. д.

Женщина, судя по ее стилю, не только с „характером“, но, очевидно, еще и с очень плохим, тяжелым характером. Если бы все эти письма попали к мировому судье в доброе старое время, сколько трехрублевых штрафов пришлось бы уплатить за всех этих обильно расбросанных „дураков“ и „мерзавцев“.

Если не ограничившись „предпоследними словами“,— всмотреться внимательнее в отношения бывшей царицы к окружающим, — результаты получатся еще хуже. Даже Дон-Жуан не умел вызвать столь пламенной любви к себе, сколь пламенную ненависть умудрился вызвать наш А. И. Гучков у этой женщины на троне:

„Надо бы отделаться от Гучкова—только как? вот в чем вопрос“, — пишет Александра Федоровна мужу 30 августа, 1915 г.: „Теперь военное время, нельзя ли было бы придраться к чему-нибудь, чтобы его „запереть“ (стр. 183).

„Ах, неужели нельзя было повесить Гучкова“? — читаем снова в письме от 2 сентября 1915 г. (стр. 190)—„как бы хорошо, если бы случилось крушение с поездом Гучкова“,— мечтает она (стр. 221).

„Правда ли, что намереваются послать Гучкова к тебе с депутацией“?—спрашивает она, снова возвращаясь к теме, 11 сентября 1915 г.: — „Серьезное железнодорожное несчастье, в котором бы он один пострадал, было бы хорошим божьим наказанием и хорошо заслуженным“ (стр. 221).

„Как отвратительно“,—жалуется она 17 сентября,—„что Гучков, Рябушинский, Вайнштейн (настоящий жид, наверное), Лаптев и Жуковский избраны этими мерзавцами в государственный совет“ (стр. 243).

„Гучков очень болен“—ликует она 4 января 1916 г.:—„хотела бы, чтобы он переселился на тот свет“.

„Гучкову лучше“!—этот вопль читаем в письме от 5 января 1916 года (стр. 354). „Гучков поправляется. По совести должна сказать, к несчастью“, вздыхает она 7 января 1916 г. (стр. 361).

Настойчивая была, прости господи, женщина. Этакая если уж привяжется, то не отстанет.

Вовсе не всегда она ограничивается мечтами такого рода. Она и хитрее может:

„Конечно, Родзянко крайне несимпатичен“, — говорит она, напр., в письме к мужу, но, увы, теперь как раз такие времена, когда бываешь принужден из расчета делать многое. Родзянко должен был бы теперь получить орден. Это бы ему польстило, а вместе с тем, он упадет в глазах левых партий, если примет от тебя награду. Наш друг (Распутин) так же говорит, что было бы хорошо это сделать“ (стр. 291).

Письмо о Родзянке заканчивается словами: „Осыпаю поцелуями каждую частицу твоего тела. Твоя любящая женка“ (стр. 293). Удивляться ли, что просьба „любящей женки“ была исполнена, и М. В. Родзянке был дан орден св. Анны 1-ой степени? Как председателю думы, выдавать награду сочли неудобным, и орден ему выдали „в воздаяние особых трудов и заслуг в должности почетного попечителя Новомосковской гимназии“.

— С этакой женкой не пропадешь. Она обдумает!

Главная, исключительная роль в „письмах“ принадлежит, конечно, Гришке Распутину, „нашему другу“.

„Надо всегда делать то, что он говорит. Его слово имеет всегда глубокое значение“ (стр. 331). „Мы должны обращать больше внимания на то, что он говорит... Я знаю, что будет фатально для нас и для страны, если его желания не будут исполнены (стр. 119). „Это человек, послан-

ный нам богом“ (стр. 134). „Думай больше о друге перед всякой трудной минутой“ (стр. 136). „Не слушайся других только нашего друга“ (стр. 135).

Это что-то воистину подавляющее, сумасшедшее. Стоит сравнить сроки высочайших указов и желания Григория Распутина, высказанные им в письмах Александры Федоровны к Николаю, чтобы убедиться, до чего мгновенно исполнялись все желания этого пьяного, малограмотного конокрада.

Созыв государственной думы и ее роспуск, назначение и увольнение министров, внутренняя политика и внешняя, война или мир,—всем этим распоряжается, всем командует Гришка. Николай II только исполнитель. Даже внешняя политика зависит, оказывается, от Распутина.

„Григорий кашляет и волнуется по поводу Греции“ (стр. 297),—пишет—дословно!—императрица мужу 6 ноября 1915 г. Этот кашляющий друг не ограничивается, впрочем, Грецией и пересылает Николаю указания для сношений с другими иностранными державами. Наш друг просит тебя послать телеграмму сербскому королю, так как он очень тревожится; прилагаю его бумажку, которую ты можешь использовать для твоей телеграммы: изложи смысл своими словами“ (стр. 264).

Еще решительнее, оказывается, конечно, державная воля Гришки в делах внутренних. Все великие князья, весь совет министров был против того, чтобы Николай объявил себя главнокомандующим. Но вот Григорий Распутин сказал: „Пущай“, (он так и сказал, и я безусловно верю этому) (стр. 159), и сразу же вылетел в отставку великий князь Николай Николаевич, и вот государь уже объявил себя главковерхом, и уже ликующая жена пишет ему: „Наш друг за тебя,—все хорошо, ты спас свою страну. Спи хорошо, мое солнышко, спаситель России“! (стр. 158).

Главковерхом в Ставке, как и самодержцем на троне—является, никто иной, как все тот же Распутин:

„Слушайся нашего друга, верь ему“ (стр. 118). „Это человек, посланный нам богом“ (стр. 134). „Надо делать

всегда то, что говорит он, его слово имеет глубокое значение“ (стр. 331).

„Должна тебе передать следующую просьбу от нашего друга, внушенную ему ночным видением. Он просит тебя приказать, чтобы начали наступление возле Риги. Он говорит, что это необходимо. Он просит тебя серьезно приказать нашим наступать и говорит, чтобы я написала тебе об этом немедленно“ (стр. 312).

После этого уже не хочется приводить справки о том, как точно и аккуратно исполняются Николаем все желания Гришки о назначениях и увольнениях Горемыкина, Хвостова, Щегловитова, Протопопова, о созыве и о роспуске думы и пр., и пр.

Специалисты по любовной психологии, наследники Петрарки, от Марселя Прево до отечественных М. Арцыбашева и Анат. Каменского, вы, сердцеведы и исследователи амурных извилин в сердце человеческом, объясните вы этот нелепый клубок, эти странные узлы любовных нитей, какие кидаются в глаза при исследовании писем Александры Федоровны к Николаю.

Мы видели, что она его любит, любит искренно и серьезно. Но тогда, при чем же Григорий Распутин и его исключительное влияние на императрицу?

Но психологические загадки не исчерпываются личностью Гришки. Мы видели в предыдущих главах „тройственный союз“, некую мистическую связь, соединявшую ген. Орлова с императрицей и А. А. Вырубовой. Ген. Орлов в гробу, но вот новый тройственный союз—Николай, Вырубова и Александра Федоровна. „Аня целует тебя очень нежно“ (стр. 185). Этот мотив заполняет всю книгу „Писем“:

„Жажду твоих поцелуев и твоих объятий. Я не люблю о них просить, как Аня, но они моя жизнь“ (стр. 348). „Когда Аня говорит о своем одиночестве, это меня сердит. Она дважды в день к нам приходит, каждый вечер она с нами проводит четыре часа, и ты—ее жизнь, и она ежедневно получает ласки от нас обоих. Жажду держать тебя в своих объятиях. Кто бы ни посмел тебя назвать „мой

собственный“, ты все же мой, мое сокровище“ (стр. 349), „Аня теперь хочет завтра приехать ко мне. О, господи. а я была так рада, что долгое время мы ее не будем иметь в доме, я эгоисткой стала после девяти лет и хотела бы, наконец, иметь тебя для меня одной“ (стр. 87).

Нет, здесь не разобраться М. Арцыбашеву с Ан. Каменским или Марселю Прево. Здесь и проф. Август Форель окажется бессилен и срочно понадобится именно Крафт Эбинг.

То письма заполнены сплошными жалобами на Аню: „Она груба“ (стр. 27). „В ней нет ничего женственного“ (стр. 36). „Ее живот и ноги колоссальны и крайне не аппетитны“ (стр. 61). „Она так надоедлива“ (стр. 78). „Она до того утомительна“ (стр. 38), и т. д., и т. д., до упреков в разврате включительно (стр. 342).

И рядом с этим, какое то странное сватанье, сводничество любимого мужа с этой Аней: „Может-быть ты в своей телеграмме упомянешь, что благодаришь Аню и шлешь ей привет“ (стр. 38). „Может-быть ты в своей телеграмме спросишь о ее здоровье, это ее тронет“ (стр. 55). „Жалею, что Ани нет в доме“ (стр. 185). „Аня страшно счастлива получить твою телеграмму“ (стр. 350). „Аня целует тебя“ (стр. 362). „Душка, сжигай ее письма, чтобы они никогда не попали в чьи-нибудь руки“ (стр. 358).

И, несмотря на всю определенность позиции, не избегнуты все же, оказывается, скандалы и всегдашние опасения их: „Ты должен сказать ей, что ты не можешь приходить так часто. Если мы не будем тверды, у нас будут истории и любовные сцены, и скандалы, как в Крыму“ (стр. 60).

Боюсь, что и сам Крафт Эбинг ничего бы не понял во всей этой путанице, осложненной вдобавок нежными упоминаниями о ген. Орлове. Прошел уже ряд лет со дня его смерти. Но и теперь Александра Федоровна ездит с цветами на эту могилу, всякий раз вместе с Аней Вырубовой, и об этом неуклонно сообщает мужу, и обе вместе „тоскуют по объятиям“ этого мужа, и жена, пересылающая ему письма Ани, „умоляет, не забыть сжечь эти письма“, и один „тройственный союз“ Александры Федоровны и Ани с Орловым—цепляется о другой „тройственный союз“ их

обеих с Николаем, и весь этот клубок благословляет, ухмыляясь в бороду, „наш друг, посланный нам богом“ Гриша Распутин.

Довольно! Хочется свежего воздуха. Не все же только Аня Вырубова и память о мертвом Орлове и преклонение перед живым Распутиным. Есть же, должна же быть и живая жизнь, и иные интересы в этом толстом томе документов.

„Ты слишком добр и мягок... Покажи, что ты хозяин“ (стр. 84). „Все эти министры должны выучиться дрожать перед тобою“ (стр. 117). „Когда, наконец, ты хватишь рукой по столу и накричишь. Тебя должны бояться“ (стр. 147). „Заставь их дрожать“ (стр. 161).

„Стукнуть по столу“, „заставить всех дрожать“, это все ведь только средства. Какие же цели имеет в виду эта энергичная дама, так настойчиво воспитывающая своего мужа в этом именно направлении.

Увы, никаких! Хватить рукой по столу, это для нее и есть главная цель. Пусть все боятся, и все будет хорошо.

„Только поскорее закрой думу, прежде чем будут представлены их запросы“ (стр. 184). „Газеты всем недовольны, чорт бы их побрал“ (стр. 233). „Мы не конституционное государство, слава богу“ (стр. 205). „Ты владыка, ты хозяин в России, помни это“ (стр. 194).

Только и было программы у дамочки: „Выгони всех“, „встряхни всех“, „прихлопни всех“, только и читаешь: „думу нужно прихлопнуть“, „покажи им кулак, накажи их, будь хозяином и владыкой, ты самодержец“ (стр. 224).

И что всего изумительнее, при этакой вот программе-минимум—твердая уверенность, что все в России обожают императора и императрицу, что все только и мечтают повидать их светлые очи. „Какая награда для храброго гарнизона, если ты туда поедешь“ (стр. 9). „Твое присутствие даст войскам силу и мужество и будет такой наградой для них“ (стр. 8). „Должно быть большим утешением видеть эти массы преданных, счастливых подданных“ (стр. 47).

Какой богатый материал для психиатра представляют все отчеты Александры Федоровны о ее встречах с „послан-

ником божиим", Гришкой, его распоряжения и телеграммы, передаваемые царю через посредство царицы.

Только и видишь: „Что за прелестная телеграмма от нашего друга" (стр. 213). „Очаровательная телеграмма нашего друга, наверное, доставила тебе удовольствие" (стр. 110). „Переписал ли ты и эту его телеграмму для себя на особом листе" (стр. 217).

Текст этих телеграмм — представляет собою сплошь пьяный бред и ничего больше: „Увенчайтесь земным благом, небесным венцом во пути с вами" (стр. 48). Или еще бессмысленнее: „Не оповдайте в испытании прославить господа своим явлением" (стр. 217).

Чем радовали и ободряли царя и царицу эти „очаровательные" телеграммы? Только одна телеграмма Распутина имеет смысл. Но это та телеграмма, в которой он не решал ни государственных, ни религиозных вопросов, а только помогал своему сыну уклоняться от мобилизации:

„...Сына забирают. Я сказал в сердце, неужели я Авраам, века прошли, один сын кормилец, надеюсь, пущай он владычествует при мне, как при древних царях".

„Любимый мой, что ты можешь для него сделать"?—немедленно же пишет мужу Александра Федоровна, взволнованная этой телеграммой Гришки. Кому же еще, если не ему, мужу своей жены, самодержцу всероссийскому, взяться за это срочное дело!

Была ли нормальна Александра Федоровна?

Пока царица из госпиталя пишет царю: „Я рада, что вы с Саблиным, два греховодника, могли глядеть на хорошенькие лица. Я больше вижу другие части тела, менее идеальные" (стр. 48)—это еще может быть объяснено шуткой. Но когда она описывает несчастных людей с ужасными ранами, на которые „страшно смотреть", и в этой же строке считает возможным писать: „Почти ничего не осталось мужского, почти на части расстреляны. Может быть придется отрезать.. Будучи женой и матерью, я им сочувствую особенно" (стр. 35)—это кажется уже ненормальным. Нередки в письмах места, не поддающиеся цитированию (стр. 64 и особенно 270).

Но и эти детали отступают на задний план, когда вдумываешься в то, что объявляется святыней в этом сумасшедшем доме. Во что собственно верили Александра Федоровна и Николай? Как дикари-алеуты, они молились идолам, чурбанчикам, не в переносном, а в самом непосредственном, прямом значении слова: „Посылаю тебе палку, которая была ему (Григорию) послана из Нового Афона. Он сперва ею пользовался, а теперь посылает ее тебе, как благословение... Было бы хорошо иметь ее возле той, до которой доторкнулся m-r. Ph. (Филипп, предшественник Распутина). Это тоже хорошо“.

„Не забудь причесываться перед всяким трудным разговором и решением, маленькая гребенка (Распутина) принесет тебе мощь“ (стр. 162). „Не забудь несколько раз причесать его гребенкой волосы перед заседанием министров“ (стр. 235).

Все растет, все усиливается это количество фетишей, идолов и чурбанчиков. Как будто юрта эскимоса, а не дворец самодержца всероссийского перед нами.

„Наш первый друг Филипп дал мне образ с колокольчиком, чтобы предупреждать меня насчет тех, которые неправедны, и не дать им приближаться ко мне“ (стр 135). Образ с колокольчиком, в самом деле, помог мне почувствовать людей. Образ и наш друг помогли мне быстро узнавать людей“ (стр. 216).

Казалось, книга Витте вскрыла все гнилое и позорное, в чем тонул трон русских самодержцев. Но книга „писем императрицы“ обнаружила еще больше. Они, сидящие на троне, оказывается, знали правду, они все знали. В письмах Александры Федоровны на каждой странице находишь упоминание о взятках, какие берет балерина Кшесинская подруга вел. кн. Сергия Михаиловича, о взятках, какие берет от военного министра Сухомлинова, о протоколе, какой осмелилась составить полиция в Вилла-Роде, когда „наш друг“ Распутин перешел пределы безобразий во время оргии. Они на троне знали все это, и, оказывается, прикрывали, и царь с царицей лично принимали меры, чтобы не было огласки!

ГЛАВА XI.

Кануны.

— Ну, что-ж, время делать революцию, — сказала, позевывая, старушка история.

Когда всматриваешься в предшествовавшие перевороту дни, получается впечатление внезапности. Очень уж скоро, без сучка, без задоринки совершилось дело. И все оказались на своих местах, и каждый от Протопопова и Хабалова, через Родзянко и Керенского, до веселого казака, зарубившего пристава на Знаменской площади, — все, как по нотам, провели свою партию. Все оказались на своем месте, и каждый имел право делать именно то, что нужно.

— Да здравствует великая, бескровная, единственная в мире революция!

В свое время придет тот забавный дядя, кого принято называть „будущим историком". Я заранее ненавижу этого лысого человека. Он будет жить в удобное, комфортабельное время, он „придет на готовенькое", и с высоты своего величия он, вдобавок, будет презирать всех нас, кто, как слепые щенята, тычутся носом в окружающие и разрозненные факты живой жизни.

Будущий историк не станет отделять революцию 1905 года от революции 1917 года. Для него это будет единый процесс; он разместит по полочкам все события: и московское восстание, и лейтенанта Шмидта в 1905 году, и проблемы пола с Арцыбашевыми и Кузминым, и эпохой самоубийств в годы подавления революции, и столыпинскую, скорострель-

ную военно-полевую юстицию. Все события 1905 года, равно как и февраль и октябрь 1917-го, все займет свое законное место, и Распутин, и Протопопов, и война японская, и война всемирная, и че-ка, и белая армия с контр-разведкой, и голод, приведший к людоедству в 1922 году.

Я ненавижу его, этого спокойного будущего историка! Но если всмотреться настолько внимательно, чтобы отдельные деревья не заслоняли леса, то уже и теперь картина главнейших моментов революции встает выпукло и отчетливо.

— Ну, что-ж, давайте делать революцию!

Уже 19 октября 1916 года, на совещании членов прогрессивного блока с А. Д. Протопоповым, устроенном в квартире М. В. Родзянко, остро чувствовалось, что надвигающаяся на Россию стихия революции мерами существующей государственности не предотвратима.

— Я хотел бы побеседовать запросто, по-товарищески, — заявил, как ни в чем не бывало в начале беседы А. Д. Протопопов, как будто не зная о той единодушной ненависти, какую питали к нему все окружающие (как и вся Россия, впрочем), ненависти, особенно обострившейся после того, как А. Д. Протопопов щегольнул в думе недавно полученным им парадным мундиром шефа жандармов.

— Мы не можем и не хотим говорить по товарищески с вами, человеком, получившим назначение через Распутина, человеком, который освободил предателя Сухомлинова, который служит вместе с предателем Штюрмером, — заявили А. Д. Протопопову в самом начале заседания П. Н. Милюков и А. И. Шингарев.

— Мы вас не уважаем и не можем уважать! — подбавил к этому В. В. Шульгин.

На министра эти заявления недавних коллег его по гос. думе влияния не оказали.

Объяснения А. Д Протопопова были резки по тону, по существу жалостны до убожества: „Я личный кандидат государя, которого я теперь узнал ближе и полюбил. У вас всех есть титулы, хорошие состояние, есть связи, а я — начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки

по 50 копеек за урок. Я не имею ничего, кроме поддержки государя, и с этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне ни относились", — заявил министр. Эта последняя встреча представителя власти с депутатами гос. думы в частном заседании прогрессивного блока — для того времени была чрезвычайно значительна. Должны были получить разрешение важнейшие государственные вопросы: о войне, о продовольствии, об угрозе разгоном думы, о возможной поддержки власти, о новом министерстве доверия и т. п.

И воистину символической кажется фигура прогрессивного паралитика Протопопова, жалостно лепечущего:

— Я был и останусь другом думы. В вашем отношении ко мне, Павел Николаевич, говорит разум, но не голос сердца. Ваша супруга отнеслась бы ко мне совершенно иначе. Вот, как я к вам отношусь! Хотите, я легализую вашу партию?

— При чем тут моя супруга?—спрашивал удивленно, протирая пенснэ, Милюков.

Заседание закончилось заявлением Протопопова о том, что „уже поздно и он очень устал".

Главной задачей момента было добиться отставки ненавистного — и правым, и левым, и умеренным, — А. Д. Протопопова.

— Александр Дмитриевич, откажитесь от вашего поста, — говорит на прощание, пред закрытием частного совещания, граф И. И. Капнист.

— Вы ведете на гибель Россию, — добавляет к этому П. Н. Милюков.

— Я сам земец и земства пойдут со мной,—отвечает А. Д. Протопопов.

— Не пойдут, Александр Дмитриевич, — звучат голоса со всех сторон, — не пойдут. Идите спать, Александр Дмитриевич. Не пойдут.

— Я, как врач, — говорит в заключение А. И. Шингарев, обращаясь к министру — должен дать вам медицинский совет: — идите спать, отдохните.

Продолжал спать А. Д. Протопопов. Длился сон Николая и всех его приближенных. Задорно плясал по кабакам, хвастая близостью к царице и великим княжнам, веселый Гришка Распутин.

А где-то на фронтах лилась кровь, и мобилизовали для войны уже двенадцатый миллион „живой силы". И обогащались спекулянты, и стонали от дороговизны и холода женщины и дети в очередях, и шла, дребезжа по старым рельсам, заржавленная машина старого режима. И вот прозвучали уже в стенах государственной думы слова П. Н. Милюкова: „Глупость или измена". Прозвучали на всю страну слова о роли Распутина и „безответственных влияниях" Александры Федоровны. Проявляются первые симптомы надвигающихся событий.

Группа гвардейских офицеров, встретив Григория Распутина на платформе Царскосельского вокзала в Петербурге, насмешливо выстраивается во фронт.

— Смирно, господа офицеры! — громко командует, удерживая злую насмешку, элегантный корнет, принц Мюрат. В этот день Григорий Распутин отказался от железнодорожного сообщения с Царским Селом. Отныне не иначе, как в автомобиле, всякий раз меняя маршрут, ездит он к царице.

С фронта прибыл уполномоченный группы офицеров, некий ротмистр Образцов, прибыл для того, чтобы убить Распутина. Он нашел его в веселом уголке „Вилла Роде", но так как у ротмистра при входе, будто-бы, отобрали оружие, он довольствуется на этот раз пощечиной, данной Распутину. Этот жест производит большое впечатление не только на самого Распутина, но и на охрану, в необычайном изобилии предоставленную ему дворцовым ведомством и департаментом полиции, и на сановных дам, окружающих Григория. — Подумайте только, на кого рука поднялась. Что же это будет?

И вот уже в пышном особняке Юсупова-Сумарокова-Эльстон В. М. Пуришкевич, при помощи великого князя Дмитрия Павловича, убедившись в том, что Распутин не так глуп, чтобы есть приготовленные для него отравленные

пирожные и пить коньяк с мышьяком, всаживает в старца одну за другой шесть пуль. (Не добить дьявола! Живучий чорт)!

Тело старца, закутанное в шубу, брошено в прорубь. Поднятый с постели в шесть часов утра министр юстиции А. А. Макаров, принимает трех неожиданных визитеров: „Ваше высокопревосходительство! Побуждаемые чувством любви к своему монарху и долгом патриотизма перед своей родиной, мы, все трое сообща, с заранее обдуманным намерением, убили известного вам мерзавца и подлеца, Григория Распутина“, — заявляет от имени всех трех В. М. Пуришкевич.

В том, как начались и разыгрались события февральской революции для царя и правительства не было ничего неожиданного. Как кролик, зачарованный взглядом гремучей змеи, как-будто, по доброй воле, покорно лезет в ее пасть, так именно, в здравом уме и полной памяти, как-будто, по доброй воле, старательно и заботливо подготовляли революцию и ее успех царь и его приближенные. Все последние месяцы — предупреждения, самые убедительные и самые настойчивые, несутся со всех сторон:

„Мы переживаем самый опасный момент в истории России“ — пишет царю великий князь Александр Михаилович 25 декабря 1916 года: „Какие-то силы ведут тебя и, следовательно, Россию к неминуемой гибели. Я говорю „тебя и Россию“ вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может. Твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели“.

Такие же письма и речи обращали к царю, кроме Александра Михайловича, и вел. кн. Николай Михайлович, и М. В. Родзянко, и великий князь Кирилл Владимирович, и Кауфман-Туркестанский, и многие еще другие.

Но, как будто исполняя веление рока, как загипнотизированный, царь, еще более царица, — стараются ничего не видеть и не слышать.

„Когда подумаешь“, — пишет царю Александр Михайлович 1 января 1917 года, — „когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успо-

коить, дать стране то, чего она жаждет, т.-е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, — становится невыносимо больно".

Но никакие доводы не могут убедить того, кто не желает быть убежденным.

„Положение с каждым днем ухудшается", — пишет царю Александр Михайлович 25 января: „Народ тебя любит, но... такое положение продолжаться не может. Как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготовляет революцию. Народ ее не хочет, но правительство употребляет всевозможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных — и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище: революции сверху, а не снизу".

Это письмо за подписью „твой верный" было получено Николаем 4 февраля, но, как и многие иные того-же рода, никакого впечатления не произвело. Царь молчал и рассеянно улыбался, участвовал в высочайших приемах и молился на панихидах по Распутине. („У него внутри не достает", — говорил о царе Распутин в последние месяцы своей жизни).

А. Д. Протопопов, наследник Распутина в смысле исторической роли и значения, занимался по-прежнему спиритическими сеансами, проявлял твердую волю и уверял, что он родился „под влиянием Юпитера, который подчиняется Сатурну", а потому, вооруженный доверием монарха — он непобедим.

Вопрос „глупость или измена"? — так и не получил разрешения.

Крайне характерная черта: государственная машина в эти дни уже окончательно расхлябалась. Весь изношенный и заржавленный старорежимный аппарат был уже почти в состоянии полной негодности. Но охранное отделение и в эти дни оказалось на высоте положения. Здесь именно сгруппировались все таланты царского строя. Доклады охранки изо дня в день дают правильную и яркую, почти исчерпывающую картину надвигающейся революции.

Так, уже 5-го января 1917 года доклад охранки указывает на „исключительно тревожный характер настроения в столице“ и на „недовольство широких народных масс“.

9-го января начальник охранного отделения Глобачев снова указывает в докладе на „тревожное настроение революционного подполья и на общую распропагандированность пролетариата“.

19-го января следует новый „совершенно секретный“ доклад охранного отделения с указанием на дороговизну, продовольственную разруху, рост тиража крайне левых изданий, недовольство населения и „жажду общества найти выход из создавшегося политически ненормального положения, которое с каждым днем становится все ненормальнее и напряженнее“. По слухам, убийство Распутина это только первая ласточка, — указывается здесь: в случае разгона думы „правительству придется бороться не с кучкой депутатов, а со всей Россией“.

Следующий доклад генерала Глобачева от 28-го января еще определеннее: „События чрезвычайной важности, чреватые исключительными последствиями для русской государственности, безусловно не за горами“—настаивает он.

Но в книге судеб уже обозначено грядущее, и даже такие авторитетные источники, как доклады охранки, и те не в силах изменить спокойно - благодушного настроения обреченных. Один из ближайших приближенных Николая II, старый пьяница, „морской волк“, адмирал Нилов, на обычном своем грубом жаргоне повторял: „Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре—это все равно“. Он, старый весельчак, думал, что он острит, что его слова милая шутка, а они оказались правдой.

Доклады охранного отделения продолжают с точностью сейсмографа отмечать надвигающееся землетрясение. Доклад от 5-го февраля посвящен опасности надвигающихся голодных бунтов: „Озлобление растет, — констатирует охранка, и конца его росту не видать. А что стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и безпощадных эксцессов

самой ужасной из всех анархичиской революции сомневаться не приходится".

Как понять, как объяснить эту изумительную слепоту, проявленную всеми без исключения и при дворе, и в кабинете министров. Ведь, еслиб они даже не знали ничего иного, то одних докладов охранного отделения было более, чем достаточно, чтобы понять, до чего близок и неизбежен надвигающийся взрыв.

Доклады охранки читались и спокойно прятались под сукно. Государственная машина работала в пустую, на холостой ход.

И когда А. Д. Протопопов желает в эти дни кануна обеспечить и укрепить устои государственности, — он с сыскными целями „лично посещает" салон графини Игнатьевой, чтобы „выведать, что там замышляют". Дело серьезное, на охранку положиться нельзя. И после личного визита к графине Игнатьевой, А. Д. Протопопов успокаивается. И графиня Игнатьева, с своей стороны, также успокаивается и записывает в своем дневнике, что „А. Д. Протопопов очень бодр, моложав и свеж на вид". „Россия,—пишет она,—со времени исторических людей, не имела такого сильного мужественного, православно-религиозного человека, преданного царю и родине".

А лидеры правых, Н. Маклаков и Римский-Корсаков, в эти дни подают государю срочные записки о необходимости немедленно упразднить государственную думу. Единственное, что пугает их,—это злоумышленные октябристы, но и те, оказывается, вовсе не так уже страшны: „Стоит сжечь одну помещичью усадьбу, чтобы превратить сотню октябристов в правых, и достаточно обойти наградами ко дню рождения государя несколько видных либеральных чиновников, чтобы сделать из октябристов кадетов",—утверждают эти докладные записки относительно „партии последнего правительственного распоряжения". „Никакой общественности—констатируется далее—в России нет, а есть лишь в разных видах чиновники: есть способные и удачные, получающие награды и содержание от казны и есть чиновники менее способные, неудачливые, от казны содержания

не получающие, но к нему (содержанию) равно, как и к иным наградам ревнивые, не менее первых".

Какое странное представление о России было у тех, кто триста лет владел и правил страной!..

Но вот настали, наконец, дни, когда загорелись участки и охранка, и солдаты отказались стрелять в народ. Государь передал власть диктатора генералу Хабалову, человеку сонному, вялому и нерешительному. Когда Хабалов решил, наконец, расклеить по городу листки с объявлением осадного положения, то сделать этого уже не удалось, ибо, как оказывается, не было уже и негде было достать ни клею, ни кистей.

Не из-за отсутствия ли клея рухнуло громоздкое здание русского самодержавия?

Что делал в дни, непосредственно предшествовавшие революции, и самые февральско-мартовские дни царь Николай II? Если бы его заморозили, воспользовавшись для этого способом анабиоза профессора Бахметьева, если бы его усыпили в июльские дни 1914 года, когда несметная толпа с криками „ура" и пением „боже царя храни"! в порыве патриотического психоза окружала Зимний дворец и становилась на колени при виде обожаемого монарха, если-бы в те дни он лег спать и приказал разбудить себя только в 1919 году, когда он оказался уже в Тобольске, то и тогда Николай не мог бы проявить менее инициативы, сыграть еще менее видную и значительную роль.

Последний всеподданнейший доклад представлен Николаю председателем государственной думы 10-го февраля 1917 года. „Россия объята тревогой",—говорит М. В. Родзянко в этом докладе, „образовалось два лагеря: на одной стороне правительство, на другой стороне страна. Война показала, что без участия народа страной править нельзя. Авторитета у правительственной власти уже нет, и бюрократическому правительству не удастся его более приобрести. Все его меры—оскорбительны и являются только вызовом обществу. Уже многое, испорченное в корне, непоправимо, если бы даже к делу управления были привлечены гении, но, тем не менее, смена лиц и не только лиц, но и всей

системы управления является совершенно настоятельной и неотложной мерой", — заявляет в этом, прочитанном им вслух самодержцу и переданном ему документе М. В. Родзянко.

Гораздо резче и определеннее, чем все написанное в этом докладе, были те слова, какие высказал Родзянко в личных свиданиях с Николаем. Когда, во время приема 10-го февраля, Родзянко прочел свой доклад, царь, как будто издеваясь над собеседником, сказал:

„Вы все требуете удаления Протопопова"?

„Требую, ваше величество! Прежде я просил, а теперь требую".

„То есть как"? — изумляется самодержец.

„Ваше величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно. Всякий проходимец всеми командует"...

В объяснении резкости тона М. В. Родзянко, по тем временам совершенно необычайной, достаточно помнить, что отношения между Николаем и Родзянко уже давно были натянуты. Царь терпеть не мог „этого надоедливого толстяка", который в каждый прием старался рассказать царю, „как можно больше правды", как будто не понимая, что именно правды-то при дворе и не хотели. М. В. Родзянко был в те дни осведомлен обо всех подробностях готовившегося в то время дворцового переворота, во главе которого стоял А. И. Гучков. Заговор сводился к тому, чтобы во время одной из поездок Николая на фронт захватить императорский поезд и вынудить у царя отречение. Одновременно предполагалось арестовать правительство и затем уже объявить о перевороте и составе новой власти. Слыхал М. В. Родзянко и о роли государыни в подготовлявшемся в то время правыми кругами сепаратном мире с немцами, заговоре, имевшем целью, как тогда утверждали, открыть фронт и этим путем немецкими вооруженными силами укрепить самодержавие.

И от этого в день высочайшей аудиенции 10-го февраля 1917 года осанистый Родзянко, этот старый барин, ведет себя с темпераментом юноши, студента-революционера.

„Я сделаю то, что мне бог на душу положит“ ответил на все требования Родзянко Николай этой типичнейшей для него, фразой.

„Вам придется усердно молиться, ваше величество. Потому что шаги, которые вы предпринимаете, могут оказаться для вас роковыми“.

Только после этого, не привыкший к такому тону Николай обозлился и показал царскому слуге, что его величество изволят гневаться. Но старик Родзянко уже „запарился“, закусил удила и понес.

— Ваше величество, я ухожу в полном убеждении, что это мой последний доклад вам,—говорит он, прощаясь.

— Почему? — спокойно осведомляется овладевший собой Николай.

— Я полтора часа вам докладываю и по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь (разгон думы). Я вас предупреждаю. Я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать.

— Откуда вы это берете?—все с той же очаровательною наивностью и также спокойно спрашивает царь.

— Из всех обстоятельств, как они складываются, — отвечал М. В. Родзянко. — Нельзя так шутить с народным самолюбием, с народной волей, с народным самосознанием, как шутят те лица, которых вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всяких Распутиных. Вы, государь, пожнете то, что посеяли.

— Ну, бог даст,—пытается отшутиться от напористого толстяка Николай.

— Бог ничего не даст. Вы и ваше правительство все испортили, революция неминуема,—таковы дословно были последние слова этой беседы.

Сразу же после Родзянки государь принял И. Г. Щегловитова, затем Н. А Маклакова. Вся игра придворных деятелей в это время была сконцентрирована на вопросе о

том, распускать ли думу. Но и здесь, как во многом ином, в результате действий Николая, оказались одновременно обмануты и правые и левые. Вопрос, о котором спорили, из-за которого готовы были перегрызть горло друг другу был давно решен. У премьера Голицына давно уже были заранее подписанные царем указы сенату о перерыве и о роспуске государственной думы. Эти указы были испрошены Штюрмером еще 1-го ноября 1916 года. Потом они перешли к Трепову и, наконец, к Голицыну, которому царь сказал: „Держите у себя, а когда нужно будет, используйте“. Так профессиональные лжесвидетели „на всякий случай“ дежурили в корридорах консистории. Их профессия—свидетельские показания о прелюбодеянии. Был бы свидетель, а дело всегда найдется. Так ретивые околодочные умудрялись иметь в портфеле безымянные приказы об аресте, обыске и высылке—фамилию вписать никогда не поздно.

ГЛАВА XII.

Февральские дни.

Но если так исключительно характерна линия поведения Николая в дни, предшествующие перевороту, то еще изумительнее его равнодушие и веселое настроение в самые дни революции. 22-го февраля царь неожиданно, оставив больных корью детей, выехал в ставку. Поездка предпринята „так себе“, без всякой определенной цели или причины,— проветриться на недельку. К первому марта вернусь,— обещает он пред отъездом. Уже в этот день в Петербурге тревожно. Город полон слухами о предстоящем, будто бы, убийстве Вырубовой и Александры Федоровны.

На завтра, 24-го февраля, пока в государственной думе правительство любезно снимает с очереди своей проект „об образовании нового ведомства государственного здравоохранения“, а социал-демократы и трудовики вносят запрос о расчете рабочих на некоторых заводах, в городе уже начались волнения. Уже слышны крики: „хлеба“ в разных частях столицы. Уже бастуют около 80.000 рабочих в Петербурге. „Появились красные знамена с революционными надписями“,—докладывают своим приставам околодочные в разных участках.

Николай — в ставке. Настроение у него — спокойное, уравновешенное. Его интересует только, как протекает корь, которой больны в это время Алексей, Ольга и Татьяна.

В субботу 25-го февраля, на Знаменской площади у памятника Александра III, идут митинги. „Да здравствует республика“!—кричит толпа. И казаки, верный старый

оплот самодержавия, казаки, оказывается, присоединились к толпе и прогнали полицию. „Ура“! — кричит толпа по адресу казаков, а те отвечают народу поклонами.

Этого еще не бывало. Начинается новая эпоха в истории России. А председатель цензурного комитета, Адабаш, в этот самый день суетливо заботится по предписанию Хабалова, чтобы не было в газетах речей Родичева, Керенского и Чхеидзе, и считает, что самое главное, это — чтобы на месте пропусков в газетах не было белых мест и грозит штрафами и конфискациями.

В тот же день Хабалов посылает в ставку телеграмму о беспорядках на имя Алексеева, а Протопопов о том же телеграфирует генералу от-куваки, приближенному к Николаю Воейкову. Но в ставке — все спокойно, государь улыбается и в этот день посещает кинематограф, внимательно всматриваясь в похождение Прэнса в роли купальщика. Перед уходом в кинематограф Николай посылает Хабалову по прямому проводу „исходящую“: „Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай“.

Эта телеграмма кажется злой шуткой, подделкой. Трудно поверить, что этот курьез — характерный исторический пример недомыслия. „Коли захочет бог наказать, раньше всего отнимет разум“. Но по тем временам — такая серьезная и резкая телеграмма Николая казалась событием. Только после получения этих строк петербургские власти стали предполагать, что творится что-то серьезное.

„Телеграмма государя меня, как обухом по голове хватила“, — говорил расстроенный Хабалов. В эту же ночь было приступлено к особо старательной жандармской „чистке столицы“, арестовано оказалось „около ста членов революционных организаций“.

На завтра с утра Родзянко едет к премьер-министру Голицыну. „Я к вам по делу на минуту. У меня к вам просьба, ваше высокопревосходительство, — уйдите в отставку“.

Старый Голицын и думать не хочет об отставке. Он возмущен дерзостью Родзянки и обиженно показывает на

имеющийся у него, уже пять месяцев назад подписанный указ о роспуске думы. Еще день. Наступает 26 февраля. Петербург уже наводнен толпой с флагами, братающейся с войсками. Жизнь царя в ставке течет по расписанию: в $9^1/_2$ в штаб, до $12^1/_2$ с Алексеевым, после этого завтрак, потом прогулка на моторах, к вечернему пятичасовому чаю подают петербургскую почту.

Почта приносит сведения воистину катастрофические. „Астория занята“ — таково оказалось почему-то одно из первых сведений — „идет перестрелка между рабочими и войсками. Буйствующие скопища осыпают камнями воинские наряды“. „Совсем нехорошо в городе!“ — телеграфирует Николаю в этот день Александра Федоровна.

Государь — спокоен. Он примеряет новый казачий мундир, который ему так нравится, что ко всенощной он отправляется без пальто. „Государь, как-будто, встревожен, хотя сегодня по виду был весел“ — заносит в свой дневник живущий в ставке ген. Дубенский. Расписание жизни ставки соблюдается свято. В $8^1/_2$ государь занимается в кабинете, в $11^1/_2$ вечерний чай с приглашенными. „На Шипке все спокойно“.

На завтра, в воскресенье 27 февраля, с самого утра рабочие со всех окраин, неся красные флаги, густой толпой идут на Невский. Охранное отделение занято очередной срочной работой: оно разыскивает, где именно происходит недозволенное собрание с участием Керенского и Скобелева, чтобы помешать сборищу. Родзянко телефонирует Беляеву и Хабалову и убеждает их, вместо стрельбы в толпу, вызвать пожарных, которые холодной водой без пролития крови охладят страсти. Хабалов отвечает, что „обливание водой только возбуждает“ и что существует распоряжение — пожарных для рассеяния скопищ ни в коем случае не вызывать.

Течение событий достигает в воскресенье небывалой напряженности. Горят участки, полыхает окружной суд, толпа не дает тушить пожаров, целые полки не только отказываются стрелять в народ, не только братаются с „анархистами“, украшенными красными бантами, но в полном порядке, с офицерами, с оркестрами музыки отпра-

вляются к Таврическому дворцу, где заседает, решившая не подчиниться роспуску гос. дума, где Керенский, Чхеидзе, Скобелев и Родзянко, усталые, измученные от бессонных ночей и непрерывных ораторских выступлений, выкрикивают речи о единении войск с народом. Родзянко телеграфирует царю. Телеграмма его начинается словами: „Положение серьезное; в столице — анархия; правительство парализовано“, и кончается заявлением: „Медлить нельзя. Всякое промедление - смерти подобно. Молю бога, чтоб в этот час ответственность не пала на венценосца“. Копии этой телеграммы разосланы М. В. Родзянко всем командующим фронтами с просьбой принять меры и повлиять на Николая в деле назначения нового министерства общественного доверия.

„Телеграмму получил. Поручение исполнено“, — отвечает в тот же день Рузский.

„Вашу телеграмму получил. Свой долг перед родиной и царем исполнил“, — срочно отвечает Брусилов.

Но Николай все так же странно-спокоен, все так же улыбается странной улыбкой обреченного. „Опять этот толстяк Родзянко написал мне всякий вздор“, — дословно говорит Николай министру двора, Фредериксу:

„Я ему, конечно, отвечать не буду“.

„Бастует 240.000 человек. Толпы рабочих поют революционные песни“, — жалуется Хабалов в своей телеграмме в ставку, отосланной 26 февраля.

„Я воспрещаю скопление населения на улицах. Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам“, — успокаивает в своей телеграмме в ставку от 26 февраля м. в. д. Протопопов.

Только вечером 27 февраля власти в Петербурге, как будто проснувшись или вылечившись от паралича, решают, наконец, что „пора принять меры“. В понедельник вечером, на совещании кабинета министров у Голицына—решено настоять на роспуске думы и ввести осадное положение в Петрограде. Александра Федоровна в своей телеграмме Николаю в этот день говорит: „Очень беспокоюсь относительно города“.

Но государь и теперь, по-прежнему, спокоен. Когда комендант царского поезда, Б. Герарди, спросил государя, удобно ли ему теперь уехать в разрешенный на несколько дней отпуск, — Николай II ответил: „Отчего же? Конечно, удобно“. „Окружающие не желают тревожить государя“, — записывает в этот день в своем дневнике генерал Дубенский.

События в Петрограде идут, наконец, на полный ход. И слепому ясно, что это уже не бунт, а самая подлинная революция. Волынский полк вместе с Преображенским громит казармы жандармского дивизиона. „Толстяк Родзянко“ посылает новую, вторую телеграмму государю. Первые слова ее: „Положение ухудшается“. Последние слова: „Завтра будет уже поздно, настал последний час, когда решается судьба родины и династии“.

Впечатления и эта телеграмма не производит ни малейшего. Государь отмахивается от телеграммы „толстяка“, по расписанию ходит в штаб, ездит на прогулку, составляет список приглашенных к высочайшему завтраку лиц.

И вот толпа уже арестовала Щегловитова, отысканного где-то в кухне в солдатской шинели и на реквизированном грузовике везет его в Таврический дворец.

— Щегловитов арестован? Не может быть! — говорит, услышав об этом М. В. Родзянко. — Это недоразумение. Я сейчас распоряжусь.

— Как?! Они арестовали Щегловитова? Схватить сейчас же Родзянку, — распоряжается А. Д. Протопопов.

Но распоряжаться уже поздно. Захвачена уже телефонная станция, Петропавловская крепость, арсенал, тюрьмы. Куда-то бесследно исчезли полицейские. Солдаты с большими, красными бантами на груди целуются с одуревшими от радости петербуржцами. Солдаты сидят в кафэ, где их угощают кофе с булочками, откуда-то добытыми образовавшимися революционными ячейками, составленными из дам-патронесс и помощников присяжных поверенных — земгусаров.

В эти дни, когда было совершенно ясно, что весь государственный строй дома Романовых кончился окончательно и бесповоротно, растерянные, ожидающие ареста, прячущиеся

в дворницких и у знакомых сапожников министры сделали последнюю попытку подыграться к революции.

„Об обожаемом монархе“, чьими милостями они жили, чьим вниманием они гордились — никто так и не вспомнил. Но кабинет министров решил в эти минуты исполнить „волю страны“ и самочинно, помимо царя, уволить в отставку министра внутренних дел Протопопова. По приказанию Голицына, отпечатан приказ „об отставке, вследствие болезни министра внутренних дел, действительного статского советника А. Д. Протопопова“.

— Ну, что же, я подчиняюсь, — говорит Протопопов, узнавши об этом предательстве товарищей: — Мне теперь остается только застрелиться.

Но вместо того, чтобы застрелиться, А. Д. Протопопов, боясь самосуда толпы, очень скоро решил отдать себя под защиту государственной думы.

— Где здесь революционный комитет? Арестуйте меня, — я министр Протопопов, — обратился к какому-то студенту в вестибюле государственной думы бледный человек в богатой шубе, без шапки.

Премьер-министр Голыцын прячется где-то на задворках, но пытается вести свою линию и посылает государю телеграмму, в которой, желая „легализовать отставку Протопопова“, не только сообщает, что „совет министров не может справиться с создавшимся положением и предлагает себя распустить“, но еще убеждает Николая „назначить председателем совета министров лицо, пользующееся общим доверием и составить ответственное министерство“. Царь отвечает отказом. Пропущены все сроки, миновала уже, как будто, историческая давность, но и теперь „перемены в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимыми. Николай“.

Что иное мог он ответить Голицыну, если на Николая не может подействовать даже Александра Федоровна, чьи желания до тех пор он выполнял всегда, во что бы то ни стало.

Историческая задача решена, сражение затихает, ибо победа выяснилась, но генерал Беляев, как оказывается,

еще составляет объявление „о воспрещении жителям выходить на улицу после 9-ти часов вечера“, и горько грустит о том, что негде достать ни клея, ни кистей, чтобы расклеить эти объявления по городу. Уже прозрела, наконец, и Александра Федоровна. Она телеграфирует Николаю в ставку „Революция приняла ужасающие размеры. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Нет ни колясок, ни моторов. Окружной суд горит. Уступки необходимы. Много войск перешло на сторону революции, Alice“. Но Николай загадочно улыбается и повторяет свое: „Перемены в личном составе считаю недопустимыми“. В это трудно поверить: в три часа 28 февраля он посылает Александре Федоровне следующую телеграмму (по-английски): „Мыслями всегда вместе. Великолепная погода. Надеюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Любящий нежно Ники“.

Воистину безгранична слепота людская, бездонна и непроходима глупость человеческая!

Я помню эти дни, эти сумасшедшие радостные дни, алые „бескровные“ дни февральской революции. Очень трудно ограничиться одним перечислением документов, когда вспоминаешь радостно улыбающиеся толпы, какой-то особой танцующей походкой двигавшиеся по Невскому проспекту. Я помню, как целовались на улице незнакомые между собой люди, как искали красное сукно (хотя бы дамскую юбку, все равно, что) для обязательных тогда еще не опошленных алых бантов на груди. Я помню, какой ласковой и улыбающейся была петербургская толпа и весенний город. Я помню этих растерянных серячков — солдат, которые, конфузясь от роли героев и от внимания и ласки толпы, с непривычки нескладно уселись в кресла кафэ по Невскому. „Сесть то они сели, а уж назад-то их отсюда не выманишь“ — говорили уже через несколько дней скептики. Но и скептики улыбались и ликовали в те дни и еще не специализировались на обличениях. И веселая и дружная толпа валила в Таврический дворец, где среди кулей муки и складов пулеметных лент П. Н. Милюков говорил о смене преступного монарха. „Вы не любите монархии, и может-быть и я ее не люблю. Но у истории есть свои законы, которые

не зависят от того, нравятся ли они нам или не нравятся Старый деспот будет отречен. Его сменит цесаревич Алексей, регентом будет Михаил Александрович". Глухо гудит удивленная толпа. Но злобы нет, откуда взяться ей в эти медовые дни, когда вот—слушайте, слушайте!—опубликовывается первый за триста лет список настоящих „народных министров" с любимым героем А. Ф. Керенским.

— А кто он будет, этот Терещенко? — спрашивает толпа после опубликования имен новых министров.

Помню, когда я, в ложе печати в Таврическом дворце, в тот день встретил впервые В. Л. Бурцева, он взвинченный переживаемым, сразу же после знакомства, сказал мне о себе: „Я собственно говоря, умеренный конституционалист. Моя программа — минимум—цареубийство"!

И я вспомнил, как в дни революции 1905 года, во время всероссийского съезда журналистов, грузный, страдающий астмой, автор „Записок земского начальника" А. Новиков,— вот так же все порывался выразить свои чувства, обосновать необходимость убить царя и его семью, уничтожить всех великих князей, выжечь все осиное гнездо дома Романовых.

— Да позвольте, Александр Иванович, вы не на тему. Мы ведь теперь вопрос о воскресном отдыхе журналистов обсуждаем,—останавливал его председатель.

Но Александр Иванович, задыхаясь от астмы, повторял все свое:

— Надо уничтожить до основания, надо выжечь до-тла всю династию.

— Его дергали за фалды, шикали, а он размахивал руками и снова повторял, что надобно разрушить этот Карфаген, от которого гибнет русская жизнь.

Много, очень много времени прошло. Давно умер бывший земский начальник Новиков. Не за страх, а за совесть служит Врангелю и собравшимся вокруг него монархистам В. Л. Бурцев. „Новое Время", сразу после революции перекрасившееся в неумеренно-алый цвет и вопившее о позоре „тысячелетиями изменявшей народу монархии", теперь снова поет „боже, царя храни", в Белграде. П. Н. Милюков строит новую тактику в Париже... И, когда вспоминаешь

дни февральско-мартовской революции, приходится констатировать, что злобы, непосредственной ярости к Николаю II не было. Была ненависть к А. Д. Протопопову, к „Ваньке-Каину“—Щегловитову, к городовым, околодочным и жандармам, но не к Николаю.

По отношению к Николаю было худшее: равнодушие. О нем почти не вспоминали, он оказался никому ненужен, о нем забыли.

Ненависть, как бурное чувство, может остыть, она временна. Равнодушие—это непоправимо. Оно безнадежно. Оно навсегда.

ГЛАВА XIII.

Под конвоем.

И вот бывший самодержец уже в заключении. Он гуляет по дорожкам Царскосельского парка в сопровождении конвойных, копается в огороде, пилит дрова и с большой энергией разгребает снег.

Бывший преподаватель царских детей П. Жильяр, живший с бывшим царем в Царском Селе и в Тобольске, — подробно рассказывает нам, как протекали дни заключения, как после пасхального богослужения бывший царь христосовался со всеми конвойными солдатами и караульными офицерами, о том, как в Царское Село приезжал А. Ф. Керенский. Дополнительные подробности сообщит нам председатель следственной комиссии времен. правительства А. Ф. Романов и дочь лейб-медика Т. Л. Мельник-Боткина.

— Вы знаете, мне удалось провести отмену смертной казни, — горделиво заявляет Николаю приехавший проверить конвой Керенский.

— Как жаль, что у меня не было такого министра, который бы говорил мне всю правду, — говорит Николай после отъезда Керенского.

Ошибаются оба одинаково.

П. Жильяр — француз, ему не понять многого из того, что творилось вокруг него.

Разве может этот сын республиканской Франции полностью и до конца оценить хотя бы такого рода удивительный штришок, рассказанный в его книге:

„В эти дни царь и дети отправлялись тайком в караульное помещение и играли в шашки с солдатами“.

П. Жильяр вырос в стране, где любой шоффер или консьерж чувствует себя гражданином в той же мере, как и Клемансо, где торговка яблоками для всех окружающих столь же бесспорная madame, как и жена президента Мильерана.

Но мы-то, мы, современники, мы, благополучные россияне, помнящие всю глубину пропасти, отделявшей от мужика и солдата любого барина, не только царя, но и всякого земского начальника или штабс-капитана, мы, помнящие ту небывалую, воистину сумасшедшую сверхчеловеческую высоту, на которой пребывал всю жизнь „самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая“, — мы по способу особому воспринимаем такие вот детали, как тайная игра бывш. царя в шашки с конвойными солдатами.

Как жаль, что П. Жильяр, бывш. воспитатель цесаревича, все время живший вместе с царем и его семьей, не рассказал о подробностях этой партии в шашки. Неужели сам царь приготовлял тайком в уголке эти арестантские шашки из мякиша, из белого и черного хлеба. Сам ли бывш. царь или престарелый барон Фредерикс, бывш. министр двора, тайно разлиновал крышку от шляпной коробки и зачертил углем квадратики шашечной доски? Хорошо ли играл в шашки бывш. царь, оказался ли сильнее своих партнеров этот недавний повелитель жизни и судьбы ста семидесяти миллионов?

Всего этого П. Жильяр не рассказывает. „Большинство солдат было хорошо расположено к царской семье и особенно к детям, — сообщает он о днях заключения в Тобольске,— великие княжны расспрашивали солдат об их семьях, деревнях“. Маленький Алексей, который, будто бы оставался для них „наследником“, тоже покорил их сердца, и они „всячески старались сделать ему удовольствие и доставить ему развлечение“. Досуги жизни были использованы на постановку любительских спектаклей, водевилей, в том числе и Чеховского „Медведя“. Рассчитывал ли Антон Павлович на таких исполнителей его пьесы?

В те дни, когда царь и дети отправлялись тайком в караульное помещение и разговаривали или играли в шашки с солдатами, „ни разу, ни один из солдат не проявил ни малейшей вольности в обращении“, — свидетельствует П. Жильяр.

Однажды царя и детей застал в караульной комиссар Панкратов, который в изумлении остановился на пороге, наблюдая сквозь очки это неожиданное зрелище, бывш. государя, играющего в шашки с конвойными. „Видя его недоумение, государь сделал ему знак присесть к столу. Но комиссар чувствовал себя, очевидно, не на своем месте, он пробормотал несколько невнятных слов и, повернувшись на каблуках, удалился в полном смущении“.

Ах, французу П. Жильяру никак не понять значения нарисованной им заурядной бытовой картины. Он, П. Жильяр, не знает, например, прошлого этого комиссара временного правительства, Панкратова. А оно любопытно. Это шлиссельбуржец Панкратов. Еще юношей, в 19 лет, он попал в тюрьму, и так как, кроме хранения литературы и недозволенной типографии, в обвинительном акте оказалось еще и убийство жандарма, то Панкратов, как попал в 19 лет в шлиссельбургскую крепость, так всю жизнь до самых дней революции и не знал воли. 15 лет в одиночной камере Шлиссельбурга и 12 лет ссылки в Якутской области,—вот стаж этого человека, приведший его в дни революции на пост комиссара Временного правительства.

Странно и неожиданно кончилась эта партия в шашки, разыгранная на Руси в наши дни!

Т. Мельник-Боткина в отличие от П. Жильяра не ограничивается одними бытовыми штрихами из жизни бывш. царя в его заключении.

Она рассказывает нам еще и о том, что делали в те дни монархисты для спасения „своего царя“.

Многочисленные мемуары и воспоминания о днях революции не давали до сих пор никакого ответа на этот вопрос. Казалось, как-будто в дни февральской революции сразу исчезла на несколько лет порода монархистов в России, как-будто и не было черносотенцев на Руси, не было

любимцев и баловней царского режима, от нижних чинов охраны до свитских генералов и адъютантов...

Алые банты сразу же прикрыли собой в те дни значки „союза русского народа“.

Только и было, что покончил с собой после революции старый герой охранки, Зубатов, да еще отказался присягать временному правительству и ушел в отставку граф Келлер (впоследствии изменивший своим монархическим принципам и поступивший на службу к гетману Скоропадскому). Да еще отказался от сношений с миром генерал П. И. Мищенко; поселившийся в Темир-Хан Шуре, старый генерал безвыходно проводил время у себя дома в полной генеральской форме с георгиевскими крестами на груди. В первый же раз, когда в большевистские дни к нему явились с обыском и потребовали от него снятия погон, старый генерал застрелился.

Зубатов, граф Келлер, генерал Мищенко... Недлинен оказался этот список рыцарей белой лилии на Руси. И сколько ни появлялось новых мемуаров о революции, — так и не найти было ни одного указания на то, что делали, что пытались делать монархисты в те дни, пока был жив их обожаемый монарх.

Неужели ни одного человека, готового на жертву, так и не нашлось среди монархистов всея России?

Только теперь изданная в Белграде книга Т. Мельник-Боткиной „Воспоминания о царской семье“ дала много новых и любопытных материалов по этому вопросу.

Автор — горячий монархист, нежно влюбленный в „святых мучеников“, Николая, Александру Федоровну и их детей. Февральская революция для автора это — великий несмываемый грех перед царской семьей“. Если „нынешние несчастья России будут еще продолжаться 10, 20, 30 лет, то это будет вполне заслуженное наказание“, — уверяет он.

Но, по своему положению при дворе (Т. Мельник-Боткина дочь лейб-медика Е. С. Боткина, погибшего вместе с Николаем и его семьей), автор многое знает.

И вот, именно здесь, в этих мемуарах монархистки, мы впервые находим доказательства того, что жив оказался монархизм на Руси и после революции.

Правда, „чины конвоя его величества“ в первый же день революции оказались „надушенными“, напомаженными и с красными бантами и „все моментально забыли то исключительное положение, которое они занимали при дворе, ту ласку и внимание, которые им оказывали их величества“. Но зато в далеком Тобольске нашлись, оказывается, пылкие монархисты. Не оскудела героями Русская земля!

Первым героем такого рода оказался священник Алексей Васильев. Во время обедни, когда вся царская семья была в церкви, он, — рассказывает Т. Боткина, — возгласил вдруг многолетие царствующему дому, полностью отчеканив при всем честном народе формулу звания „их императорских величеств“.

Впечатление от этого выступления, легко себе представить, получилось колоссальное. Но на гнилой почве российского монархизма не растут белые лилии. К каким странным последствиям свелось сразу же геройство этого монархиста! Отставленный от должности после этого выступления, отец Алексей прославил этим свое имя в монархических кружках по всей России. По его адресу стали посылать деньги для бывшего царя и на его дело освобождения, к нему стали обращаться и все монархистские агенты, приезжавшие в Тобольск для устройства побега Николая.

Деньги отец Алексей присваивал, а приезжающих монархистов выдавал для передачи в чека совдепу, — так трагически просто кончилось все дело, — свидетельствует автор „Воспоминаний“.

Может-быть это случайность, исключение? Увы нет! Вот и другой организатор побега Николая, ярый монархист, поручик Соловьев, присланный монархистами в Тобольск и горделиво уверявший, что у него за спиной „сильная организация, состоящая из 300 офицеров“. Соловьев требовал присылки как можно больше денег. Присылаемые деньги Соловьев так же присваивал, а приезжавших офицеров выдавал совдепу.

Гнилые плоды оказались на гнилом дереве монархизма!

„Надо отдать справедливосъ нашим монархистам, что они, собираясь организовать дело спасения их величеств, вели все это, не узнав даже подробно тобольской обстановки

и географического положения, — констатирует Т. Мельник-Боткина. Петроградская и московская организации посылали многих своих членов в Тобольск и Тюмень, но все они попадались в ловушку — организацию отца Алексея и Соловьева".

Монархисты остались верны себе до конца. „Не было ничего легче, как организовать спасение их величеств", — констатирует далее Т. Мельник, но продажность и измена самих монархистов с первых же шагов губили дело.

Удивляться ли, что, когда денег у бывшего царя оказалось мало и „тобольские купцы не решались больше давать в долг",—старые царские слуги (самые преданные, последовавшие за ними в ссылку) подняли из-за временно не полностью заплаченного жалованья совершенно невероятное возмущение и скандал. „Даже в это трудное время преданность придворной прислуги их величествам, — говорит Т. Боткина, — не помешала им красть провизию, подавать невероятные счета, съедать присылаемые их величествам подарки и напиваться до того, чтобы ползать мимо комнат их величеств на четвереньках".

А когда, по случайному недоразумению, нечаянно вскрыли один из сундуков знаменитого дядьки бывшего цесаревича, матроса Деревеньки, этот сундук оказался наполнен накраденными за много лет вещами, — новыми сапогами от Вейса, платьем от лучших портных и т. п.

Монархисты остались верны себе до конца! Во всей книге Т. Мельник-Боткиной есть, кажется, только один, никого не предавший монархист, безымянный старенький полковник в Тобольске, который „на следующий день после приезда их величеств надел полную парадную форму и в течение получаса стоял, вытянувшись во фронт, перед окнами их величеств".

Жив ли этот трогательный старенький полковник? Читал ли он эту трагическую, самоубийственную книгу „Воспоминаний" монархистки Т. Мельник-Боткиной? Знает-ли он о съездах Рейхенгалля, где опозорившие свое имя, загубившие прежнюю Россию монархисты мечтают снова княжить и володеть новой Россией?

И если он, старенький, трогательный полковник знает все это, то что думает он теперь о монархизме и монархистах? Сохранил ли хоть он-то,—единственный!—старую веру и старую любовь. Или уже и он проклял былую веру и былые монархические убеждения?

ГЛАВА XIV.

Итоги.

И вот—Николая нет. Министр юстиции Колчаковского правительства С. Старынкевич уже телеграфирует союзному совету в Париже о том, что „в 18 верстах от Екатеринбурга крестьяне раскопали кучку пепла, в которой оказалась пряжка от подтяжек, четыре корсетных планшетки“ и „палец, относительно которого доктора указали на особенную холеность ногтя и принадлежность его породистой руке“.

Это все, что осталось от Николая II, бывшего самодержца Всероссийского и всей царской семьи.

Правительство Колчака производит подробное „следствие о кошмарном злодеянии“. По словам Екатеринбургского красноармейца Анатолия Якимова в его показании следователю по особо важным делам, „всех их было 13 человек, 13-й доктор“. „Их пришлось пристреливать и добивать прикладами, прикалывать штыками“. „Особенно много возни было с фрейлиной Вырубовой. Она все бегала и закрывалась подушкой, на теле ее оказались 32 раны“. „В подушках нашли пачку денег и бриллианты“.

Монархисты пускают в обращение легенды о том, что это „жиды виноваты“, о том, будто-бы и заведывавший делом расстрела революционер, рабочий Верх-Исетского завода Петр Захарович Ермаков — еврей, и председатель Екатеринбургского исполкома Сергей Павлович Млышкин еврей, и, будто-бы, все принимавшие участие в расстреле

красноармейцы: — Александр Костоусов, Василий Леватных, Николай Портин, Александр Кривцов — все сплошь евреи. Это неудивительно. Ведь оказался же, по исследованию, „Нового Времени“, А. Ф. Керенский — евреем Ароном Кирбисом. Оказался евреем и Владимир Ильич Ульянов по особому исследованию о жидомасонах Григория Востунича-Шварца.

На ряду с этим усиленно создаются легенды о том, что Николай II жив и скрывается где-то в Монголии, и вот-вот явится и вновь воссияет над землей Русской, о том, что Михаил Александрович живет в Крыму у Врангеля и вот-вот объявит себя царем.

Но уже поздно. В Екатеринбурге издан сборник „Рабочая революция на Урале“ (по воспоминаниям и документам). Здесь приведены все данные о казни Николая Романова и его семьи в Екатеринбурге, великих князей Сергея Михайловича, Игоря Константиновича, Константина Константиновича в Алапаевске и Михаила Александровича (брата Николая II) в Перми.

Статья „Последние дни последнего царя“, которой начинается уральский сборник, говорит о том, что в местопребывании бывшего царя были усмотрены в дни приближения Колчаковских войск опасные симптомы контр-революционных заговоров: „в Тобольске была обнаружена деятельность епископа Гермогена и большого количества контр-революционных элементов. В Тюмени был арестован бывший глава временного правительства, князь Львов, объяснивший, что он будто-бы приехал по „лесопромышленным делам“. Являлись представители Красного Креста от разных дипломатических миссий. Однажды явился даже член генерального штаба Сибирских войск Мигич“...

Оффициальные советские документы далее, говорят:

„Становилось совершенно очевидным даже для широких кругов населения, что монархисты свивали в Екатеринбурге организации для освобождения Николая, так-что Областной Совет был однажды поставлен перед фактом возможности неорганизованного, стихийного выступления рабочих с целью расправы над царем и собравшейся вокруг него кликой.

Возмущение рабочих масс очевидной организацией контр-революции было настолько велико, что в рабочих кругах Верх-Исетского завода определенно назначался день расправы с царем, — праздник 1 мая. Областной Совет, не желая допустить этого неорганизованного выступления, принужден был в этот день организовать бессменное дежурство членов Совета".

Близость белого фронта и чехо-словацких эшелонов создавала в это время угрозы падения Екатеринбурга, — указывают далее советские источники.

„На заседании Областного Совета вопрос о расстреле Романовых ставили еще в конце июня, принципиально же был решен в первых числах июля. Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета. Когда президиум Областного Совета подписал смертный приговор Николаю Романову и его семье, чехословакский фронт был уже близко, и контр-революционные банды с двух сторон — от Челябинска и по Западно-Уральской железной дороге двигались на Екатеринбург".

Фактическая часть советских сведений вполне совпадает с данными, идущими от Колчака.

Генерал Дидерихс, на которого „верховным правителем Колчаком была возложена задача обследовать убийство царской семьи", — свидетельствует: „Вся царская семья и великие князья убиты. Первые в Екатеринбурге, вторые в Алапаевске в 60 верстах от Екатеринбурга. Царская семья убита по постановлению Уральского Областного Совета в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.".

Кровь — всегда кровь, и пролитие ее, — справа или слева, как и в мирные дни, так и в обстановке войны, — всегда ужасно и кощунственно. Кровь всегда несмываема.

Но весьма частая обывательская точка зрения, считающая кошмарной Екатеринбургскую трагедию, потому что убита именно царская семья, — не может привлечь беспристрастного человека!

— Убийство царя! Вы только подумайте, какая трагедия!

Убийство царя трагично как-раз в той же мере, как убийство стекольщика или земледельца. Убийство — всегда

ужасно, и кто посмеет сказать, что убийство в Екатеринбурге простой мужицкой семьи — было бы более нравственно, чем убийство семьи царской.

Да, но согласитесь — это ведь был тот самый Николай II, пред которым так унижались, которому подавали прошения на высочайшее имя..

У расстрелянного столяра не было бы и этого утешения, в виде воспоминания о прошлом. Он и всю-то жизнь знал только труд, только бедность и унижение. Перед ним, расстрелянным столяром, никто и раньше не унижался, ему не подавали верноподданнических прошений, не припадали к его стопам. Он и в малой мере не знал сладкой отравы всемогущества. И он не был виновником тысяч смертных казней, произведенных в последнее царствование.

Свята и неприкосновенна всякая жизнь, всякая личность человеческая.

Николая II нет. Не место словам злобы у могилы человечества. Кто будет апплодировать королю, тот будет избит, кто будет ругать его, тот будет повешен, — говорит декрет французской буржуазной революции.

Николай II—казнен. Революцию,—увы не делают в перчатках. Не сладеньким лимонад-газесом, а горячей человеческой кровью поливает молодые ростки новой жизни история. Увы, это не единственная казнь за эти годы. Смерть — это нельзя без этого. Надо извлечь все уроки, какие дает нам жизнь Николая.

Это нами правил двадцать два года, над нами целые века царствовал Николай II, с его „незабвенными родителями“ и венценосными предками. Это нас били по морде царские урядники и околодочные, нашу Россию обращали в стадо ста пятидесяти миллионов рабов. Это нас ссылала в глухие тундры Акатуя и Зерентуя, нас гноили в бастионах Петропавловки и Шлиссельбурга. И мы — терпели. Мы писали верноподданнические адреса и украшали наши дома флагами в табельные дни тезоименитств, и пели „боже царя храни“, и доходили до холопского восторга, до патриотического азарта, как в дни объявления войны.

Это мы создали, мы терпели этого убогого заурядпрапорщика на троне. Николай II — это следствие, а не причина. Если бы на месте Николая II сидел Александр Керенский или Виктор Чернов, если бы в этой должности служил Иосиф Гессен или Павел Милюков,— деятельность этого самодержца на троне не была бы иной, ибо нас, нашу страну отражало его, воистину, свободное творчество.

Нет и не может быть в наши дни личной злобы к покойному Николаю. Пряжка от подтяжек и четыре планшетки от дамского корсета в куче золы,—вот все, что по данным колчаковского следствия осталось от убитого царя и его семьи. О личной жизни и царской деятельности Николая в наши дни можно говорить только спокойно и беспристрастно. К каким-же выводам приводит нас исследование творчества этого покойного автора?

Талантливость почти всегда одностороння. Александр Блок писал хорошие стихи, но из него, надо думать, выработался бы очень скверный архитектор. С. Ю. Витте был незаурядной величиной в области финансовой, но из него получился-бы отвратительный композитор. Скрябин не справился-бы с должностью банкового бухгалтера. Талантливость—в большинстве случаев одностороння. Но бездарность всегда многогранна. Бездарный человек — бездарен во всем, за что бы он ни взялся. Николай II — никто не обязан быть гением!—был глубоко и трагически бездарен. Отсюда та роковая черта неудачничества, какой отмечены все его личные и государственные шаги. Ходынка, Японская война, 9-е января, „союз русского народа“, военная деятельность, внутренняя политика, — все отмечено одной печатью. И были бездарны все сановники и министры, и была бездарна вся история страны, и самая страна. И что же было делать, если при дворе был всего один талантливый человек, да и то Распутин, если по всей России нельзя было найти ни одного неворующего пристава, ни одного не ломающего ребер урядника! Если Россия—страна самого лучшего в мире балета, самой проникновенной в мире литературы—так и оставалась все же самой нищей, самой грязной, самой несчастной в Европе страной; и рус-

ский земледелец не умел обрабатывать землю, и русский рабочий не умел и не любил работать, и русский интеллигент был „чеховский и ноющий“. И, когда в Пастеровском институте, в Париже, для опытов нужны были насекомые, распространители тифа,—их неизменно выписывали именно из России.

Политика Николая II—была очень плохая, жестокая и самоубийственная политика. Но много терпелив народ русский. Думается, не по этой причине сбросили Николая темные массы народные. Не за политику, а за неудачничество, за бездарность, за войну, за воспрещение водки, за дороговизну, за нескладицу, за убогую жизнь желали мстить восставшие толпы.

Николай II это был Епиходов. „22 несчастья“ неустанно преследовали его. Это был Антон Горемыка на троне.

И возле этого Антона Горемыки—бок о бок, рядом с ним оказался вдобавок Григорий Распутин...

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Фундаментальная Библиотека К. УГТ. В.
ПОГАШЕНО

ОГЛАВЛЕНИЕ.

			Стр.
Глава	I.	Цель жизни Николая II.	3
„	II.	Начало царствования	7
„	III.	Родители	17
„	IV.	Семейные устои	25
„	V.	Отрочество и юность	33
„	VI.	Литературная деятельность	47
„	VII.	Предшественники Распутина	58
„	VIII.	Григорий Распутин	68
„	IX.	Правдоискательство Николая	76
„	X.	Дворцовый быт	91
„	XI.	Кануны	107
„	XII.	Февральские дни	118
„	XIII.	Под конвоем	129
„	XIV.	Итоги	135

ПЕТРОГРАД:
Проспект Володарского
(бывш. Литейн.), № 51.
Телеф. 5-61-46.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПЕТРОГРАД“

Отделение в МОСКВЕ:
Петровка, 7,
книжн. магаз. „МАЯК“.
Телеф. 1-48-92 и 44-74.

Журналы и сборники.

„АННАЛЫ“. Журнал всеобщей истории — Российской Академии наук, под ред. акад. **Ф. И. Успенского** и **Е. В. Тарле.** Кн. I (распродано), II и III.

„РУССКОЕ ПРОШЛОЕ“. Исторические сборники, под ред. **С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова** и **Юлия Гессена.** Книга I, II, III и IV.

„АРГОНАВТЫ“. Сборники по искусству под ред. **Н. Лансере** (архитектура), **Д. Митрохина** (графика) и **Э. Голлербаха** (живопись и прикладное искусство). Кн. первая.

„ПЕТРОГРАД“. Литературный альманах, под общ. редакцией **А. И. Гегина** и **Я. Б. Лившица.**

ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ, под редакцией **Б. И. Кауфмана** и **А. И. Клейнмана.**

Мемуары. История.

МОРИС ПАЛЕОЛОГ. Царская Россия во время мировой войны.

ЕГО ЖЕ. Царская Россия накануне революции.

П. КУРЛОВ. Конец русского царизма. Воспоминания бывш. командира корпуса жандармов.

ЕВГ. КОЛОСОВ. В Сибири при Колчаке.

Г. НОСКЕ. Записки о германской революции. Пер. **Г. И. Гордона.**

Ф. НИТТИ. Европа без мира. Пер. с итальянского.

Я. ВАССЕРМАН. Мой путь, как немца и еврея.

Д-р МАДЛЕН-ПЕЛЛЬТЬЕ. Моя поездка в Советскую Россию.

С. Ф. ПЛАТОНОВ. Петр I.

Е. В. ТАРЛЕ. Три катастрофы.

ЕГО-ЖЕ. Ирландия.

И. М. ВАСИЛЕВСКИЙ (не-Буква). Романовы. Портреты и характеристики.

ЕГО-ЖЕ. Николай II.

ЕГО-ЖЕ. Белые мемуары.

С. ЛЮБОШ. Последние Романовы. Портреты и характеристики.

И. ГУРВИЧ. Записки эмигранта.

ЕЛ. ДЖАНУМОВА. Мои встречи с Распутиным.

Графиня М. КЛЕЙНМИХЕЛЬ. Из потонувшего мира.